

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2025 18 (5)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2025 18(5)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 5. 28.05.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 21.05.2025. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 17,0.
Уч.-изд. л. 16,5. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23358.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразасва**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Cultural Linguistics

- Alejandro Contreras Koob and Albina V. Bojarkina**
Polyglossia in Cinema: Indigenous Languages and their Place in Work Dramaturgy 868
- Oksana A. Kaverina, Olga V. Kuznetsova and Margarita V. Novoselova**
Irkutsk as a Territory of Sustainable Development of International Educational Tourism (Using the Example of Chinese Students) 877
- Alena V. Barinkova, Nadezhda S. Karacheva, Aleksandra M. Koshel and Viktoriia P. Balashova**
Family, School, and Community as Three Basic Institutions of Social Governance in the System of Ethnic Education in China (Using the Example of Chinese Evenks) 885
- Vadim V. Sdobnikov**
Impact of Information Technologies on the Translator's Digital Identity 895

Law

- Fahil A. Abdulkareem and Andrei I. Semenovskii**
Assessment of Digital Evidence in Criminal Proceedings: Roman-German and Anglo-Saxon Approaches 906
- Anastasia O. Osadchaya and Cholpon S. Sulaymanova**
Decriminalization of an Action: Is the Right to Rehabilitation Justified? 916
- Aleksei V. Dolzhikov**
The Principle of Legality and Limitation of Administrative Arbitrariness 925
- Vjacheslav E. Juzhanin and Dmitry V. Gorban**
New Popular Principles of Penal Enforcement Law: Problem Statement 934
- Elizaveta V. Zainutdinova and Valeriy N. Lisitsa**
Digital Rights and Digital Currency: Issues of Legal Nature and Their Correlation 949

Art History

- Natalia E. Mazalova**
Saint Petersburg Mythology as a Marker of Ethno-Cultural Identity of City Dwellers 958
- Pavel S. Sorokin and Irina A. Afanaseva**
Contemporary Russian Art and the Problem of Agency 970
- Tatiana V. Portnova**
Religious Themes in Painting and Sculpture of Contemporary Authors on the Example of the Countries of Central, Eastern and Western Europe 980
- Olga V. Gryzunova**
The Origins of Strategies for Working with Media Technologies in Choreographic Performances of the 1990s-2010s 991

Cultural Studies

Olga M. Khomushku

On the History of Buddhism in Tuva and the Formation
of the Kamba Lama Institute in the Region

1002

Ekaterina A. Sertakova, Yulia S. Zamaraeva,

Anna A. Omelik and Maria S. Koptseva

Pioneers of Polar Aviation in the Russian Empire in the Early 20th Century

1011

Ethnology

Maksim Yu. Kuznetsov

The Enets Sub-Fund of the Department of National Literatures
of the Russian National Library as a Material for the Study of the Problems
of the Formation of the Enets Written Tradition

1024

Olga B. Stepanova

Problems of Fishing on the Taz River: History, Modernity, and Solutions

1033

Victoria B. Malakshanova

Means of Transportation of the Okhotsk Evenks:
Local Peculiarities, Traditional Technologies and New Materials

1043

Izabella Z. Borisova

Traditional Clothing as an Indicator of Self-Identification
and a Factor of Cultural Preservation
in the Context of Industrial Development of Ancestral Lands
(Using the Example of the Evenki of Syuldukar)

1051

Cultural Linguistics Лингвокультурология

EDN: ZHDDGA
УДК 392; 791.43/.45; 81

Polyglossia in Cinema: Indigenous Languages and their Place in Work Dramaturgy

Alejandro Contreras Koob^{*a} and Albina V. Bojarkina^{b,c}

^a*St. Petersburg University*

^b*Herzen University*

^c*St. Petersburg State Rimsky-Korsakov Conservatoire
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 21.01.2025, received in revised form 17.03.2025, accepted 16.04.2025

Abstract. The article analyzes the main strategies of using polyglossia (multilingualism) in cinema that have characterized films in recent decades, especially the tendency to use indigenous languages, using Mexican cinema as an example. The use of polyglossia to create a special exotic atmosphere or to illustrate a polylingual situation is being replaced over time by the tendency to use polyglossia as an equal participant in the cinematic narrative. Using examples from Mexican films of different periods, from the 1920s and 30s to contemporary films, the authors analyze the process of transition from the “sounding” of specific accents in films to characterize the indigenous peoples of Mexico to the interweaving of numerous Mexican native languages into the “texts” of films to emphasize social and status contrasts or even conflicts. The study material consists of cinematic works by Mexican directors of different years, both established and young, who have recently raised important issues of identity for Mexican society and analyzed the social problems of globalization and decolonization in their films.

Keywords: polyglossia in film, indigenous peoples of Mexico, indigenous languages, identity, globalization and decolonization.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies); Ethnography; Theoretical, Applied, Comparative and Contrastive Linguistics; Translation Studies.

Citation: Koob Contreras A., Bojarkina A. V. Polyglossia in Cinema: Indigenous Languages and their Place in Work Dramaturgy. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 868–876. EDN: ZHDDGA

Полигlossия в кино: языки коренных народов и их место в драматургии произведения

А. Контрерас Кооб^а, А.В. Бояркина^{б, в}

^аСанкт-Петербургский государственный университет

^бРоссийский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

^вСанкт-Петербургская государственная консерватория

им. Н.А. Римского-Корсакова

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье анализируются основные стратегии использования полигlossии (многоязычия) в кино, характерной для фильмов последних десятилетий, в особенности тенденции применения языков коренных народов в мексиканском кинематографе. Использование полигlossии для создания особой экзотической атмосферы или иллюстрации полиязычной ситуации сменяется со временем тенденцией использования полигlossии в качестве равноправного участника кинематографического нарратива. На примерах мексиканских фильмов нескольких периодов, начиная с 1920–1930-х годов до первой четверти XXI века, авторы анализируют процесс перехода от характеристики представителей коренных народов Мексики «звучанием» специфических акцентов к вплетению многочисленных языков мексиканских индейцев в «тексты» фильмов с целью подчеркнуть социальный и статусный контраст или даже конфликт. Материалом исследования служат кинопроизведения мексиканских режиссеров разных лет, поднимающих в последнее время важные для мексиканского общества вопросы идентичности и анализирующих социальные проблемы глобализации и деколонизации.

Ключевые слова: полигlossия в кино, коренные народы Мексики, языки коренных народов, идентичность, глобализация и деколонизация.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.9.8. теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Контрерас Кооб А., Бояркина А.В. Полигlossия в кино: языки коренных народов и их место в драматургии произведения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 868–876. EDN: ZHDDGA

Introduction

Polyglossia as a phenomenon is found not only in literary works, but also in texts of different semiotic nature – for example, in theatrical works (multilingualism of Roman, medieval European, Indian theater (Milchina-Braginskaya, 2017)) or in music and stage (polylingual motets, cantatas, inserted arias in operas). But the phenomenon of polyglossia is

particularly vivid in cinema and is realized in films about bilinguals, interpreters, multicultural families, heroes traveling to distant countries. Different languages create a special atmosphere that illustrates the situation and complicates the author's statement. For example, in the sci-fi action film *The Fifth Element* (1996, directed by Luc Besson), the heroine speaks an artificial language invented by the director at the very

beginning; fake Farsi becomes the center of the plot of the military drama *Lessons in Farsi* (2020, directed by Vadim Perelman); and in the film *Breakfast at Tiffany's* (1961, directed by Blake Edwards), Portuguese is heard in the episode of the main characters' meeting before their supposed departure to Brazil (the main language of the film is English).

Conceptual Bases of Research

The phenomenon of polyglossia itself has aroused sustained research interest in various contexts, and this interest goes back to the works of M.M. Bakhtin (Bakhtin, 1965; Bakhtin, 1981; Bakhtin, 1986). Drawing on the scholar's ideas about "multilingualism," some researchers speak of the balance between monoglossia, polyglossia, and heteroglossia (Eremeev, 2012). At the same time, they emphasize the difference between the concepts of polyglossia and heteroglossia: that is, polyglossia (multilingualism) is the coexistence of different languages, heteroglossia (divergence) is the differences within one language, the stratification of language into social dialects, jargons. At the same time, the peculiarities of polyglossia manifestation in literature are considered not only from the point of view of linguistics and literary studies (Loiko, 2022; Salhanova, 2012; Kochetkov, 2022; Alekseeva, 2023; Alekseeva, 2021), more often these questions are raised in the context of social processes (Milchina-Ierusalimsky, 2017; Majkowski, 2020).

Problem Statement

The use of polyglossia in cinema is traditionally conditioned by the subject matter of the film: foreign characters speak different languages, and the sound of the "other" language in the frame, together with noise and music, creates the necessary framework for the director (Martin, 2012; Wahl, 2003; Wahl, 2005). However, it is not only the "foreign" language as an artistic device that is interesting in cinema; in some films, the sound of a particular language(s) is a crucial part of the cinematic narrative. For example, indigenous languages in Mexican cinema play a crucial role in the dramaturgy of films, and their use can reveal

additional layers of meaning. The use of polyglossia and heteroglossia in Mexican cinema has changed radically through several stages of its development, reflecting the social and political situation in the country.

Methodology

Throughout the different stages of development of Mexican cinema, the functions of the use of polyglossia and heteroglossia in cinema have changed radically, reflecting the social and political situation in the country. And in the process of revealing the differences in the approach to this problem of different generations of directors, film-scientific analysis (determination of the plot principles of film construction and the logic of following the plot; analysis of visual and artistic-expressive means; contextual analysis) was applied, as well as structural, narrative and comparative analysis of film works. An interdisciplinary, semiotic approach was used (sociological, historical and cultural, symbolic-metaphoric analysis, elements of linguistic and multimodal analysis of the script text).

Discussion

Language as a means of integrating indigenous peoples into the economic life of the country

Mexico is a unique country. Although Spanish has been the primary means of communication for several centuries, there are about 70 indigenous languages in the country (from seven different families as well as four isolated languages), and still about 7–10 % of Mexicans actively use them in communication.

The term *indígena* (Spanish for indigenous) refers to a person who is not only indigenous, but who speaks an indigenous language and lives according to his own traditions, in contrast to the city dweller. In other words, it is a person who does not live in a cultural space shaped by the creoles and presented by the state as the model culture of the country. He still retains the traditions of his pre-Columbian ancestors, their world view, but not in its pure form. Catholicism has left its mark, and in general the influence of Spanish culture is evident.

Mestizo in Mexico means a person of indigenous descent who may have Spanish blood. He no longer follows the traditions and way of life of his ancestors and therefore does not speak the indigenous language. He or she has Spanish as his or her mother tongue and lives in Mexico's cultural and social space, which basically corresponds to that of Spain, but with elements of local tradition.

After the revolution of 1910–1920, the Mexican government tried to promote indigenous education in every way possible. This was done by producing nationalist textbooks and funding the arts, including cinema, until the 1980s. Attempts to teach in indigenous languages actually led to the learning of Spanish, since the real reason for these educational efforts was not to preserve indigenous languages, but to integrate indigenous people into the economy (Brumm Roessler, 2006; Gutenberg, 2021). To promote the spread of Spanish among the indigenous population and as a means of ideological cohesion for the nation, the Mexican state relied heavily on cinema.

Language and Cinema: Periods of Indigenous Language Introduction in Mexican Cinema

The nationalist discourse in post-revolutionary Mexico was dominant from the 1930s to the 1950s. This is the era of the formation of the country's general national culture. And cinema played an important role in its creation, receiving state funding until the late 50s. Films created appropriate representations, including of those who did not fit into the national image, such as the indigenous peoples. One means of characterizing these peoples was language, but not indigenous language, but a Mexican version of Spanish inflected with native languages. Although the new Mexican culture was proud of its indigenous heritage (the surviving pyramids, the country's distinctive architecture and art), the indigenous peoples were considered “backward” and needed to be “integrated into a common civilization”. In other words, the Mexican government was not fighting indigenous cultures, but rather trying to absorb them (Jablonska, 2017; Gómez, 2007; Quiroz, 2022).

At that time, the movie genre “indigenista” (indigenous) was created to represent indigenous peoples. An important element to characterize the indigenous peoples is their language, which becomes part of the narrative in itself, as it is a crucial element to create a contrast, a barrier between the characters. The language is Spanish, but it differs from the usual Mexican version in pronunciation, accents, and a peculiar manner, and these characteristics were presented in the film with an obvious exaggeration.

Here we see an attempt to create a certain image of the indigenous people, without using or even alluding to their indigenous languages, which they would have spoken among themselves, but in Spanish, which they used to communicate with the outside world. In this way, cinema creates an image of the indigenous population that fits the national paradigm.

It is worth noting that in these films the main roles, and in general almost the entire cast, are played by non-indigenous people. As a result, this approach created a rather negative image of the indigenous population, and this “cinematic” language will be perceived as a mockery by future generations of writers, directors, etc.

Since the influence of indigenous languages on the Mexican version of Spanish mainly affected the lexical composition of the language, heteroglossia became a crucial part of the narrative in the films. The language helps to emphasize the environment in which the characters live, reinforcing the “sense of the foreign” and creating social and cultural barriers. It is worth noting that in Mexico, the indigenous population belongs entirely to the poorest social class, so language defines not only ethnicity but also social status. It also determines social geography, since indigenous people tend to live outside the big cities, mostly in rural areas in villages. In the cities, they are found as migrant workers, on construction sites, as domestic servants (women).

Heteroglossia

During the Golden Age of Mexican Cinema, until the 1960s, heteroglossia prevailed in the scripts and “language design” of the films.

María Candelaria (1943, directed by Emilio Fernández), starring Dolores del Río and Pedro Armendariz and *Tizoc* (1957, directed by Ismael Rodríguez), starring María Félix and Pedro Infante, are excellent examples.

Both films received international recognition, “*María Candelaria*” – Grand Prix at the Cannes Film Festival in 1946, “*Tizoc*” – Golden Globe (Hollywood) in the category of Best Foreign Language Film in 1957. Both films star very famous Mexican actors. In the first film, the actors portray a stereotypical image of indigenous people, speaking Spanish but with a distinctive accent, although the real characters they portrayed spoke Nahuatl among themselves.

In general, the accent and manner of speaking in Mexico depend on the speaker’s indigenous language. They are the result of the influence of the indigenous language, and this influence extends not only to phonetics, but also to grammar and vocabulary. These different colloquialisms differ from the language of the social classes typical of the cities. They immediately identify the speaker as belonging to the indigenous population.

In the second film, shot in color and already at the beginning of another era, the use of makeup and language was not sufficient, the skin of the main character was painted in a darker tone to make him look more “realistic”. But in both films, the accent accurately identifies the characters as belonging to one class or another, and the accent of the indigenous characters clearly draws a barrier between them and all the other characters.

It is noteworthy that the pastor, the artist, the official, and the teacher in the films always speak the variant of Spanish that was considered the proper one, as on radio or television, which promotes this variant of the language as the official one. Similar phenomena apply to all the films of the Golden Era of Mexican cinema. If an indigenous language is heard at all in the picture, its function is to create an atmosphere, and most likely an exotic one.

Another example of heteroglossia can be found in the 2013 film “*Nosotros los Nobles*,” which translates as “We are the Nobles” or “The Noble Family.” The title of the film itself is a play on words. It has two meanings: on the

one hand, the family is called Noble (Spanish: noble), and on the other hand, it characterizes the family – “we are nobles, we are rich”.

Although there are no indigenous people in the film, there is a conflict between the poor (mestizos) and the rich (people of Spanish descent), and language helps to create the narrative by characterizing and creating a contrast between the classes, which in Mexico are differentiated not only by financial status, but also culturally and ethnically, and language plays a crucial role here.

The image of the heroine’s young man, an Alfonso who speaks the Castilian version of Spanish, has a special place in the film – a reference to the foreign origin of the hero, who pretends to be, although he was born in a Mexican village. Here, the language is used as a means of concealing his social origin, since the hero is clearly not a mestizo, but neither is he a member of the rich class. In order to be accepted into the wealthy Mexican class, the hero pretends to be a foreigner, in this case a Spaniard. It is worth noting that Spaniards often play negative roles in Mexican cinema.

Polyglossia

Polyglossia has appeared in Mexican cinema since the 1960s, when indigenous languages became part of the film’s narrative and not just a setting. Until the late 20th century, indigenous people in cinema were portrayed in a kind of idealized image, without going into details of ethnic specificity, or as the poorest stratum of society, oppressed by superior social strata composed of mestizos and Spaniards. State-sponsored documentaries were exclusively ethnographic, filmed without indigenous perspectives, and categorized and evaluated (awarded prizes at festivals, etc.) by ethnographers, anthropologists, and filmmakers. The presence of representatives of the same ethnic groups on the juries of ethnic film festivals was extremely rare. In response to the government’s policies toward indigenous peoples, independent private initiatives began to emerge to protect the rights of indigenous peoples, preserve their culture, and ensure their own point of view in the information field (Jablonska, 2017; Méndez-Gómez, 2023).

At the end of the twentieth century, Latin America experienced a revival of ethnicity, with issues of self-determination, recognition of the validity and diversity of indigenous cultures, their valuation and place in the state on the agenda. An academic discourse has emerged that recognizes the diversity of indigenous cultures that defy a common denominator. As a result, the state now has a policy of preserving indigenous languages and cultures and supporting their voice. Against this backdrop, the role of indigenous languages in Mexican cinema is expanding, and language is becoming part of the narrative.

Yango (1961, directed by Servando González) is the first film that shows elements of polyglossia. The director portrays the village and the indigenous people in a very realistic way, without the stereotypes accepted at the time. The plot is based on a story by the writer Heinrich Sienkiewicz, the film relies mainly on visual framing and montage, the narrative is based on the movements and gestures of the actors, there is little dialogue, but it is noteworthy that this is the first time that the Nahuatl language is heard throughout the film, without translation, as in a documentary. The director managed to create a real "fairy tale" of his contact with the indigenous people. The film was shot on location, and it really captures the fairy-tale atmosphere, the nature of the village of San Andrés Mixquic, which was lost in the process of the shallowing and disappearance of Lake Chalco. For the first time, language was not used to add color or exoticism, but as a means to give authenticity to the story. This film showed a different contemporary indigenous Mexico, unknown to moviegoers, and demonstrated that indigenous languages and cultures are worthy of participation in the cinematic narrative, not just as a special effect.

After this film, already in the era of the revival of ethnicity, we should mention *Retorno a Aztlán* (1991, directed by Juan Mora Catlett), filmed in Nahuatl, and *Cochochi* (2007, directed by Laura Amelia Guzmán), filmed in Raramuri.

In the film *Retorno a Aztlán*, the action takes place in the historical period of the Aztecs before the arrival of the Spaniards. Filmed

entirely in Nahuatl, the filmmakers sought cultural and historical verisimilitude through archaeological and anthropological research. Even the film's music was written with the use of ethnic musical instruments. Although the film does not feature polyglossy, and is not about the indigenous people but about their ancestors, the use of an indigenous language as the primary language paved the way for the introduction of indigenous languages in cinema as an important part of the narrative, as an integral part of the image of the indigenous people and their culture.

This trend of forcing indigenous peoples to speak their native languages continues in world cinema: the Hollywood film "Apocalypse" (2006), directed by Mel Gibson, was shot entirely in the Yucatecan version of the Mayan language. In the film "Cochochi" (2007, directed by Israel Cárdenas, Laura Amelia Guzmán), the action takes place in modern times, the actors are locals, filmed in nature. The creators of the film believe that language is an integral part of local culture, its natural continuation. At the dawn of globalization and the disappearance of indigenous languages and their cultures, this issue plays an important role in the creation of such films, whose task now is to show this cultural layer in all its glory, its right to identity, to show that Mexico has many different cultures and that they play an important role in the self-determination of the nation, in contrast to the global agenda to subordinate everything to some world guiding culture and its values. In other words, they encourage the viewer to look at himself, to see that there are many valuable things in his own country that he can orient himself by.

The decolonization trend in Mexico is not about denying and destroying the Spanish heritage and replacing it with something indigenous, but about looking critically at the results of the conquista and recognizing internal cultural values and integrating them into the existing society. In films of this kind, it is the contrast, the clash of indigenous cultures with the universal mestizo culture that is part of the narrative.

The issue of indigenous youth in an era of globalization is highlighted in *El sueño del*

mara'akame (2016, directed by Federico Cecchetti) and *El ombligo de Guie'dani* (2018, directed by Javi Sala). Both films deal with the lives of indigenous youth and contemporary Mexican society. The conflict between different cultures, views on life, and society's attitude towards the indigenous population is portrayed. In both films there is polyglossia, the indigenous language acts as part of the character's culture, helping to "isolate" him from the surrounding society. Language is seen as an integral part of the character, his personality. The previous films are notable for their unexpected success and social interest, even though they were low-budget and not intended for wide distribution in the country.

The film *Roma* (2018, directed by Alfonso Cuarón) uses polyglossia as part of the narrative. In this reminiscence film, Cuarón tried to recreate the Mexico of his childhood, specifically the Mexico of the 1970s. The film depicts historical social events, in particular the student movement and the repression by the government. As a member of the middle class, the director had maids as a child. Maids are an integral part of Mexican serials and movies, playing both supporting characters and main heroines. Russian audiences are familiar with the television series "*Simplemente María*" (1989–1990, produced by Valentin Pimstein), in which the maid plays the main role. In his film, Cuarón shows the social and ethnic contradictions of modern Mexico, he rethinks the image of the maid: unlike the series "*Simplemente María*", where the heroine is played by an actress with European looks, as is usual in Mexican television series (where even mestizos are a rarity), speaking in a dialect imitating the "Indian" accent, he invites for the role Yalitza Aparicio, who is the daughter of real indigenous people, who speak indigenous languages, but speak Spanish at home. In the film, she communicates with her co-star in the Mixtec language. The fact that the actress does not speak the language herself is irrelevant; she learned the phrases with the help of a native speaker. The film presents an authentic image of a maid who has moved to the city in order to earn a living. Her image is radically

different from the stereotype of the maid and the Cinderella maid that has existed for years: she is dark-skinned, with striking indigenous features, and naturally speaks the indigenous language. This tendency is widespread in contemporary Mexican cinema, and not just for the sake of verisimilitude; verisimilitude is precisely what shows social conflicts, raises questions of identity, and is part of the narrative that is expressed through languages and colloquialisms and the appearance of the characters. It is the question of identity that plays a major, if not the major, role in many Mexican films. The emergence of such a narrative, which goes beyond social issues, is a consequence of the processes of globalization and decolonization.

As we can see, Mexican cinema reflects contemporary social currents related to the rethinking of the conquista and the place of indigenous cultures in contemporary society. Cinema contributes to the discovery of the diversity and richness of indigenous cultures and helps to understand their problems in the context of society.

Conclusion

Polyglossia as an artistic technique has a long history in cinema, but its aesthetic function has often been limited to illustrating a situation or creating an authentic atmosphere. In recent films, the use of polyglossia as a special technique has acquired additional functions – it allows directors to highlight cultural and social differences, emphasize cultural and ethnic identity, and give depth to characters.

By using the technique of polyglossia in dialogues, subtitles, sound design or visual elements of the film, directors try to predict a certain emotional reaction of the audience and influence the interpretation of the plot. At the same time, polyglossia, difference and otherness, language conflicts become a social marker and an important element in film plots, they reflect the general language policies and become a kind of response to globalization. Thus, the processes of globalization and decolonization create a narrative that is realized through polyglossia.

References

- Alexeeva I. S., Boyarkina A. V., Prosyukova K. O., Takhtarova S. S. Didakticheskie aspekty translatsionnogo trilingvizmu [Didactic aspects of translational trilingualism]. In: *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal [Kazan Linguistic Journal]*, 2021, 4(2), 302–318. DOI 10.26907/2658–3321.2021.4.2.302–318.
- Alexeeva I. S., Boyarkina A. V., Prosyukova K. O., Takhtarova S. S. Translational trilingualism: challenges and perspectives. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2023, 22(2), 61–71. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.2.5.
- Bakhtin M. *Discourse in the Novel. The Dialogic Imagination: Four Essays*. Austin, Texas, University of Texas Press, 1981. 434.
- Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary and critical articles]*. Moscow, Nauka, 1986. 541p.
- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rabelais i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa [The work of François Rabelais and popular culture of the Middle Ages and Renaissance]*. Moscow, Nauka, 1965. 527.
- Brumm R. M. Enseñanza de lenguas indígenas y educación intercultural [Enseñanza de Lenguas Indígenas y Educación Intercultural]. In: *Ethos Educativo [Ethos Educativo]*, 2006, 36–37.
- Eremeev I. N. O nekotorykh osobennostiakh vlianiia iazyka i iazykovoï politiki na razvitie britanskogo obshchestva v XIX – nachale XX [On some features of the influence of language and language policy on the development of British society in the nineteenth and early twentieth centuries]. In: *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naiia sreda [Language, Communication and Social Environment]*, 2012, 10, 84–96.
- Gómez R. M. Cine, etnicidad, migración y discurso de la representación [Cinema, ethnicity, migration and the discourse of representation]. In: *Versión. Estudios de Comunicación y Política [Studies in Communication and Politics]*, 2007, 14, 265–288.
- Gutenberg G. M. Las lenguas indígenas en educación superior: su atención y uso en la Escuela Normal Bilingüe e Intercultural de Oaxaca [Indigenous languages in higher education: their attention and use at the Escuela Normal Bilingüe e Intercultural de Oaxaca]. In: *Revista Lengua y Cultura [Language and Culture Magazine]*, 2021, 3(5), 37–45.
- Jablonska A. La disputa por las identidades étnicas en el cine mexicano contemporáneo [The dispute over ethnic identities in contemporary Mexican cinema]. In: *Catedral Tomada. Revista de Crítica Literaria Latinoamericana [Catedral Tomada. Journal of Latin American Literary Criticism]*, 2017, 5(9), 220–252.
- Kochetkov V. V. Èrrativat'siia kak stilisticheskii priëm pri peredache inostrannogo aktsenta v russkikh tekstakh [Erratification as a stylistic device in conveying foreign accent in Russian texts]. In: *Nauchnyi poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura [Scientific Enquiry: Personality, Education, Culture]*, 2022, 4(46), 58–64. DOI 10.54348/SciS.2022.4.11.
- Loiko A. I. Poliglossiia i osobennosti formirovaniia natsional'nogo mentaliteta belorusov v usloviakh mul'tinatsional'noi imperii [Polyglossia and peculiarities of formation of the national mentality of Belarusians in the conditions of multinational empire]. In: *Istoriia povsednevnosti [History of Everyday Life]*, 2022, 4(24), 40–49. DOI 10.35231/25422375_2022_4_40.
- Majkovski T. Rozhdenie geteroludoglossii iz dissonansa iazykov komp'iuternykh igr [The birth of heteroludoglossia from the dissonance of computer game language]. In: *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power]*, 2020, 32(3), 74–90. DOI 10.22394/2074–0492–2020–3–74–90.
- Martin S. Die Stille, das Geräusch und die Polyglossie – PLAYTIME (TATIS HERRLICHE ZEITEN, 1967) [Silence, noise and polyglossia – PLAYTIME (TATIS HERRLICHE ZEITEN, 1967)]. In: *Revisionen – Relektüren – Perspektiven*, 2012, 229–242. DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/14579>.
- Méndez-Gómez D. U., Sántiz B. I. G. Lenguas originarias y cine documental: experiencias en el sureste de México [Native languages and documentary film: experiences in southeastern Mexico]. In: *Diario De Campo [Field Diary]*, 2023, 11, 141–162.
- Milchina V. XXIV Lotmanovskie chteniia „Kul'tura v sostoianii „dvuiazychiia“: teorii i praktiki [XXIV Lotman readings 'Culture under "bilingualism": theories and practices']. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2017, 4(146), 399–413.

Quiroz C. A. La historia de la representación audiovisual de los indígenas en México y su dimensión lingüística [The history of the audiovisual representation of indigenous people in Mexico and its linguistic dimension]. In: *Senderos Filológicos [Pathways to Philology]*, 2022, 4(1).

Salhanova J. H. K probleme transkul'turnosti i poliglossii [To the problem of transculturality and polyglossia]. In: *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya [Bulletin of the Kazakh National University. Philological Series]*, 2012, 5–6(139), 41–44.

Wahl Chr. *Das Sprechen der Filme. Über verbale Sprache im Spielfilm. Versionsfilme und andere Sprachübertragungsmethoden – Tonfilm und Standardisierung – Die Diskussion um den Sprechfilm – Der polyglotte Film – Nationaler Film und internationales Kino [Speech in films. On verbal language in feature films. Version films and other language transmission methods – Sound film and standardisation – The discussion about the talking film – The polyglot film – National film and international cinema]*, 2003, Diss. an der Ruhr-Universität Bochum, 292.

EDN: ZMTQCJ
УДК 316.35

Irkutsk as a Territory of Sustainable Development of International Educational Tourism (Using the Example of Chinese Students)

Oksana A. Kaverina^a, Olga V. Kuznetsova^{*a, b}
and Margarita V. Novoselova^a

^a*Irkutsk State University*

Irkutsk, Russian Federation

^b*Sociological Institute of FCTAS RAS*

St. Petersburg, Russian Federation

Received 26.01.2025, received in revised form 14.03.2025, accepted 17.04.2025

Abstract. The article highlights educational tourism with a focus on the city of Irkutsk as a platform for providing students from China with educational services. Russia and China have demonstrated practices of cooperation for many years, but it was the beginning of the 21st century that became the starting point of a new wave of Chinese students' interest in getting education in Russia. Irkutsk universities have been actively cooperating with Chinese educational institutions for a long time, and today such mutually beneficial activities are confirmed both by the Chinese students' interest in learning Russian and their desire to know more about the culture of Siberia and Russia. The survey conducted among Chinese students shows a high degree of satisfaction with educational services, as well as Chinese students' enthusiasm for traveling, thus substantiating the status of Irkutsk as a territory for sustainable development of educational tourism.

Keywords: Irkutsk, educational tourism, educational services, sustainable development, China, international students, ethnocultural characteristics of Chinese students.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Education.

Citation: Kaverina O. A., Kuznetsova O. V., Novoselova M. V. Irkutsk as a Territory of Sustainable Development of International Educational Tourism (Using the Example of Chinese Students). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 877–884. EDN: ZMTQCJ

Иркутск как территория устойчивого развития международного образовательного туризма (на примере китайских студентов)

О.А. Каверина^а, О.В. Кузнецова^{а, б}, М.В. Новосёлова^а

^аИркутский государственный университет

Российская Федерация, Иркутск

^бСоциологический институт РАН –филиал ФНИСЦ РАН

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена образовательному туризму с акцентом на город Иркутск как площадку для обеспечения студентов из Китая образовательными услугами. Россия и Китай демонстрируют практики сотрудничества на протяжении многих лет, но именно начало 21 века стало отправной точкой новой волны интереса китайских студентов к получению образования в России. Вузы Иркутска давно активно сотрудничают с китайскими образовательными учреждениями, и на сегодняшний день такая взаимовыгодная деятельность подтверждается как заинтересованностью китайских студентов в изучении русского языка, так и желанием больше узнать о культуре Сибири и России. Проведенный среди китайских студентов опрос показал высокую степень удовлетворенности образовательными услугами, а также энтузиазм китайских студентов к путешествиям, обосновывая, таким образом, статус города Иркутска как территории для устойчивого развития образовательного туризма.

Ключевые слова: Иркутск, образовательный туризм, образовательные услуги, устойчивое развитие, Китай, иностранные студенты, этнокультурологические характеристики китайских студентов.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Каверина О.А., Кузнецова О.В., Новосёлова М.В. Иркутск как территория устойчивого развития международного образовательного туризма (на примере китайских студентов). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 877–884. EDN: ZMTQCSJ

Introduction

In the modern world, education is confidently moving towards international cooperation. Against the background of global processes, special importance is attached to the interaction of national educational systems. Education is becoming a strategic point of reference that forms the country's investment attractiveness and ensures its success in various spheres of life. All kinds of educational exchanges among teachers and students – university courses, summer holidays for improving language skills, school trips and

other 'study abroad' options are now united by the notion of educational tourism.

The concept of "educational tourism" is multifaceted and is considered in a broad sense, but all definitions and approaches to research (economic, program-oriented, pedagogical, etc.) are reduced to two economic areas: tourism and education, that is, it includes activities to provide educational and tourist services. Educational tourism can be considered the most economically sustainable due to the fact that students stay in the country longer than regular tourists, spend money on a daily basis, helping to reduce the

tourist seasonality, try to integrate into the local culture and not harm the environment, due to the widespread promotion of an ecological attitude towards nature. Educational tourism is a rapidly growing global trend that combines travel and learning opportunities to enhance students' educational experiences and promote cultural exchange (Tomasi et al., 2020).

Literature review

It should be noted that as an academic subject educational tourism is under research and is still in the process of developing its theoretical basis and practical perspectives. The regional aspect of educational tourism has been under discussion in the works of some researchers. Reisinger and Dimanche, (2010) analyze historical development of the tourism industry and state that educational tourism is a specific market segment in the UK, the USA and Australia. Numerous studies have touched upon the issues of the tourism market development as well as its heterogeneity, implying that education is such a value that is aimed at creating a demand for products that can encourage learning experiences of tourists from not only books, guides and videos but also from educational tourism (Tuhin et al., 2020).

Due to the economic, social, political, and cultural potentials of educational tourism, many countries are attracted to exporting educational tourism services (Verbik & Lasanowski, 2007). Previous studies have shed light on the advantages of educational tourism (Dembovska et al., 2016; Hussein et al., 2022; Nagai & Kashiwagi, 2018; Tang, 2021). Unarguable advantages of educational tourism are personal growth (Stone & Petrick, 2013), the promotion of understanding and peace (Wijayawickrama, 2020), and other socio-cultural benefits. These studies have predominantly examined the influence of contextual factors such as financial resources, institutional support, and the role of educational institutions in facilitating student engagement in educational tourism (Stone & Petrick, 2013).

Methods

A quantitative method of collecting information was used in the current research – a survey of respondents (102 Chinese students, aged

18–27). The survey, presented as a questionnaire in Google Forms, worked as a means of obtaining information on the travel experience of the Chinese students in Irkutsk, the extent of satisfaction with the educational services, availability of studying facilities, effectiveness of the curricula and professionalism of the professors. The respondent answered some questions concerning city's infrastructure, sights, local food, and local residents. The study also applied the method of content analysis, the subject of which was the overview of the statements of Chinese students explaining the reasons for choosing Irkutsk as an educational destination. Generalization and systematization of the obtained data made it possible to interpret the results of the study and come to valid conclusions proving that Irkutsk is a popular destination for Chinese students, representatives of the Han ethnic group, for a number of reasons that will be discussed later in the article.

Problem overview

Over the years Russia and China have practiced cooperation in various fields culminating with the signing of the Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. The document laid the legal foundation for Russia-China comprehensive strategic partnership of coordination for a new era, and international practical cooperation. The 23-year experience of steadily deepening bilateral ties shows that the Treaty has successfully withstood the test of time (Embassy, 2021).

In 2013 President Xi Jinping raised the initiative of jointly building the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road (referred to as the Belt and Road Initiative). In 2015 China issued The Vision and Actions on Jointly Building the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road, which suggest promoting the policy of coordination, connectivity of infrastructure and facilities, unimpeded trade, financial integration and people-to-people bonds, adhering to the principle of achieving shared growth through discussion and collaboration in propelling the Belt and Road initiative. The

international community showed widespread attention to the initiatives and promised overall assistance and support.

One of the main points of the program is the expansion of international cooperation, contributing to the growth of the country's global economy. In addition, the program provides for the international exchange of students and teachers, scientific research and projects; exchange of educational products in the sphere of technologies and innovations; promotion of talented and accomplished youth in China and abroad; cooperation in teaching and management of educational institutions, projects, programs; creation of university alliances (Kuznetsova, 2021; Pimenova, 2020).

The main goals of the Belt and Road Initiative correlate with the provisions of the Law "On Education in the Russian Federation", in particular, Article 105 on the coordination of Russia's interaction with foreign states and international educational organizations (Federal Law, 2024).

Both Chinese and Russian governments are actively promoting the development of cooperation and exchanges in the field of higher education, creating favorable conditions for this. New courses, exchange programs, seminars and other academic events are part of the strategy to ensure competitiveness at the highest level and proof that China and Russia continue to closely cooperate in various fields.

An example of educational and cultural cooperation between the two countries is "Chinese Bridge" – a competition hosted by the Confucius Institute. It has already become an important stimulus for college students of all countries to learn Chinese and understand China. It is a bridge connecting the hearts and minds of youth around the world with Chinese youth. The competition includes language competency, knowledge of China, Chinese cultural aspects. Participants first compete in a local preliminary competition and then winners are invited to semi-final and final contests in China. The champion is awarded a scholarship to study in China. Aside from the actual competition, participants get to take part in various themed cultural activities (Chinese Bridge, 2023).

Currently, according to statistics from the Ministry of Education and Science, about 400,000 foreigners are taking educational courses at Russian universities. According to last year's data, more than 3,000 foreigners are studying in the Irkutsk Region.

Today more than 44,000 students from China are mastering various study programmes provided by Russian educational institutions. Cooperation between Beijing University and Russian universities is making headway. More than 100 educational programmes with Russian participation and 27 joint educational organisations affiliated with Chinese universities have been opened. The forging of neighborly ties between peoples cannot happen in isolation from the study of national languages. The Association of Chinese Teachers of Russian Language and Literature plays an important role in popularizing the Russian language in China. It has already trained more than one generation of specialists with command of the Russian language (Chernyshenko, 2023).

Russian universities are highly ranked and are known for their research schools and scientific base. Many Chinese students choose Russia due to the availability and quality of education. As part of cooperation, Russian universities also encourage the exchange of students and scientists between the two countries. In addition, Russian higher education is becoming increasingly accessible to foreign students. The country provides various options for financial aid and special programs for foreign students. This partnership with China is a vivid example of how Russian universities are integrating into the global educational environment and promoting their potential in the international arena. Moreover, the majority of Chinese students claim that the training in Russian universities is carried out taking into account the ethnocultural characteristics of international students, which allows them to adapt faster and more effectively to the Russian educational space.

Russian higher education appears to be appealing to foreign students who have to develop a sufficient level of communicative skills to be exercised in all the aspects of the basic educational programs in Russian. For this pur-

pose, Irkutsk State University, Irkutsk National Research University, Baikal State University, Irkutsk State Transport University and other higher education institutions have devised preparatory programmes and courses lasting 4 to 15 months, allowing to master the necessary communication competencies, starting from the beginner's level. Irkutsk State University has about 69 cooperation agreements with educational organizations in China, within the framework of which students are involved in research activities in archeology, chemistry, history, linguistics, economics, journalism and many others.

At the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications (Irkutsk State University) foreign students are offered several study programs: the Russian language as a foreign language (group study); private lessons of Russian with a tutor; internship in the Russian language and literature for students majoring in Russian; Russian for medical purposes; Russian summer schools; Russian summer school for teachers; special courses for advanced foreign students (B 2–C 1).

The most popular program is Russian as a foreign language: group study. This is a semester (360–430 hours) or year-long (720–860 hours) intensive program for students who have not studied Russian before or have a basic knowledge of it. The study program includes all types of speech activity: speaking, reading, writing, listening, grammar, home reading, and academic style.

Irkutsk State University maintains a long-term educational cooperation with 60 educational institutions of China, including testing companies, centers for international educational exchange, secondary schools, institutes, universities among which: Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang), Beijing Language and Culture University, Beijing Foreign Studies University, Liaoning Normal University (Dalian), Heilongjiang Institute of Foreign Languages (Harbin), Heilongjiang University, Anshan Normal Institute (Anshan), Qiqihar University, Qiqihar Women's Institute, Dalian University of Foreign Languages, Humanities Institute of Northeast Normal University (Changchun), Northeast Normal University (Changchun), Renmin University of China

(Beijing), Shenyang Normal University, Harbin Institute of Foreign Languages, Harbin Normal University, Xingtai University, Hebei University (Baoding), Jiaxing University, Lanzhou University, Beijing University of International Communications, Northwest University of Nationalities (Lanzhou), and others (ISU, 2024).

To enroll on educational programs at Baikal State University, one must provide a certificate confirming the level of proficiency in Russian: level B 1 for admission to bachelor's programs, level B 2 for admission to master's programs (BSU, 2024). Having successfully completed the preparatory program and mastered a sufficient level of Russian, foreign students can apply for any bachelor's, master's or postgraduate programs.

Results and their analysis

As part of the study, a survey (Google Forms) was conducted among Chinese students, indigenous people of China, the Han Chinese studying in Irkutsk. The survey involved 102 respondents – Chinese students studying at Irkutsk State University and Baikal State University.

The respondents were asked to name the sources from which they learned about the educational programs in Irkutsk. The majority of the students learned about Irkutsk universities from friends and acquaintances, through the university websites and agencies (Rossotrudnichestvo, 2024), which collect applications and allocates quotas for the education of foreign students. Other sources are the specialized website Study in Russia (Study in Russia, 2024), as well as social networks. Some students are participants of student exchange programs between partner universities.

As for the reasons for choosing the city of Irkutsk as a place of study, the following reasons were given: close proximity to the home country; interest in the nature of Lake Baikal; difficulty in obtaining higher education in China due to strong competition and high requirements for exams; low cost of education.

85 % of the interviewed Chinese students answered positively to the questions about the overall satisfaction with the educational process at Irkutsk universities (class schedule, cur-

ricula, sufficiency of the academic workload, material and technical support). This result is confirmed by the request to evaluate the justification of expectations on a scale from 1 to 10, where 10 means "100 % met". More than 80 % of the respondents rated the degree of justification of their initial expectations at 7 and above. The same number of students will recommend studying at Irkutsk universities to friends and acquaintances from China.

When asked about living conditions, 66 % of the respondents expressed satisfaction with living conditions, however, only 49 % of the students are satisfied with the cuisine and food in Irkutsk. Since students study in international groups with students from different countries, but the majority of students are Chinese citizens, 94 % of the respondents are satisfied with the socio-psychological climate in the group.

97 % of the respondents are fully satisfied with the attitude of professors towards them. Only 65 % of the Chinese students regularly communicate with local residents.

Almost 90 % of the surveyed have free time and 60 % of those interviewed spend this time traveling. The most popular destination is Lake Baikal. The Angara River and the village of Listvyanka were also named as popular places to visit.

65 % of the respondents answered affirmatively to the question of whether they visit theaters and museums in Irkutsk.

94 % of the surveyed Chinese students believe that knowledge of Russian will help them find a job and advance in their careers, while only 55 % of the students plan to stay and work in Irkutsk.

Below are some of the answers of the Chinese students interviewed:

- "I chose Irkutsk to study Russian because Irkutsk is a beautiful city, it is close to the beautiful Lake Baikal, everything is beautiful here, and most importantly, our teachers at the university are very responsible and each of them is very patient";

- "I want to get to know the local culture";

- "Before studying Russian, I heard that Irkutsk is a very beautiful city. In our country, it is known as "Little Paris of the East", there

is the deepest lake in the world – Baikal. After that, I decided to come here to study Russian";

- "I came to Irkutsk to study Russian because I like the beautiful Lake Baikal and it is closer to my hometown";

- "Irkutsk is an ancient city with many attractions, the deepest and largest lake in the world Baikal is also located here";

- "Irkutsk, known as the Little Paris of the East, is a famous tourist city with many attractions and interesting sites, and the famous Lake Baikal is located near the city";

- "I once saw a program about Irkutsk and it was beautiful, so after that, I planned to come here to study Russian. It is not very far from my hometown, and it is easy to get around, so it is very convenient for us to go back home";

- "Irkutsk is the closest city to my hometown; it is a beautiful city with beautiful Lake Baikal and fresh air."

The survey conducted reveals that the city of Irkutsk is a popular destination for Chinese students, representatives of the Han ethnic group. Mostly, students participate in students exchange programs between universities. Also, students' interest is growing due to the fact that the Irkutsk region provides university programs where students can get a good level of Russian, quality education in their specialty, and also see the object of natural heritage and historical and cultural heritage of the Baikal region – Lake Baikal.

Cultural and educational interaction and exchange of knowledge between Russia and China already opens up many opportunities not only for students, but also for societies as a whole. Educational events help achieve mutual understanding and trust between the peoples of China and Russia and create a favorable foundation for strengthening bilateral cooperation in various fields. In Russia and China, there is special attention to the study of native languages and the languages of friendly countries.

Thus, the prospects for interaction between Russia and China are becoming increasingly broader and promising. Cooperation in the field of education, economics and culture creates favorable conditions for achieving mutually beneficial results and partnership.

Through promotion of international educational programs for foreign students in general and Chinese students in particular, Irkutsk can gain prominent popularity and be easily recognized around the world. Undeniably, the travel experience of international students can help reduce stereotypes, show reality and cultural richness, and create a positive image of the host country.

Educational tourism should be adopted as strategic for sustainable development, and, as a result, universities and other educational institutions need to actively use diverse forms and tools of educational tourism to promote its growth. When implementing strategies to attract international students, the local government and uni-

versities need to consider the distinctive tourism component, providing international students with opportunities to travel, get acquainted with the local culture and local residents, thereby contributing to the development of educational tourism, increasing its role and significance for the economy of the host territories, and achieving sustainable development goals.

The current study focuses on Chinese students studying at Irkutsk universities, and the findings might not be generalizable to other demographic groups or geographical contexts. Future studies could explore these relationships among different populations and in different cultural or geographical contexts to validate and extend these findings.

References

- BSU (Baikal State University) 2024. Available at: <https://bgu.ru/inter/LangRussian.aspx> (accessed 21 December 2024).
- Chernyshenko D. Russia is participating in over 100 educational programmes launched in China. 2023. Available at: <http://government.ru/en/news/50457/> (accessed 18 December 2024).
- Chinese Bridge. 2023. Available at: <https://admission.blcu.edu.cn/en/108/list.htm> (accessed 21 December 2024).
- Dembovska I., Silicka I., & Łubkina V. Educational tourism in the training of future tourism professionals. SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. In: Proceedings of the International Scientific Conference, 2016, 4, 245. DOI: 10.17770/SIE 2016VOL4.1561
- Embassy of the People's Republic of China in Sri Lanka. 2021. Available at: http://lk.china-embassy.gov.cn/eng/fyrth/202107/t20210713_8908549.htm (accessed 28 December 2024).
- Federal Law. 2024. Available at https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/8e5be7fa943b780309272c643ee316b105206f39/ (accessed 5 November 2024).
- Google Forms. 2024. Available at: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScSwUpZ-t7x-61sMI-2MFSFDgUpRRwset0L9esHBCoF1mao2LA/viewform?vc=0&c=0&w=1&flr=0> (accessed at 13 November 2024).
- Hussein S. H., Kusairi S., Ismail F. Modelling the demand for educational tourism: Do dynamic effect, university quality and competitor countries play a role? In: Journal of Tourism Futures, 2022, 1–15. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/jtf-09-2020-0144/full/pdf?title=modelling-the-demand-for-educational-tourism-do-dynamic-effect-university-quality-and-competitor-countries-play-a-role> (accessed 12 November 2024). DOI: 10.1108/JTF-09-2020-0144
- ISU (Irkutsk State University) 2024. Available at: <https://isu.ru/sveden/inter/> (accessed at 6 December 2024).
- Kuznetsova V. V. Rol' obrazovaniya v realizacii koncepcii «Odin poyas – odin put'» [The role of education in the implementation of the concept “One Belt, One Road”]. 2021. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-v-realizatsii-kontseptsii-odin-poyas-odin-put-politika-kitaya/viewer> (accessed 6 April 2023).
- Nagai H. & Kashiwagi S. Japanese students on educational tourism: Current trends and challenges. In: Springer, 2018, 117–134. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-10-8539-0_7 (accessed at 12 December 2024).

Pimenova A.O. «Odin poyas – odin put'» kak global'nyj ekonomicheskij proekt Kitaya [“One Belt, One Road” as a global economic project of China]. In: *Koncept* [Concept], 2020, 5. Available at: <http://e-koncept.ru/2020/203011.htm>. (accessed at 14 November 2022).

Reisinger Y., Dimanche F. *International Tourism*. London. Routledge, 2010. 416. DOI: 10.4324/9780080941288

Rossotrudnichestvo. 2024. Available at: <https://rs.gov.ru> (accessed at 9 November 2024).

Stone M.J., Petrick J.F. The educational benefits of travel experiences: A literature review. In: *Journal of Travel Research*, 2013, 52(6), 731–744. DOI: 10.1177/0047287513500588

Study in Russia. 2025. Available at: <https://studyinrussia.ru/> (accessed at 12 December 2024).

Tang C.F. The threshold effects of educational tourism on economic growth. In: *Current Issues in Tourism*, 2021, 24(1), 33–48. DOI: 10.1080/13683500.2019.1694869

Tomasi S., Paviotti G., Cavicchi A. Educational tourism and local development: The role of universities. In: *Sustainability*, 2020, 12(17), 6766. DOI: 10.3390/SU 12176766

Tuhin M.R., Ali M.B., Nuruzzaman M., Alim M.A., Sakib M.S., Sarker M.O.F. Can customer satisfaction be gained through brand image and perceived value? In: *Jahangirnagar University Journal of Marketing*, 2020, 8, 95–109. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/JUJM_RevisedmanuscriptFormatted.pdf (accessed at 17 October 2024).

Verbik L., Lasanowski V. International student mobility: Patterns and trends. In: *World Education News and Reviews*, 2007, 20(10), 1–16. Available at: <https://wenr.wes.org/2007/10/wenr-october-2007-feature> (accessed at 8 November 2023).

Wijayawickrama E. Promoting peace through tourism. In: *TRIVALENT: Journal of Archaeology, Tourism & Anthropology*, 2020, 1(2), 134. DOI: 10.4038/TJATA.V1I2.44

EDN: ZPSHKF
УДК 316.43+ 811.581

Family, School, and Community as Three Basic Institutions of Social Governance in the System of Ethnic Education in China (Using the Example of Chinese Evenks)

Alena V. Barinkova*, Nadezhda S. Karacheva,
Aleksandra M. Koshel and Viktoriia P. Balashova

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Received 27.01.2025, received in revised form 15.02.2025, accepted 17.04.2025

Abstract. The article presents an analysis of the current trends in social governance in education in the PRC. At present, one of the main tasks of Chinese education is the implementation of the concept of a multicultural Chinese nation on the one hand and preserving the ethnic cultures of the indigenous peoples of China on the other. As a result of the increasing involvement of families, schools, and community in preserving the ethnic culture of the indigenous population, the educational system in China is no longer exclusively a state institution; it is a consequence of the formation of a new type of social governance where a significant role is assigned not only to state bodies but also to public organizations and other forms of social interaction. The article analyzes the role and significance of such basic institutions of social governance in the system of ethnic education as family, school, and community, using the example of the education of Chinese Evenki living in remote areas.

Keywords: China, social governance, ethnic education, chinese Evenki, social institutions.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Sociology of Management (Sociological Sciences); Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Citation: Barinkova A.V., Karacheva N.S., Koshel A.M., Balashova V.P. Family, School, and Community as Three Basic Institutions of Social Governance in the System of Ethnic Education in China (Using the Example of Chinese Evenks). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 885–894. EDN: ZPSHKF

Семья, школа и социум как три базовых института социального управления системой этнического образования в КНР на примере китайских эвенков

А.В. Баринкова, Н.С. Карачева,

А.М. Кошель, В.П. Балашова

Иркутский государственный университет

Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме социального управления в образовании КНР. В настоящее время одной из основных задач китайского образования является реализация концепции о становлении поликультурной китайской нации, с одной стороны, и сохранение этнических культур коренных народов Китая – с другой. В связи с тем, что сегодня увеличивается степень вовлеченности семьи, школы и социума в сохранение этнической культуры коренного населения, образовательная система в Китае уже не является исключительно государственным институтом, что служит следствием формирования нового типа социального управления, в котором существенная роль отводится не только государственным органам, но и общественным организациям и другим формам социального взаимодействия. В статье предпринята попытка анализа роли и значимости таких базовых институтов социального управления системой этнообразования, как семья, школа и социум, на примере образования китайских эвенков, проживающих на отдаленных территориях.

Ключевые слова: Китай, социальное управление, этнообразование, китайские эвенки, социальные институты.

Научная специальность: 5.4.7. Социология управления (социологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Баринкова А. В., Карачева Н. С., Кошель А. М., Балашова В. П. Семья, школа и социум как три базовых института социального управления системой этнического образования в КНР на примере китайских эвенков. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 885–894. EDN: ZPSHKF

Introduction

Currently, in China there is a growing interest in the education development for indigenous peoples living in remote areas.

According to Chinese researchers and representatives of the political, social, and cultural elite, educational systems lay within the sphere of social governance. Moreover, some believe that education governance occupies an important place in cultural governance. Thus, Chinese sociologist Li Chengwei in his work “Innovations in the Social Governance System:

An Interpretation from the Perspective of State Governance” (Li, 2005) points out that social governance in a broad sense implies managerial activities carried out by the governmental and non-governmental public organizations in all spheres of public activity: political, economic, cultural, social, etc. Li clarifies that cultural activities include education governance for socio-political purposes as well, such as the formation of a united multi-ethnic Chinese nation.

Zheng Hansheng considers governance as a systemic process. In his opinion, social

governance in a broad sense is aimed at coordinating a large-scale social system that includes political and economic subsystems, as well as a subsystems of public life and a cultural ideology (Zheng, 2006). In the cultural-ideological subsystem, culture is combined with ideology, which directly addresses the tasks of forming an education system for indigenous peoples that should serve the unity of the Chinese nation.

Another Chinese researcher, Ding Yuan-zhu, views social governance as a system with two levels: technical and macro level. From a technical perspective, social governance presents the assessment and control of risks and consequences of activities in specific areas affecting public life: ecology, engineering, natural disasters, social risks (Ding, 2008). Social risks include both inter-ethnic disunity and potential protests as a reaction to community and the state hindering or not supporting indigenous peoples in studying and maintaining their culture. At the macro level, social governance is carried out by central and local governments to stabilize public life. Taxation, financial distribution, legislative systems, justice, administrative governance, etc., are necessary tools to achieve stabilization. Stabilization is understood as improving citizens' welfare as the economy develops, promoting social equality and justice, reducing the number of social problems, preventing political behavior that destabilizes society, and implementing effective social policies. Education, as a nationwide social institution, plays an important role in addressing these tasks, and the education system for indigenous peoples is a part of the national education system.

Currently, the development of education for indigenous peoples in China is being addressed in the following areas: regional issues (Chen, 2000), language issues (Cao, 2019; Kai, 2019), preservation of cultural features (Du, 2013), formation of ethnic identity (Meng, 2018), protection of intangible cultural heritage (Zhang, 2017), educational value of indigenous folklore (Zhao, 2011), migration issues (Qi, 2007), developing the community of the Chinese nation (Chen, 2019), and others.

Analysis of the works indicates that the most important direction of modern social

governance in China is the combination of two political tasks: the formation of a united Chinese nation and the preservation of the cultures of small ethnic groups. The construction of a modern system of ethnic education for the Evenki in China is taking place within this trend.

Theoretical Framework

This article incorporates Robert Redfield's idea of the social organization. Considering different types of cultures in general, he introduces concepts of "great" and "little tradition". The "great tradition" includes the culture of civilizations and is formed by various cultural layers of the urban elite. Based on the ideas of R. Redfield (Redfield, 1956), it is possible to say that the culture of the entire Chinese civilization belongs to the "great tradition", which is shaped in one way or another by all the peoples living in the territory of China. The "little tradition" refers to peasant cultures. Expanding the interpretation of "little tradition" from peasant to small non-urban and non-central communities allows consider the culture of the regions inhabited by indigenous peoples as precisely the "little tradition". Nevertheless, Redfield notes that both of these traditions are interdependent.

Following the standpoint of Chinese sociological school, Chinese sociologist Yang Dongmei expands the concept of "great tradition" to "great state tradition", as this term most accurately conveys the fact of tradition formation by state institutions (Yang, 2015). Thus, when talking about education as a social institution, following R. Redfield we can also distinguish between "great" and "little" traditions. The "little" tradition in education refers to the education of indigenous peoples living in remote or border areas (for example, Evenki). The "great" tradition is a state education aiming at forming a united multicultural Chinese nation. The theoretical framework that unites the concepts of R. Redfield and Yang Dongmei has been successfully tested in some contemporary domestic studies (Kremnyov, 2024) and, in our opinion, can be used to analyze the processes of ethnic education.

Statement of the Problem

The main problem to address in this article is the relationship between the role and degree of influence of basic social institutions involved in the educational process of the indigenous population of China living in remote border areas. In the Chinese interpretation, such institutions are the school, family, and community, where the latter refers to the external social environment that does not include close circle institutions, family, and school. In this article we will adhere to this interpretation.

Up to now, there is a persistent opinion that the educational system is exclusively a state institution, with which the family and other social institutions interact indirectly; however, today the role of the family and community is increasing both in the educational process as a whole and in the development of ethnic education in particular. Furthermore, the involvement of the family, school, and community in preserving the ethnic culture of the indigenous population is increasing as a result of the formation of a new type of social governance, in which a significant role is assigned not only to state bodies but also to public organizations and other forms of social interaction. The article presents an analysis of the participation of the family, school, and community as basic social institutions in the development of ethnic education in China.

Methodology

The article applies qualitative analysis of texts covering the issue of indigenous peoples' culture and the development of ethnic education in China. Elements of institutional analysis were used to analyze the influence of family, school, and community as basic institutions of social governance on the preservation of ethnic culture and ethnic diversity in China. Institutional analysis, as interpreted by N.A. Scobelina, is based on two postulates. First, it is the dynamics of active social movements influenced by the institutional environment, socioeconomic and institutional opportunities. Second, the unity of micro and macro levels, which is embodied in the interconnection of the purposeful activities of participants in associations and the institutional system (Scobelina,

2017). By the unity of micro and macro levels, we understand the relationship between "great" and "little" traditions in the ethnic education of the Evenki. Based on five positions of institutional analysis of social movements in the interpretation of N.A. Scobelina, we attempted to analyze the participation and involvement of family, school, and community in the development of ethnic education, the strengthening and transmission of the ethnic and cultural values of indigenous peoples, and the achievement of the goal of strengthening a united multicultural Chinese nation, which is a priority for the education system according to the current course of the government.

Discussion

Since the formation of the People's Republic of China in 1949, the general socio-political changes that have occurred in the country have also influenced the education of indigenous and small-numbered peoples, including the Evenki. This was primarily manifested in the establishment of a system of regional ethnic autonomy and the implementation of a program of universal nine-year education allowed Evenki students to achieve the basic goal, which in Chinese sources is referred to as "having the opportunity to study" (有学上) (Bai, 2020). This is important because the Evenki in China live in the sparsely populated border areas and have a special economic and cultural type of life. Accordingly, education, in all its social functions, should take into account the cultural characteristics of ethnic groups, thereby forming a multicultural outlook in students and increasing their ethnic self-awareness (Bai, 2020).

Today, the key tasks set for the educational system by the party and the state for the development of Evenki education are: strengthening the consciousness of the unity of the Chinese nation, developing a model of environmental education and introducing a model of "coordinated education" based on the joint efforts of school, family and community.

As for the first task, that is built on the concept of "*unity of the Chinese nation*", the idea of an ethnic community is formed historically, united politically, culturally diverse and

economically interdependent (Bai, 2020: 55). China makes a lot of efforts to form an understanding of ethnic and civil identity. Ethnic identity is the basis for the formation of civil identity (Meng, 2018). Therefore, an individual belonging to a certain ethnic group also belongs to a particular state.

Bai Yuwen claims that in the educational process, the cultures of different peoples should be considered in the context of historical development (Bai, 2020: 56), thus, it is necessary to increase students' faith in the uniqueness of their national culture, but at the same time prevent the emergence of ethnocentrism. This can be facilitated by holding various ethnic holiday events and encouraging students to participate (Zhang, 2017). The essence of such education is the transmission of culture, and, therefore, the development of cultural identity among young people.

According to Chinese researchers, to strengthen the Evenki cultural identity formed by the education system, teachers should adhere to the value understanding of the traditional Evenki culture, which will contribute to the acceptance of these values by students (Bai, 2020). In addition, the content of lessons aimed at studying ethnic culture should be deeper and more diverse. Today, in standard courses on Evenki culture, there are often classes only related to the traditional art of the ethnic group, while the outstanding literary works of the Evenki are left aside. This is primarily due to the fact that the Evenki do not have their written language; their literary works are mainly represented by folklore (Zhao, 2011), popular literature and the literature of modern writers in Chinese. To deepen the content of courses on Evenki culture, it is advisable to introduce the study of traditional mythology and the literature of modern writers into school education.

In assessing knowledge of the Evenki culture in the family, community, and school, it is important to avoid a strict system and adhere to a flexible approach. Studying the traditional culture of indigenous peoples is complex and it is impractical to standardize educational outcomes (Bai, 2020). The goal of such activities is to develop cultural identity and integrate the idea of multiculturalism. For example, practical

classes can help to see how well students have mastered knowledge about the Evenki culture; observing students in the classroom helps to assess how interested they are in learning about the Evenki way of life; through expressing personal viewpoints, presentations, etc., it is possible to understand students' attitude towards the knowledge they have acquired. Thus, in correlation between peripheral and central cultures (in the dichotomy of "center/periphery"), the assessment of classes should not have a fixed model. Flexibility, pluralism, and progress should, in turn, be the main indicators of the assimilation of new knowledge (Bai, 2020).

The second task is *the development of environmental education*. It is based on the understanding that the traditional habitat of the Evenki is the forests and steppes, the Evenki respect nature and live in harmony with it (Du Bao, 2013). However, with the increase in population and the constant rise in public demand, the local ecosystem has also undergone significant destruction. President of the People's Republic of China Xi Jinping emphasizes that clear water and green mountains are gold and silver; without a good ecological environment, it is impossible to achieve significant progress in various areas of social construction (Xi, 2023). The development of environmental education for the Evenki in their living areas can also influence the development of general environmental education in the country in the future. A deep understanding of ecological issues by students and their involvement in activities on environmental protection can ultimately shape the correct values of environmental education. The task of parents is to show a respect for nature by their example. Schools can develop courses in ecology and environmental protection. Community as a whole can shoot environmental commercials, conduct a number of environmental protection measures and use other ways to attract students' attention to environmental issues and protection, so that this knowledge ultimately moves into real actions. These actions at the global level should cause reflections on the relationship between man and nature about the common fate of mankind. The need for cooperation of school, family and community leads us to the third task.

The third task is to introduce *a model of "coordinated education" based on the joint efforts of the three indicated social institutions*. One of the important transformations that occurred in the Evenki's education is the spatial transformation associated with the fact that the school, family and community also play an important role in maintaining the cultural identity of small-numbered peoples (Bai, 2020). Thus, today family, school and community are three main educational institutions participating in the implementation of ethnic education. Moreover, they not only interact with each other, but also have a significant impact on each other.

The second important transformation in education is associated with the transition of educational tools to a virtual space. The expansion of the use of the Internet as one of the educational sites in the future will only help accelerate the development of ethnic education, improve its quality and increase the speed of obtaining and transmitting new information, which will make it possible for students from remote areas to access the most modern and high-quality educational resources (Chen, 2000). The attractiveness of the Internet also lies in its widespread use, when schools can successfully combine face-to-face teaching with online learning, actively helping students share information related to ethnic holidays, rituals, works, and art. However, today websites telling about the history and culture of the Evenki people are not well developed, and the level of user engagement is quite low (Bai, 2020).

Thus, the development of technology has led to the spread of new forms of education, thereby eliminating time and space restrictions for the implementation of the educational process. Political programs such as the development of western regions (Chen, 2000) and support for small-numbered peoples increased the income of Evenki families, which in turn led to an increase in the share of expenditures on education, and parents began to place higher demands on the quality of education for their children. In this regard, the connection between family, school and community as educational systems has strengthened.

According to Bai Yuwen, the main principles for the development of Evenki education

are the principle of harmonious interaction of the three social institutions involved in the functioning of the educational system, the principle of comprehensive responsibility for education in the Evenki language and the principle of exchanging experience in the field of building ethnic education systems between different countries.

The first of these principles – *the harmonious interaction of the three social institutions participating in the functioning of the educational system* – is designed to form the unity of the school, family and community in the construction of the ethnic education system. Parents should strengthen the cultural resources of the family, in everyday communication to encourage the use of their native language, actively integrate traditional cultural forms, such as songs, dances, musical instruments, crafts and sports in the daily activities of the family. The active use of various media will also contribute to the harmonious interaction of the family, school and community (Bai, 2020). Parental meetings, joint holding of various ethnic holidays, and visiting other families can provide cultural interaction at the family level.

The second principle – *comprehensive responsibility for education in the Evenki language* – focuses on the fact that school, family and community as institutions are responsible together for education in the Evenki language. It is quite difficult to rely on the overall training of students who speak Evenki in school. First of all, the reason for this is the lack of writing. On the other hand, in matters of entering educational institutions and employment, Chinese experts, in connection with the ideological tasks of the popularization of the Chinese language, emphasize that the Chinese language is still required to obtain higher education in China (Cao, 2019). Schools should comply with state requirements for the study of ethnic languages, guaranteeing that the basic hours of training in Evenki will not be reduced, and strive to develop students' interest in the Evenki language.

However, the ethnic composition of students in schools is diverse, therefore, teaching the Evenki language to everyone can cause discontent among students and parents. In this

case the assignment of all responsibility for improving the level of education in the Evenki language in school is not possible (Kai, 2019), which means schools, and therefore, families and community should jointly be responsible for learning the Evenki language.

The family environment plays an important role in the formation of the language skills of students; parents should be aware of the significance and value of the study of the Evenki language and consciously develop the language skills of their children. Community, in turn, should apply various methods to increase the competitiveness of the Evenki language and create an environment that respects and protects Evenki (Cao, 2019). For example, relying on developing Evenki tourist industry, to attract specialists familiar with the Evenki culture and speak Evenki. In addition, using state programs to support the development of small-numbered peoples and projects for the construction of ethnic villages, to create communities dedicated to the culture of the Evenki, which will combine tourism, ecology and creative industries (Bai, 2020). All this will contribute to the support of the ethnic culture of the Evenki, increase the frequency of using the Evenki language in everyday life, production and trade, as well as an increase in the instrumental value of the Evenki language (Kai, 2019).

The principle of *exchanging experience in the field of building ethnic education systems between different countries* reflects China's tasks in internationalizing the education system. The gradual development of economic cooperation within the "One Belt, One Road" initiative provides more opportunities for the development of the Evenki society located on the border of the country (Bai, 2020). Conducting cultural and educational exchanges between countries where the Evenki are also an indigenous people (China, Russia and Mongolia) will contribute to the development of international cooperation in the field of Evenki culture, economics and education.

Thus, in modern China, the education system as a whole and individual subsystems of ethnic education are positioned not only as a state institution, but also as a social institution,

where family, school and community should play an important role. Based on the positions of institutional analysis described by N. A. Scobelina (Scobelina, 2017), we examined the family, school and community as institutions of social governance of ethnic education in the PRC.

The first position assumes that social movements represent institutional practices, formal and informal rules of the game that their participants follow. Analysis of basic institutions based on this principle gives us the opportunity to consider school, family and community as social institutions that aim at organizing relationships between people, ensuring the development of ethnic education of indigenous peoples, creating the opportunity for indigenous peoples to satisfy the needs of studying their culture, and also regulating their behavior within the framework of social relations, producing the integration of the aspirations, actions and attitudes of their participants.

The second position of institutional analysis involves studying the institutional environment of associations of individuals, and also identifying formal and informal restrictions. School, family and community as an institutional environment for the development of ethnic education in areas inhabited by indigenous peoples include formal rules, informal restrictions and a certain mechanism of social control.

Formal rules are determined by political, legal and economic norms (Scobelina, 2017). Thus, areas inhabited by national minorities often have the status of autonomy, which allows them to enjoy certain political and economic preferences, which in turn increase the level of family involvement in both higher and school education. The formal rules of operation of these institutions also include the right of the family to use their language in everyday life, and the right and responsibility of the school to teach the ethnic language. Society, in turn, should not limit the right of indigenous peoples to use their language and present their cultural code.

Informal restrictions influence the formation of movements, determine their goals, and outline the field of activity. The field of activity of the school, family and community in eth-

nic education is only the place of residence of a particular ethnic group. A limitation is also the impossibility of national autonomies possessing the features of statehood. In addition, official documents do not legally enshrine the right of nations to self-determination; accordingly, there is a ban on the development of any form of ethnocentrism and the propaganda of any activity aimed at separatism.

Social control is organized through mutual control of these social institutions, where each of them has a certain ability to influence each other in the framework of performing their educational functions.

The third position of institutional analysis includes three levels: institutional, organizational and individual. The macro-level (institutional) presupposes the institutional environment of public associations. The meso-level (organizational) includes forming new social activities. The micro-level (individual) is presented as the purposeful activity of individuals, integrated by common interests. (Scobelina, 2017).

At the macro-level, education as one of the basic institutions of social governance ("great tradition") aims at the idea of a united multicultural Chinese nation as its goal of ethnic education. At this level, we consider community and the state as the basic institutions of social governance in education, because it is community and the state that are the institutional environment for the emergence of any public associations. At the meso-level there is the school as a basic institution of social governance. The family represents an individual (or micro-level) of the institutional organization of society, since it is the basic institution for preserving ethnic culture by indigenous peoples and transmitting it to next generations.

The fourth position pays attention to the conditions for the emergence and development of social movements on the basis of institutional agreements, rules of the game, and resources. Thus, the school, family and community, as the basic institutions of social governance of the ethnic education system, act with the specific goal of preserving and transmitting ethnic culture following the norms established by the state and the designated rules. The state

establishes rules and regulations for teaching language and culture in ethnic minority areas. The family and school, in turn, have the right to independently decide on the form of ethnic education, be it various cultural events, language courses, online or offline classes introducing the culture of their ethnic group, etc.

The development of any institutional environment needs resources that make up their socioeconomic, political and organizational capabilities. We include social, material and financial resources of the institutions under consideration to socioeconomic capabilities. So increasing the income level of families affects their expenses on education. The political capabilities of schools are represented by the ability to comply with state requirements for the study of ethnic languages, and the guarantees that the basic hours of training in the Evenki language will not be reduced.

Based on organizational capabilities, community should apply various methods to increase the competitiveness of the Evenki language and create an environment that respects and protects Evenki. For example, to involve specialists familiar with the Evenki culture and speak Evenki to schools. In addition, using state programs to support the development of small-numbered peoples and projects for the construction of ethnic villages, community is able to create communities of the Evenki culture that will combine tourism, ecology and creative industries.

The fifth position of institutional analysis covers the determination of the dynamics of social movements, the organizational activity of participants in time and space, which depends on the formal rules regulating their activities (Scobelina, 2017). In social dynamics, it is quite problematic to distinguish the clear rhythms of the activity of the studied social institutions, therefore we have identified the general trends of their development: an understanding of the real conditions for the development of ethnic education of the small-numbered peoples, understanding the characteristics of the indigenous peoples, supporting cultural identity of the indigenous peoples, and satisfying of the educational needs of the indigenous peoples.

Conclusion

Summarizing the above, it is possible to say that ethnic education is an important part of general education in China, aimed at preserving the cultural diversity of the country on one hand and building a united multicultural Chinese nation on the other. Thus, the development of ethnic education for the Chinese Evenki living in border areas faces some challenges due to the remoteness of these territories, the characteristics of the ethnic language, and the involvement of families, schools, and community in its development.

However, the coordinated participation in ethnic education of such basic social institutions as family, school, and community can help the state address issues related to the ethnic and

civic identity of indigenous peoples. Presented institutional analysis of these social institutions showed that their goal is to ensure the development of ethnic education for indigenous peoples and to create opportunities to meet their needs in studying their culture, regulating their behavior within social relations, and integrating the aspirations, actions, and relationships of the participants. These institutions operate according to the formal and informal norms and restrictions established by the state, as well as the rules set by the institutions themselves.

The coordinated participation of families, schools, and community, under the overall guidance of the state, can ultimately contribute to the building of a united multicultural Chinese nation.

References

- Bai Y. W. *On the development of education of the Evenks since the formation of the new China*. Shaanxi Normal University Press, 2020. 75.
- Cao B., Qiu Z. Analysis on the current status of mother tongue maintenance among young people of ethnic minorities with small populations: case studies of Salar, Ewenki, Daur and Xibe. In: *Journal of Dali University*, 2019, 01, 47–52.
- Chen D. S. In: *On the development of western China*, 2000, 01, 18–23.
- Chen Z. On the path of cultivating the consciousness of the Chinese nation's community. In: *Research on Ethnic Education*, 2019, 04, 54–58.
- Ding Y. Z. Construction of the Theory of Social Management in China. In: *Scientific Monthly*, 2008, 2, 26–36.
- Du B. L. R. W. Exploring the cultural connotation of Ewenki folk art. In: *Big Stage*, 2013, 03, 257–258.
- Kai L. On the role of the language and culture of the cross-border ethnic groups in Northeast my country in the construction of the Belt and Road. In: *Heilongjiang Nationalities Journal*, 2019, 01, 129–133.
- Li C. W. Innovations in the Social Management System: Interpretation from the Perspective of Public Administration. In: *Administrative Management in China*, 2005, 5, 39–41.
- Meng D. H. Inheritance of skills and construction of ethnicity: A study on the birch bark craftsmanship of the Ewenki people from the perspective of artistic anthropology. In: *Heilongjiang Nationalities Journal*, 2018, 03, 164–168.
- Qi H. J. Ethnological study on ecological migration of the reindeer-breeding Ewenki people. In: *Manchu language research*, 2006, 01, 98–105.
- Redfield R. The social organization of tradition. In: *Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization*, 1956.
- Scobelina N. A. Institutional analysis kak perspektivnoe napravlenie v issledovanii obshchestvennykh dvizhenii (analiticheskii obzor) [Institutional analysis as a promising direction for the evaluation of social movements (an analytical overview)]. In: *Vestnik instituta sotziologii [Journal of the Institute of Sociology]*, 2017, 8(1), 162–175. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.448>
- Xi Jinping Calls for Promoting Concept of 'Emerald Waters, Green Mountains as Priceless Treasures'. 2023. Available at: <https://russian.cgtn.com/news/2023-08-15/1691364407078232065/index.html> (accessed 15 January 2025).

Yang D.M. *Research on Small Traditions in Rural Social Management: Case Study of the Village of the Nationality and in Xiaoliangshan District of Yunnan Province*. Kunming, Yunnan University, 2015. 43.

Zhang X. T. On the protection and development of Ewenki dance culture in pastoral areas. In: *Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2017, 03, 135–139.

Zhao A.L. A brief account of educational issues in Xibutha region in the late Qing Dynasty and early Republic of China: Focusing on Selected Archives and Historical Materials. Heilongjiang Minorities. In: *Research on Chinese Border History and Geography*, 2011, 03, 126–132.

Zheng H.S. Towards a Governance-Centric Society: Social Construction and Social Governance. In: *Research Report on China's Social Development in 2006*, Renmin University of China Press. Beijing, Renmin University of China Press, 2006. 422.

EDN: XEMHXX
УДК 159.923.2:378.14:81'25

Impact of Information Technologies on the Translator's Digital Identity

Vadim V. Sdobnikov*

Samarkand State University named after Sharof Rashidov

Samarkand, Republic of Uzbekistan

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Received 04.01.2025, received in revised form 12.03.2025, accepted 18.04.2024

Abstract. The paper highlights negative impacts of information technologies on the digital identity of translators. The purpose of the research is to investigate in what way the use of digital technologies (search engines, CAT-tools, machine translation systems) transform the professional identity of the translator. Translator's professional identity is manifested in the specific methods used by an individual to solve translation problems, in his/her general approach to performing translation and, consequently, in the translation quality typical of a translator. The paper concludes that translators lose many cognitive and professional skills that are essential for producing a target text of the optimal quality under the influence of information technologies. Such skills include the abilities to ingest and process information found with the help of search engines, to perceive a source text as a communicative, semantic and structural unity, to use the mechanisms of analysis and synthesis to make decisions in the course of translating a text, to perceive translation technologies as mere instruments used to make translation process more effective and efficient. As a result, a translator risks to lose completely their professional digital identity.

Keywords: translation, translator, digital identity, professional identity, information technology.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences); Translation Studies.

Citation: Sdobnikov V. V. Impact of Information Technologies on the Translator's Digital Identity. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 895–904. EDN: XEMHXX

Влияние информационных технологий на цифровую идентичность переводчика

В.В. Сдобников

Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова

Самарканд, Республика Узбекистан

Нижегородский государственный лингвистический

университет им. Н. А. Добролюбова

Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению воздействия, которое современные информационные технологии оказывают на профессиональную идентичность переводчика, его восприятие перевода как деятельности, понимание сути стоящих перед ним задач. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осознать процессы, происходящие в практической переводческой деятельности под влиянием цифровых технологий, их воздействие на сам процесс осуществления перевода, а также оценить характер этого воздействия с целью последующей корректировки общих принципов и задач подготовки переводчиков. Материалом послужили результаты исследований в области философии, психологии и переводоведения, а также эмпирических наблюдений. Цель – определить, каким образом информационные технологии влияют на цифровую идентичность переводчика и каковы последствия этого влияния с точки зрения эффективности и качества переводческой деятельности с учетом измененной профессиональной идентичности субъекта переводческой деятельности. Сделан вывод, что под влиянием информационных технологий, таких как поисковые системы информационно-коммуникационной сети Интернет, системы автоматизированного и автоматического перевода, переводчики утрачивают или не развивают в необходимой степени те когнитивные и профессиональные навыки, которые должны обеспечивать достаточно высокое качество их труда, а именно: способность надолго усваивать найденную информацию, способность воспринимать текст как коммуникативное и структурно-семантическое единство, способность принимать переводческое решение, используя механизмы анализа и синтеза, воспринимая при этом переводческие технологии исключительно как инструмент осуществления профессиональной деятельности. Все это создает риск утраты переводчиком собственной профессиональной идентичности.

Ключевые слова: перевод, переводчик, цифровая идентичность, профессиональная идентичность, информационные технологии.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Сдобников В. В. Влияние информационных технологий на цифровую идентичность переводчика. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 895–904. EDN: XEMHXX

Введение

В цифровую эпоху особым предметом обсуждения в философской и профессиональной литературе стали такие понятия, как «цифровая идентичность» и «цифровая самоидентификация», что представляется неизбежным. При этом, по мнению некоторых авторов, до сих пор понятие «цифровая идентичность» не определено (Kondakov, 2019). Но попытки дать ему определение все же предпринимаются. В частности, под цифровой идентичностью понимается «процесс создания индивидом своей цифровой проекции (следа) в сети, который включает в себя весь комплекс данных о человеке в Интернете» (Kondakov, 2019). Вполне очевидно, что это определение отличается сугубой конкретностью, но именно в силу этой конкретности имеет и недостаток: в нем не отражается или неполно отражается процесс конструирования идентичности самим индивидом, формирование собственного Я. А именно этот аспект должен сближать понятие идентичности с понятием самоидентификации, производной которого идентичность, в том числе цифровая, собственно, и является.

В настоящей статье речь пойдет о воздействии современной информационной среды, информационных технологий на процесс формирования (конструирования) собственной цифровой идентичности переводчика как профессионала. Эта тема пока не стала предметом широкого обсуждения, притом что уже имеются интересные исследования, посвященные использованию цифровых технологий в лингвистических исследованиях и тому воздействию, которые эти технологии оказывают на рынок лингвистических услуг (Chernyavskaya et al., 2020). При этом мы постараемся абстрагироваться от традиционных (по крайней мере, на сегодняшний день) концепций идентичности, связывающих процесс ее формирования с нахождением собственного Я (личностный аспект) и с процессом самопрезентации себя в виртуальном пространстве. Представляется более важным, как именно идентифицирует себя переводчик в процессе осуществления *професси-*

ональной деятельности под воздействием информационных технологий.

Методология

Исследование основано на использовании антропоцентрического и деятельностного подходов, а также принятого в переводе коммуникативно-функционального подхода. Как указывает Е. С. Кубрякова, антропоцентрический подход заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» (Kubryakova 1995). Данный подход используется нами для выявления характера воздействия информационных технологий на деятельность переводчика вообще и на его профессиональную личность в частности.

Используя деятельностный подход, мы исходим из утверждения, что «деятельность человека – это особый важный вид активности, в результате реализации которого осуществляются преобразования материала, включенного в деятельность (внешние предметы, внутренняя реальность человека), преобразования самой деятельности и *преобразования того, кто действует – субъекта деятельности* (курсив мой. – В.С.)» (Shubina 2014). Помещая переводчика в центр переводческого события, мы предполагаем рассмотреть, как преобразуется его личность в ходе осуществления им профессиональной деятельности.

При этом общей методологической основой исследования является коммуникативно-функциональный подход к переводу, предполагающий рассмотрение переводческого акта в определенной среде, в контексте профессионально значимого события, в коммуникативной ситуации, что полностью согласуется с современными тенденциями в российском и мировом переводе (Sdobnikov 2009a). Очевидно,

что указанные подходы взаимодополняют и уточняют друг друга.

Результаты и обсуждение

Цифровая идентичность и самоидентификация: философский аспект

В современной философской литературе процесс формирования цифровой идентичности обычно рассматривается в контексте сетевой коммуникации (Kadyrova, 2013; Kondakov, 2019; Koneva, 2018; Lisenkova, 2020). Выявляются тенденции и факторы, влияющие на процесс формирования личности и ее идентификации. В частности, констатируется возможность свободно и непрерывно конструировать свою идентичность в социальных сетях. Неслучайно был предложен термин «подиумное сознание» (Koneva, 2010), означающий постоянную демонстрацию себя и своей личной жизни в сети. И часто эта целенаправленно сформированная идентичность вступает в противоречие с реальным Я, что может создавать своего рода внутренний конфликт.

Важная стратегия формирования собственной идентичности – так называемая проектность, то есть превращение себя в своего рода бренд и продвижение этого бренда в сети. К проектной идентичности «...оказываются вполне применимыми законы маркетинга – человек формирует востребованность, он должен “продвигать” свой проект, что подразумевает и выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации» (Kadyrova, 2013). Несомненно, эти тенденции в современной жизни весьма значимы и определяют пути развития социума.

Вместе с тем можно отметить, что значительно меньше внимания уделяется такому аспекту, как формирование (конструирование) *профессиональной* идентификации под влиянием цифровой среды. Разумеется, формирование профессиональной идентификации – это один из компонентов общей идентификации и самоидентификации субъекта. А.А. Лисенкова

справедливо отмечает, что «...в развитии идентификационных стратегий информационной культуры на первый план выходит тенденция индивидуальной «модульной» профессионализации, компетентности и способности принимать новое (курсив мой. – В.С.), выстраивая и обретая персональную полифоническую идентичность» (Lisenkova, 2020). Необходимо помнить, что самоидентификация и идентификация личности происходят не только в повседневной жизни, в процессе общения в социальных сетях, но и в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей. Любой профессионал, ответственно относящийся к своему делу, именно так и позиционирует себя прежде всего в профессиональном сообществе, стараясь добиться признания со стороны своих коллег и таким образом осуществляя собственную самоидентификацию. Очевидно, что в условиях цифрового мира и эти процессы, процессы идентификации и самоидентификации, претерпевают существенные изменения, если сравнивать с тем, как идентификация формировалась раньше (а формирование профессиональной идентификации – процесс не просто неновый, а абсолютно неизбежный). Следует согласиться с Л.Н. Соловьевой, которая пишет, что «в цифровом мире вопрос «Кто Я?» является весьма непростым и не таким однозначным, каким может показаться на первый взгляд. Идентичность как способ сохранения самости предполагает осознание и переживание своей уникальности, ощущение ее как ценности» (Solovieva, 2020). Субъект задает себе вопрос «Кто Я?», находясь и в рамках профессиональной реальности, что, кстати, не обязательно связано с использованием социальных сетей или гаджетов, и нахождение ответа на этот вопрос – суть самоидентификация и идентификация субъекта в профессиональной сфере. При этом процесс профессиональной идентификации, как и «общей» идентификации, оказывается амбивалентным: субъект стремится, с одной стороны, развить в себе качества, позволяющие ему соответствовать ожиданиям и требованиям профессиональ-

ного сообщества, с другой – сохранить собственную уникальность. Но следует отметить и диалектическую связь между этими аспектами процесса конструирования профессиональной идентификации: уникальность личности должна осознаваться субъектом именно как ее особая способность соответствовать требованиям профессионального сообщества.

Ниже мы рассмотрим особенности, проблемы и угрозы профессиональной идентификации переводчика в условиях широкого использования информационных технологий.

Профессиональная цифровая идентичность переводчика

Владение цифровыми технологиями давно уже рассматривается как обязательная составляющая переводческой компетенции (РАСТЕ, 2003; Рум, 2013; Quah, 2006), их использование – неперенный компонент переводческого процесса. Используемые при переводе технологии хорошо известны представителям переводческого сообщества, да и неспециалисты о многих из них знают не понаслышке. Однако в интересах дальнейшего повествования все же назовем, по крайней мере, основные технологии и рассмотрим, для решения каких задач они используются.

Прежде всего это поисковые системы сети Интернет, используемые как на этапе анализа, восприятия текста оригинала (ИТ), так и на этапе создания текста перевода (ПТ). В первом случае они необходимы для нахождения информации, без знания которой исчерпывающее понимание ИТ переводчиком оказывается невозможным. К такой информации можно отнести значения отдельных лексических и фразеологических единиц, информацию о характере и значении культурно-маркированных единиц (реалий), сведения о персоналиях, исторических (да и не только) событиях, об особенностях административного и государственного устройства, общественных организациях отдельных стран и т.п. Понятно, что подобного рода информация может потребоваться не только переводчику,

но и любому человеку, воспринимающему текст, особенно текст на иностранном языке, ориентированный на культуру этого языка.

Во втором случае переводчик прибегает к поисковым системам для решения разнообразных профессиональных задач. Здесь прежде всего имеется в виду нахождение вербальных способов описания определенных объектов, процессов и явлений, то есть предметных ситуаций, первоначально представленных в исходном тексте. Мы убеждены в том, что перевод – это не воспроизведение значений слов исходного языка и не преобразование синтаксических конструкций исходного текста в конструкции переводящего языка (ПЯ), а описание предметных ситуаций, перевыражение мысли, изначально выраженной в оригинале, причем именно так, как это принято делать на переводящем языке. Именно выражение воспринятой мысли на переводящем языке – суть решаемой на этом этапе задачи.

Перевод, прежде всего специальных текстов, давно уже немыслим без использования систем автоматизированного перевода (систем переводческой памяти, CAT-tools) типа SDL Trados, SmartCat, Memsource и т.п. Общий принцип организации подобных систем заключается в следующем: компьютерная программа выявляет в переводимом тексте фрагменты, уже ранее переведенные и занесенные в ее базу данных, предлагает переводчику перевод этих фрагментов. Фрагменты, не имеющие перевода в базе данных, подвергаются ручной обработке, проще говоря, переводятся переводчиком самостоятельно либо с использованием систем машинного перевода. После чего переводчик может сохранить новые пары переведенных текстов в базе данных для дальнейшего использования. Основное достоинство систем автоматизированного перевода – сокращение времени на выполнение перевода. Однако они имеют и определенные недостатки. Один из них – дублирование ошибок, допущенных при переводе фрагментов, уже имеющих в базе данных (разумеется, если

переводчик не обратил внимания на такие ошибки и не исправил их).

Наконец, еще один атрибут переводческой деятельности – использование систем автоматического перевода (систем машинного перевода). Еще лет десять назад отношение к этим системам в переводческом сообществе было весьма неоднозначным. Было опасение, что они в будущем заменят переводчиков-людей, вытеснят их из профессии, сделают ненужными. Сегодня о таком сценарии говорят разве что люди, не осознающие истинной сущности переводческой деятельности. Более того, сами представители переводческого сообщества поняли, что успешно, эффективно и *профессионально* использовать системы машинного перевода могут лишь профессионалы – люди, способные сами, то есть своими руками и своим «естественным интеллектном», осуществлять перевод. Только они на этапе постредактирования машинного перевода могут увидеть и исправить все допущенные машиной ошибки (нарушения нормы, узуса и конвенций ПЯ, а также сбои в логическом построении высказывания, то есть ошибки актуального членения, и в построении текста как такового). По сути, эта же мысль звучит и в работе Н.В. Нечаевой и ее коллег, которые пишут, что постредактирование стало «... новым направлением деятельности переводчиков, *требующим определенных знаний, умений и навыков* (курсив мой. – В.С.), порой весьма отличных от традиционных переводческих» (Nechaeva et al., 2019). Именно наличие этих характеристик позволяет переводчику-постредактору получить перевод приемлемого качества, причем достаточно быстро.

При всех достоинствах информационных технологий и их способности ускорять переводческий процесс они имеют и существенные недостатки, причем не только с точки зрения повышения или понижения качества перевода. Чрезвычайно мало было сказано об их влиянии на профессиональную (цифровую) идентичность переводчика. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению этого вопроса, определим, что имеется

в виду под профессиональной идентичностью переводчика.

По нашему мнению, профессиональная идентичность переводчика – это качество, неотделимое от личности переводчика как профессионала. Из чего следует, что любой переводчик обладает такой идентичностью. Можно выделить разные составляющие такой идентичности. Во-первых, это применяемые конкретным переводчиком способы решения переводческих задач как на этапе восприятия оригинала, так и на этапе создания текста перевода. Очевидно, что разные переводчики уделяют неодинаковое внимание переводческим проблемам, с которыми они сталкиваются в процессе перевода (а от этого зависит и степень решенности той или иной проблемы). Одни переводчики дотошно разбираются в сути вопроса, обсуждаемого в ИТ, стараются понять все нюансы смысла, увидеть в полном объеме «картинку», представленную в оригинале. Восприятие текста другими переводчиками может быть поверхностным. Одни переводчики стремятся выразить мысль на переводящем языке действительно так, как это принято делать на данном языке. Другие переводчики ограничиваются созданием (придумыванием?) собственного варианта перевода фрагмента текста, не задаваясь вопросом, а как данная мысль обычно выражается на переводящем языке. Но при этом не следует забывать и о многовариантности перевода: одна и та же мысль на одном и том же языке может быть выражена разными способами, а значит, переводчик сталкивается с проблемой выбора из числа возможных вариантов. В результатах этого выбора опять же проявляется профессиональная идентичность переводчика.

Во-вторых, составляющей профессиональной идентичности является характерный для данного переводчика уровень качества его работы. Очевидно, что эта составляющая связана с предыдущей, представляет собой ее результат. Причем если первая составляющая идентичности, как правило, неочевидна для окружающих (заказчиков, коллег), просто не наблюдаема ими непосредственно, то вторая составляю-

щая не просто наблюдаема, но и часто обсуждаема. Именно по результатам переводческой деятельности о переводчике судят как о профессионале, положительно или негативно оценивая качество его труда.

В более традиционных терминах то, что мы теперь называем профессиональной идентичностью переводчика, можно назвать переводческой индивидуальностью. Она может быть неосознаваема окружающими, особенно если речь идет о переводе специальных текстов, когда от переводчика не требуется принятие какого-то индивидуально обусловленного решения. Но она же может и осознаваться получателями перевода или критиками, как осознаются, например, различия в переводческих подходах таких переводчиков У. Шекспира, как М. Л. Лозинский, Б. Л. Пастернак или Анна Радлова.

О цифровой идентичности переводчика можно говорить: 1) когда он особым образом использует цифровые технологии, являя определенный подход к их применению и проявляя не менее определенное отношение к предлагаемым ими результатам, 2) когда оставляет свой «след» в виртуальном пространстве. В первом случае речь идет об определенной степени доверия переводчика к тому, что предлагают ему системы автоматизированного или автоматического перевода. Во втором случае цифровая профессиональная идентичность переводчика является окружающим, когда результаты перевода «уходят» в цифровое пространство, когда переводчик становится «видимым» окружающим. Понятия «видимости/невидимости» переводчика довольно широко обсуждаются в переводоведении благодаря известной работе Лоуренса Венути (Venuti, 1995). Следует признать, что «невидимость» переводчика, превращение его в «идеально прозрачное стекло» – это, скорее, идеал. А его «видимость», то есть проявления его профессиональной идентичности, может быть даже полезна, поскольку дает возможность оценить не только результаты его труда, но и его профессиональную компетентность, идентифицировать его как профессионала

определенного уровня. Причем подобные оценки могут делаться на основе анализа не только ошибок и погрешностей в переводе, но и особенно удачно переведенных фрагментов, содержащих особые переводческие проблемы (Sdobnikov, 2009b).

Что же касается идентичности (и идентификации) переводчика в цифровой среде, то здесь важно помнить, что результаты перевода могут оказаться представленными в виртуальном пространстве, особенно в случае использования облачных технологий. Кстати, это обстоятельство далеко не всегда учитывается переводчиками, которые наивно полагают, что вовсе не оставляют никакого «следа», отправляя свой перевод заказчику. Особенности этого явления будут рассмотрены ниже.

В наших предыдущих работах мы уже писали о воздействии информационных технологий на профессиональное переводческое мышление (Sdobnikov, 2023; Sdobnikov, 2024). При этом мы ссылались на исследователей, которые считают, что «технологии оказывают негативное воздействие на практику перевода и восприятие перевода, включая предполагаемую и действительную ценность перевода, владение переводческими технологиями и их применение, статус и престижность переводческой профессии (перевод мой. – В.С.)» (Doherty, 2016). В общетеоретическом плане постулируется появление новой переводческой парадигмы, которая «учитывает особенности платформ и сред, на которых и в которых осуществляется перевод (перевод мой. – В.С.)» (Gambier, 2019). Заметим, что мы не можем согласиться с утверждением Ива Гамбье, полагая, что никакой новой парадигмы не появилось, а имеет место возврат к традиционной парадигме, то есть к сугубо лингвистическому подходу к переводу. Но вот утверждение С. Дохерти нуждается в пояснении.

Дело в том, что у многих нынешних переводчиков действительно формируется новое представление о сути переводческой деятельности и тех задачах, которые они должны решать в рамках переводческого процесса. По сути, формируется новое

переводческое мышление, не столь профессиональное, как хотелось бы. Активно используя системы переводческой памяти и машинного перевода, переводчики начинают ощущать себя как своего рода придаток к машине, назначение которого – обеспечить функционирование системы, например, машинного перевода, и устранить отдельные недочеты в тексте машинного перевода. Подобное представление о своей роли влияет и на идентичность переводчика, определяемую ответами на вопросы: «Какое место я занимаю в переводческом процессе? Являюсь ли я основным субъектом переводческой деятельности? Или все-таки основной субъект – это машина?». Поиск собственного профессионального Я затрудняется, переводчик либо лишается возможности самоидентифицировать себя, либо его самоидентификация сводится к определению себя как второстепенного элемента в переводческом процессе.

Подобная самоидентификация себя может показаться неизбежной, если принять во внимание сам процесс принятия переводческого решения: переводчик получает в относительно готовом виде некий вариант перевода, соглашается с ним или делает коррективы наиболее очевидных ошибок или несоответствий. Но это происходит только в том случае, если степень критичности переводчика по отношению к результатам автоматизированного или автоматического перевода невысока. И здесь мы имеем возможность вернуться к двум составляющим профессиональной идентичности переводчика.

Как мы помним, цифровая идентичность переводчика проявляется в его подходе к использованию информационных технологий. Таящаяся здесь опасность заключается в отказе воспринимать технологии в качестве *инструмента* осуществления переводческой деятельности, в слепом подчинении переводчика этим технологиям. Когда перевод предлагается переводчику в более или менее готовом виде, снижается степень критичности по отношению к качеству текста на переводящем языке. Редактирование/постредактирование пе-

ревода сводится к устранению очевидных ошибок и переводу непереведенных машинных единиц текста (фрагментов), при этом редактор (он же – переводчик) стремится к снижению трудовых и временных затрат (иначе использование систем автоматизированного и автоматического перевода теряет для него смысл). Возникает ситуация, когда качество конечного продукта оказывается ниже, чем качество предполагаемого текста, который переводчик мог бы создать самостоятельно. К тому же переводчик-редактор следует заданному машинной алгоритму действий, осуществляя переводческую правку по предложениям. В результате он уделяет меньше внимания логической связности текста как такового, перестает воспринимать текст как коммуникативное и структурно-семантическое единство. Все это, в свою очередь, приводит к искажению идентичности переводчика, к изменению его собственного представления о характере осуществляемой им деятельности и представления окружающих о нем как о профессионале. Представленные переводчиком результаты работы (конечные продукты) рассматриваются другими людьми как воплощение его профессиональной идентичности. И переводчик может не осознавать, что сконструированная им идентичность не соответствует его собственным ожиданиям.

Сам факт использования систем машинного перевода бывает сложно скрыть от заказчика, который начинает воспринимать переводчика как лицо не совсем самостоятельное, не владеющее в полной мере ремеслом перевода. И в этом заключается второй аспект цифровой профессиональной идентичности переводчика. Причем заказчик может даже признать качество результирующего текста как вполне приемлемое, что, однако, не влияет на его общее представление о переводчике. Здесь возникает еще одна проблема, до сих пор не вполне осознанная и не ставшая предметом обсуждения. Мы имеем в виду вопрос об авторстве переводчика. Раньше, то есть до появления современных информационных технологий, этот вопрос не воз-

никал: ни у кого не было сомнений в том, что именно переводчик является автором переводного текста, не подвергалось сомнению авторское право переводчика. Теперь же оказывается не так просто ответить на вопрос, является ли переводчик автором ПТ или ПТ – это продукт, созданный искусственным интеллектом, нейронной сетью (системой машинного перевода или чатом GPT)? Юридические аспекты этой проблемы только сейчас начинают обсуждаться в переводческом и юридическом сообществах. В частности, отмечается, что установление обладателя авторского права на перевод особенно затруднено в случаях использования облачных технологий (Larin, 2023). А без понимания того, кто является автором перевода, бессмысленно говорить об идентификации переводчика как профессиональной личности.

Есть и еще одна опасность, связанная с использованием поисковых интернет-систем. Обращение к ним лишает переводчика необходимости навсегда усваивать однажды найденную информацию, в результате объем фоновых и профессионально значимых знаний расширяется медленнее, чем это происходило раньше. Следует обратить внимание и на характерную для современных, особенно молодых, переводчиков безусловную веру печатному слову. Нынешние студенты-переводчики убеждены, что все, найденное ими в Ин-

тернете, соответствует действительности. Они не осознают, что за каждым словом и тем более текстом стоит какой-то человек и что этот человек не обязательно является экспертом в обсуждаемом вопросе. Все это также приводит к искажению идентичности переводчика, к изменению его профессиональной личности.

Заключение

Обсуждение вопроса о влиянии информационных технологий на цифровую идентичность переводчика приводит нас к выводу, что в настоящее время возникла угроза полной утраты переводчиком его профессиональной идентичности. Самопозиционирование (самоидентификация) себя в качестве придатка к машине, когда переводчик считает технологию ведущим элементом, а себя – ведомым, может привести к утрате важных профессиональных качеств, в частности способности воспринимать текст в широком контексте экстралингвистических факторов, способности учитывать потребности и ожидания получателя перевода. А это создает угрозу не только для самого переводчика, но и для переводческой профессии, представители которой будут неспособны создавать действительно качественные переводы, используемые как инструменты осуществления предметной деятельности потребителей.

Список литературы \ References

- Chernyavskaya V., Beliaeva L., Kamshilova O. Digital Humanities Tools in Information 4.0 Space: Towards language worker competences. *IOP conference series: materials science and engineering. Series: International Scientific Conference "Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service"*, 2020, 940, 012142.
- Doherty S. The Impact of Translation Technologies on the Process and Production of Translation. In: *International Journal of Communication*, 2016, 10, 947–969.
- Gambier I. Impact of Technology on Translation and Translation Studies. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(2), 344–361.
- Kadyrova S. V., Nemtseva E. A., Tulchinsky G. L. Self-management v sfere kul'tury i iskusstva [*Self-Management in Culture and Arts*]. Saint-Petersburg: Planeta muzyki, 2013. 224.
- Kondakov A. V., Kostyleva A. A. Cifrovaja identichnost', cifrovaja samoidentifikacija, cifrovoj profil': postanovka problemy [*Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement*]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Informatizacija obrazovanija* [*Russian Peoples' Friendship University Bulletin*], 2019, 16(3), 207–218.

Koneva A. V. «Podiumnoe soznanie» v jepohu kul'tury razlichija [*"Podium consciousness" in the era of diversity culture*]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Scientific Papers of Saint-Petersburg State Institute of Culture], 2010, 189, 53–58.

Koneva A. V. «Cifrovaja identichnost'»: processy identifikacii i reprezentacii v setевой kommunikacii [*"Digital identity": processes of identification and representation in online communication*]. In: *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Bulletin], 2018, 1, 50–60.

Kubryakova E. S. Jevojucija lingvisticheskij idej vo vtoroj polovine XX veka (Opyt paradigmal'no-go analiza) [*Evolusion of linguistic ideas in the second half of the 20th century (Attempt of paradigmatic analysis)*]. In: *Jazyk i nauka konca 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow, 144–238.

Larin A. A. Zakonodatel'noe regulirovanie informacionnyh tehnologij v dejatel'nosti perevodchika [*Legislative control of information technologies in translator's activity*]. In: *IT-lingvistika: teoreticheskie osnovy: monografija* [IT Linguistics: theoretical fundamentals: monograph]. Nizhny Novgorod: LUNN, 2023, 69–76.

Lisenkova A. A. Transformacija identichnosti v cifrovuju jepohu [*Transformation of identity in the digital age*]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy problems], 2020, 3, 65–74.

Nechaeva N. V., Svetova S. Yu., Podolsky O. A. Proektirovanie obrazovatel'noj programmy «Postredaktirovanie mashinnogo perevoda» [*Designing a course of "Machine translation post-editing"*]. In: *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Problems of linguistics and pedagogy], 2019, 4, 109–120.

PACTE Group. Building a translation competence model. In: *Triangulating Translation. Perspectives in process oriented research*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003, 43–66.

Pym A. Translation Skill-Sets in a Machine-Translation Age. In: *Meta: Translators' Journal*, 2013, 58(3), 487–503.

Quah C. K. Translation and Technology. Palgrave Macmillan, 2006. 221.

Sdobnikov V. V. Kommunikativno-funkcional'nyj podhod k perevodu v rossijskom perevodovedenii [*Communicative-functional approach to translation in the Russian theory of translation*]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2009a, 2, 19–30.

Sdobnikov V. V. Dostoinstva uchebnogo perevoda kak kriterij ocenki ego kachestva [*Merits of academic translation as a criterion of translation quality assessment*]. In: *Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija: sbornik nauchnyh statej* [Language. Culture. Communication: collection of articles], 2009b, 12, 105–115.

Sdobnikov V. V. Iskusstvennyj intellekt v tehnologijah mashinnogo perevoda: problemy i perspektivy [*Artificial intelligence in machine translation technology: problems and prospects*]. In: *IT-lingvistika: teoreticheskie osnovy: monografija* [IT-Linguistics: theoretical foundations: monograph], 2023, 31–66.

Sdobnikov V. V. Perevodcheskoe myshlenie v jepohu cifrovizacii [*Translator's mindset in the digital era*]. In: *Aktual'nye voprosy perevodovedenija i regionovedenija: sbornik statej Mezhdunarodnogo foruma* [Topical issues of translation studies and regional studies], 2024, 222–230.

Shubina I. V. Ponjatija «Dejatel'nost'», «Dejatel'nostnyj podhod» v otechestvennoj nauke [*Concepts of "Activity", "Activity approach" in Russian science*]. In: *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge]. 2014, 6, 313–327.

Solovieva L. N. Identichnost' cheloveka v sovremennom mire [*Personality's identity in the modern world*]. In: *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific papers of Kuban State Technical University], 2020, 3, 462–467.

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 1995. 355.

Law
Право

EDN: RBGZJO
УДК 343(1–924.2/.3)

Assessment of Digital Evidence in Criminal Proceedings: Roman-German and Anglo-Saxon Approaches

Fahil A. Abdulkareem^{*a} and Andrei I. Semenovskii^b

^a*Duhok Polytechnic University*

Duhok, Republic of Iraq

^b*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 09.08.2024, received in revised form 20.03.2025, accepted 19.04.2025

Abstract. The information systems emergence has led to new challenges for criminal proceedings, digital evidences. They have a number of features: these evidences require special technical knowledge; they are relatively difficult to destroy and relatively easy to reproduce.

The study of approaches to assessing evidence of the Roman-German and Anglo-Saxon types showed that in order for digital evidence to be accepted in court, three conditions should be met: they have to be recognized as credible, the court has to be internally convinced of their reliability, and they have to be examined with the parties' participation. The court's assessment of the credibility of digital evidence depends on the current legal system. Two main approaches to assessing digital evidence can be distinguished: the approach of the continental legal family, known for the principle of freedom of evidence assessment, and the approach of the common law family, known for the desire to formalize the evidence assessment.

Keywords: criminal proceedings, digital criminology, digital evidence, evidence examination, evidence assessment.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Abdulkareem F.A., Semenovskii A.I. Assessment of Digital Evidence in Criminal Proceedings: Roman-German and Anglo-Saxon Approaches. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 906–915. EDN: RBGZJO

Оценка цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве: романо-германский и англосаксонский подходы

Ф.А. Абдулкарим^а, А.И. Семеновский^б

^аДахукский политехнический университет
Республика, Ирак Дахук

^бСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Появление информационных систем привело к возникновению новых вызовов для уголовного судопроизводства, цифровых доказательств. Они обладают рядом особенностей – это доказательства, требующие специальных технических познаний; их относительно трудно уничтожить и относительно легко воспроизвести. Проведенное исследование подходов к оценке доказательств романо-германского и англосаксонского типа показало, чтобы цифровые доказательства были приняты в суде, должны быть соблюдены три условия: они должны быть признаны допустимыми, суд должен быть внутренне убежден в их достоверности, и они должны быть исследованы с участием сторон. Оценка судом допустимости цифровых доказательств зависит от действующей правовой системы. Можно выделить два основных подхода к оценке цифровых доказательств: подход континентальной правовой семьи, известный принципом свободы оценки доказательств, и подход семьи общего права, известный стремлением к формализации оценки доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровая криминалистика, цифровые доказательства, исследование доказательств, оценка доказательств.

Научная специальность: 5.1.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; уголовное право.

Цитирование: Абдулкарим Ф. А., Семеновский А. И. Оценка цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве: романо-германский и англосаксонский подходы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 906–915. EDN: RBGZJO

Введение

Основным средством познания обстоятельств преступления и установления вины обвиняемого в уголовном судопроизводстве, несомненно, являются доказательства. Доказательства способствуют установлению достоверных сведений о расследуемом событии. Получаемая из них информация имеет значение на всех стадиях уголовного процесса. Доказательства в правовых процедурах играют решающую роль в установлении юридических фактов, имеющих значение для дела, подлежат собиранию

и оценке уполномоченными на то субъектами права по правилам и методам, предписанным той или иной отраслью процессуального права.

Научно-технический прогресс порождает так называемую информационную среду с ее техническими и программными средствами хранения, обработки и передачи информации, процессами информатизации общества, охватившими значительную часть населения Земли информационными системами, улучшающими жизнь человека в разных сферах –

культуре, науке, политике. С другой стороны, развитие информационной среды стало почвой для новых вызовов обществу, поскольку сама информационная среда оказалась местом и средством совершения киберпреступлений.

В целом, чтобы доказательства были приняты судом в качестве допустимых (имеются в виду не цифровые доказательства, так называемые традиционные), в мировой практике к ним предъявляется ряд требований. В частности, такие доказательства должны содержать конкретные, относимые к предмету доказывания сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах («специфичность доказательств»), должны всегда быть собраны из первоисточника («прямота доказательств»), и сведения из них должны быть пригодными для аргументации обвиняющего или оправдывающего тезиса (не следует путать с допустимостью и относимостью, в данном случае важна пригодность доказательств к аргументации позиции в плане их познавательной ценности).

Чтобы быть принятыми в качестве допустимых, цифровые доказательства также должны соответствовать определенным критериям. В свете настоящего исследования возникает вопрос: что понимать под цифровыми доказательствами и как они оцениваются органами уголовной юстиции в семьях континентального и общего права?

Понятие цифровых доказательств

Понятие цифровых доказательств имеет как широкий, так и узкий подходы в мировой практике.

На Конференции координаторов исследований организаций системы Организации Объединенных Наций и многосторонних финансовых учреждений (Рим, 2021) цифровые доказательства были определены в качестве информации, имеющей потенциальную ценность для расследования, которая хранится или передается в цифровой форме.

Цифровые доказательства, как было обсуждено в ходе данной конференции, от-

личаются от иных видов доказательств следующими особенностями:

1. Они носят комплексный характер, то есть зачастую распределены по различным физическим и цифровым локациям, их собирание требует экспертных знаний и специального инструментария.

2. Цифровые доказательства легко подвергаются изменениям в силу случайного или намеренного на них воздействия, при этом потенциально может не оставаться следов такого воздействия.

3. Цифровые доказательства легко могут быть продублированы и переданы другим лицам, что затрудняет сохранение их в тайне.

4. По своему характеру они не устойчивы: сетевые журналы, история посещений Интернета, публикации в социальных сетях, мгновенные сообщения, кэшированные и удаленные данные могут быть утеряны, если они вовремя не были должным образом сохранены¹.

В более узком смысле в зарубежных источниках цифровые доказательства подразделяются на собственно цифровые и так называемые электронные доказательства. Под электронными доказательствами следует понимать сведения, полученные из электронно-вычислительных машин в качестве магнитных или электрических полей, а также импульсов. Такие данные возможно собрать и исследовать с помощью специализированного программного обеспечения, пользовательских приложений и технических средств. В свою очередь, полученные таким образом сведения могут быть представлены в качестве приемлемых в суде доказательств – могущих быть исследованными самим судом непосредственно. Сведения, имеющиеся в цифровом пространстве в виде отмеченных импульсов и полей, представленные в суд в виде документов, которые может воспринимать сам человек, именуется за рубежом цифровыми доказательствами (Horsman, 2023).

¹ См.: Конференция международных следователей (СП 2021), «Общие принципы цифровых доказательств», 2021 г., URL: <https://www.ciinvestigators.org>.

Особенности цифровых доказательств

Цифровые доказательства имеют особенности, позитивно отличающие их от иных личных и вещественных доказательств в контексте доказывания по уголовным делам.

В настоящее время признается, что полностью уничтожить цифровые доказательства не так просто, как иные. Они не воспринимаются человеком непосредственно с помощью его органов чувств, а потому часто остаются как бы незаметными для лица, что и предопределяет трудности как при их обнаружении, так и уничтожении. Это также предопределяет необходимость проведения экспертного исследования их источников для их обнаружения, а значит, подобные доказательства должны оказывать большее влияние на внутреннее убеждение суда, так как получают экспертом. След в цифровой среде меньше всего подвержен изменениям, следовательно, цифровые доказательства потенциально содержат наиболее точные сведения о расследуемом событии (Stoykova, 2023).

Помимо указанных характеристик цифровые доказательства также обладают следующими особенностями:

1. Это «невидимые доказательства», они не воспринимаются непосредственно человеком, относятся к массиву данных и информации, существующей в нематериальной электронной форме, которая им придается с использованием электронно-вычислительных машин и специальных программных систем для такого оборудования (Morelato et al., 2023).

2. Цифровые доказательства признаются доказательствами, получаемыми с помощью специалиста, специальных экспертных знаний. В контексте сравнительного правоведения в правовых системах познание обстоятельств преступного события с привлечением специальных знаний подразумевает наиболее точное соответствие действительности собираемых сведений.

3. Цифровые доказательства связаны с техническими средствами, способны создавать, считывать, воспроизводить, копировать, транслировать и передавать

по сверхскоростным каналам импульсы и сигналы, в форме которых существуют данные доказательства. Соответственно, цифровые доказательства потенциально обладают способностью передаваться на большие расстояния в короткий промежуток времени.

4. Цифровые доказательства могут быть скопированы без потери содержащейся в них доказательственной информации, что нивелирует опасность уничтожения оригинала такого доказательства (Choi & Yang, 2021). Копирование информации в электронно-цифровой среде идентично ее созданию, что обуславливает эффективную гарантию сохранения доказательств от утраты и повреждения за счет использования их точных копий.

5. В настоящее время цифровые доказательства трудно уничтожаемы, так как современное программное обеспечение способно восстанавливать цифровые данные даже после их удаления. Вопрос стоит лишь в технической способности восстановить данные в зависимости от метода удаления цифровой информации.

Наиболее распространенные виды цифровых доказательств

Цифровые сообщения

Письменные сообщения между двумя или более лицами в цифровой среде считаются одними из самых надежных доказательств в истории права. Такое общение не только помогает следователям получить новую информацию о преступлении, но также определить отношения между подозреваемыми, подтвердить показания и установить хронологию событий (Sokol et al., 2023). Следователи не могут игнорировать источник цифрового сообщения, несмотря на их основной интерес к его содержанию. В нашем веке цифровые сообщения разнообразны, включают текстовые сообщения, которые можно отправлять через смартфоны, платформы социальных сетей, программы для обмена мгновенными сообщениями и электронную почту. Кроме того, цифровые заметки и документы также можно использовать в целях общения.

Браузер и история поиска

Известно, что люди в среднем проводят в Интернете более шести часов в день². Это делает браузеры ценным источником цифровых доказательств. Каждый поиск и посещение веб-сайта оставляет след, по которому можно проследить цепочку посещаемых лицом веб-страниц, а анализ истории просмотров в браузере обычно является самым простым способом, обеспечивающим установление такой цепочки. Некоторые люди могут очистить историю браузера, чтобы скрыть историю поиска соответствующих веб-страниц, но способы получить эту информацию все же есть. Например, некоторые веб-сайты и платформы, такие как Google, хранят данные истории поиска каждого пользователя под их персональной учетной записью. В результате запроса или выемки таких сведений могут быть собраны данные, которые потенциально предоставят значительный объем криминалистической информации для расследования уголовного дела или будут использованы в качестве доказательств в суде.

Цифровые Фотографии и Видеоматериалы

Цифровые изображения и видео являются важными доказательствами по уголовным делам. Однако содержание таких доказательств, увы, легко подвергается изменению, и люди, обращающиеся с ними, могут даже не осознать, как это произойдет. Простые действия, такие как воспроизведение видео с помощью неподходящего под формат файла программного обеспечения, сжатие, например, видео для совместного использования или преобразование фото- и видеофайлов в воспроизводимый формат, удобный для того или иного лица, могут изменить содержимое таких фотографий и видеоматериалов (Pedapudi & Vadlamani, 2023). Поэтому необходимо соблюдать правильные процедуры получения, хранения и представления таких доказательств. Так, необходимо получить и изучить оригинальные, немодифицированные цифровые файлы (фотографии, видеозаписи) в качестве доказательств. В настоящее время обеспечить получение данных доказательств такого качества возможно путем изъятия, руководствуясь соответствующими криминалистическими рекомендациями, технических средств, с помощью которых данные доказательства были созданы (Holt & Dolliver, 2021; Dolliver et al., 2017).

Лог-файлы («журналы активности») Программное обеспечение современных электронно-вычислительных машин обычно создает так называемые журналы активности (лог-файлы), в которых отражаются различные процессы использования данного программного обеспечения и ошибки в его работе, например, характеристики операционной системы, с помощью которой осуществлялось взаимодействие пользователя с данным программным обеспечением, вплоть до сбоев в видеоиграх.

Лог-файлы («журналы активности»)

Хотя эти журналы в первую очередь предназначены для целей технического обслуживания (Dolliver et al., 2017), они также могут служить доказательством для подтверждения деятельности конкретных лиц или раскрывать дополнительную информацию для следователей. Содержание и расположение в операционной системе каждого журнала активности могут различаться в зависимости от программного обеспечения (Cheng et al., 2021). Распространенные примеры используемых в качестве цифровых доказательств журналов активности включают следующие:

1. Журналы телефонных звонков. Телефоны-смартфоны хранят подробные записи о повседневной деятельности пользователя, включая частоту звонков и данные о местоположении пользователя во время звонка. Иногда такие журналы используются даже для доказывания времени съемки того или иного фото или видео (Domingues et al., 2021).

2. Журналы интернет-протоколов: используются в электронной цифровой среде для управления IP-адресами устройств некоторой сети. IP-адреса использу-

² Среднесуточное использование Интернета онлайн-пользователями по странам и регионам по состоянию на второй квартал 2023 г. URL: <https://www.statista.com/statistics/1258232/daily-time-spent-online-worldwide/>

ются для идентификации электронно-вычислительных машин и их пользователей, заходящих на веб-сайт, а их физическое местоположение можно определить с помощью журналов IP-адресов (Sokol et al., 2020).

3. Журналы транзакций. Эти журналы используются для отслеживания изменений, внесенных в файлы электронной цифровой среды, что позволяет администраторам файла вернуться к предыдущему его состоянию. Эти журналы обычно используются серверами, базами данных и облачными хранилищами документов, например таким, как Google Документы (Choi & Lee, 2023).

4. Журналы событий. Программное обеспечение электронно-вычислительных машин и их операционные системы ведут журналы событий для отслеживания активности, выявления ошибок в своей работе и диагностики сбоев. Эти журналы также помогают определить, вызвано ли конкретное событие человеком или компьютерным процессом (Khan et al., 2023).

5. Журналы сообщений. Большинство программ электронных сообщений (электронная почта, мессенджеры) сохраняют содержание электронной переписки для последующего использования (Forte, 2004).

Выделяемые в мировой практике условия для признания цифровых доказательств допустимыми

Суду в рамках рассмотрения уголовного дела, в котором имеются цифровые доказательства, следует руководствоваться следующими тремя условиями, обеспечивающими признание имеющихся цифровых доказательств в качестве допустимых.

Первым условием, обеспечивающим допустимость полученных цифровых доказательств, является их получение в рамках предусмотренной системой уголовной юстиции правовой формы, закрепленной соответствующим уголовно-процессуальным законодательством. В ином случае суд признает недопустимой форму, в которой были получены такие «доказательства», а также сами подобные «доказательства». Например, применение таких незаконных мер, как

физическое или психическое принуждения или обман в отношении подозреваемого с целью установления кода доступа в операционную систему принадлежащей ему электронно-вычислительной машины, влечет в конечном счете признание полученных цифровых доказательств недопустимыми. В Рекомендации № 18 Пятнадцатой Международной конференции Международной ассоциации уголовного права, состоявшейся в Бразилии в сентябре 1994 года, отмечается, что нарушение законности при собирании доказательств влечет недопустимость таких доказательств, в том числе недопустимость любых производных от них доказательств, распространяющуюся на все стадии производства по уголовному делу³.

Принцип законности имеет решающее значение при исследовании цифровых доказательств в ходе расследования как киберпреступлений, так и «традиционных» преступлений, в том числе гибридных – совершаемых с использованием электронно-цифровой среды. Любое нарушение этого принципа влечет признание недопустимой форму получения таких доказательств, соответственно, недопустимы и сами эти доказательства. Кроме того, этот принцип подразумевает наступление предусмотренной законом ответственности для следователя, который допустил собирание доказательств вне законной процессуальной формы.

Вторым условием признания цифровых доказательств допустимыми является уровень уверенности судьи при осуждении обвиняемого, что характерно для Республики Ирак – страны, на правовую систему которой оказало сильное влияние мусульманское право в смешении с романо-германской и англо-саксонской правовой традицией. По Основному закону Ирака, для судьи крайне важно иметь высокий уровень внутреннего убеждения в виновности обвиняемого, независимо от того, явля-

³ Пятнадцатый международный конгресс по уголовному праву (Рио-де-Жанейро, 4–10 сентября 1994 г.), *Revue Internationale de droit penal*, 2015/1–2 (Том 86), стр. 369–390. DOI: 10.3917/ridp.861.0369. URL: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-droitpenal-2015-1-page-369.htm>.

ются ли доказательства традиционными, цифровыми или комбинацией тех и других. Согласно пункту 5 статьи 19 Конституции Республики Ирак 2005 года⁴, в случае возникновения каких-либо сомнений по уголовному делу они всегда должны толковаться в пользу обвиняемого.

Чтобы достичь состояния внутреннего убеждения в виновности обвиняемого при рассмотрении уголовных дел по «традиционным преступлениям», то есть где нет цифровых следов, судья должен тщательно изучить доказательства, проанализировать их и, соответственно, уже сделать вывод о виновности или невиновности обвиняемого. Однако когда дело доходит до киберпреступлений, судья должен обладать техническими познаниями в вопросах существования информации в электронно-цифровой среде, чтобы определить достоверность собранных цифровых доказательств. Без достаточных технических знаний у судьи могут возникнуть сомнения относительно достоверности таких доказательств, что может привести к оправданию действительно виновного лица.

Между тем, по мнению большинства экспертов по сравнительному уголовному праву, данные о преступном событии, получаемые из электронно-цифровой среды, имеют высокий уровень достоверности. В отдельных правовых системах, например в США, копии данных, извлеченных из электронно-вычислительных машин, признаются доказательствами, имеющими приоритетную доказательную силу над другими.

Третье условие, обеспечивающее признание цифровых доказательств допустимыми: они должны быть исследованы с участием сторон, которым должна быть представлена возможность ознакомиться с доказательствами и возможность выска-

заться по существу их содержания и допустимости в целом. В отдельных правовых системах это обеспечивается только в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Что касается правовой системы Республики Ирак, то такой подход не отличает цифровые доказательства от всех других видов доказательств, закреплен в статье 212 Уголовно-процессуального кодекса Республики Ирак № 23 от 1971 года⁵. Обсуждение цифровых доказательств осуществляется по двум основным правилам. Во-первых, стороны имеют право на ознакомление с цифровыми доказательствами и право выразить свое отношение к ним до тех пор, пока не будет принято решение по уголовному делу, предусмотренное статьями 123 и 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Ирак № 23 1971 года⁶. В этом положении подчеркивается важность предоставления отдельным лицам возможности защищать себя и противостоять доказательствам, представленным против них. Во-вторых, чтобы приговор по существу рассмотрения уголовного дела

⁵ Статья 212 Уголовно-процессуального кодекса Республики Ирак № 23 от 1971 года гласит: «Не допускается, чтобы суд обосновывал свое решение на доказательствах, которые не были исследованы в ходе судебного заседания или были основаны на документе, представленном одной из сторон процесса, без возможности ознакомления с этим документом процессуальными оппонентами. Судья не может выносить решение, основываясь только лишь на своих личных знаниях». URL: https://pureportal.spbu.ru/files/96272162/i_741978.pdf.

⁶ В статьях 123 и 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Ирак № 23 от 1971 года описываются процедуры, которые необходимо соблюдать при допросе обвиняемого. Согласно статье 123(а): «Следственный судья (или следователь) должны допросить обвиняемого в течение двадцати четырех часов с момента доставления после проверки личности обвиняемого и информирования его о совершенном им преступлении. Обвиняемый может собственноручно написать показания, а также оспорить доказательства. Показания обвиняемого должны быть записаны с изложением доказательств в его пользу. Обвиняемый должен быть допрошен снова, если это необходимо для установления истины». Статья 124 «Обвиняемый имеет право выступить с заявлением в любое время после заслушивания показаний любого свидетеля и обсудить эти показания (дать по ним свои показания) или потребовать, чтобы между ним и свидетелем была проведена очная ставка». URL: https://pureportal.spbu.ru/files/96272162/i_741978.pdf.

⁴ Пункт 5 статьи 19 Конституции Республики Ирак 2005 года гласит: «Обвиняемый невиновен, пока его вина не будет доказана в ходе справедливого судебного разбирательства. Обвиняемый не может быть привлечен к суду за одно и то же преступление повторно после оправдания, если не будут представлены новые доказательства». URL: <https://iq.parliament.iq/en/wp-content/uploads/2022/01/Iraqi-Constitution.pdf>.

имел юридическую силу, доказательства должны быть закреплены в предусмотренных законом материалах уголовного дела.

Судебное усмотрение при оценке допустимости цифровых доказательств

Допустимость цифровых доказательств остается на усмотрение судьи и зависит от преобладающей системы доказательств (Prashant Bhadu, 2021). Эти системы включают романо-германский и англосаксонский подходы к доказательствам.

1. Романо-германский подход представляет собой правовое явление, в котором законодатель не предопределяет доказательства и средства доказывания в рамках рассмотрения уголовного дела по конкретным видам преступлений, а скорее оставляет судье свободу выносить свое решение по своему усмотрению, не навязывая ему каких-либо конкретных доказательств, не предопределяя их силу. С развитием судебной экспертизы и цифровых доказательств судьям в этой системе приходится иметь дело с новыми видами доказательств для раскрытия преступлений. В указанном подходе судья не связан доказательствами, представленными сторонами дела (Tatulych, 2020). Чтобы получить цифровые доказательства, ответственное лицо суда, обычно им выступает сам судья, может вынести особое постановление интернет-провайдеру. Подобное постановление может требовать представления провайдером информации, касающейся веб-сайтов, например, которые посещал подсудимый, содержание онлайн-переговоров, в которых он участвовал, а также текстовых электронных сообщений, которые он отправлял и получал. Кроме того, такое ответственное лицо может обязать оператора интернет-ресурса предоставить суду необходимые данные для доступа к ресурсу, что может включать раскрытие паролей и кодов для доступа к различным закрытым частям этого ресурса. Уполномоченное лицо суда может в постановлении обязать провести осмотр операционной системы электронно-вычислительной машины. Однако судья должен убедиться, что любые

доказательства, которые предоставляются суду, достоверны и допустимы в соответствии с соответствующим законом, прежде чем признавать за ними юридическую силу доказательств. Такой подход закреплён в законодательстве Алжира и Египта, а также во французском законодательстве (Orarnica, 2016).

2. Англосаксонский подход известен своей системой формализации оценки доказательств. В этой системе законодатель заранее определяет перечень доказательств (их конкретные виды), оценка доказательств может быть в известной степени предопределена действующим правом (доказательства могут различаться по юридической силе, только определенными доказательствами может быть предопределено выяснять конкретные обстоятельства по делу), и судья не имеет права отклоняться от заданной траектории оценки доказательств. Соответственно, в ситуации, когда у судьи не сформировалось внутреннего убеждения относительно существования определенного юридического факта, но в деле имеются доказательства, которые по закону должны подтверждать данный факт, суд обязан признать факт доказанным.

Процесс доказывания в этом подходе подчинен двум основным принципам: первый – это правило запрета свидетельствования по слуху, а второй – правило наилучшего доказательства (Bierekoven et al., 2014).

1. Запрет свидетельствовать по слуху гласит, что показания, сформированные свидетелем только со слов третьих лиц, не могут быть использованы в доказывании по делу, если сообщающий их свидетель сам не воспринимал своими органами чувств сведения из таких показаний. Такие «показания» формируются вне производства по делу, в классическом их понимании, их источник невозможно определить, соответственно, допросить в рамках установленных процедур, что исключает их использование. Однако из данного принципа есть ряд исключений, что относится и к сведениям, о которых сообщает свидетель, полученным из электронно-цифровой среды. Английская судебная система неоднократно принимала

показания такого типа. Например, в деле R. v. Wood (1983) (Harvey, 2019) установлено, что показания, сформированные на основе воспринятых сведений, представленных электронно-вычислительной машиной, не подпадают под правило запрета свидетельствовать по слуху и считаются первоначальными доказательствами.

2. Правило наилучшего доказательства предусматривает, что зачастую для подтверждения содержания доказательства требуется оригинал письма, записи или фотографии. В обобщенном виде правило наилучшего доказательства подразумевает неоспоримое превосходство по доказательственной силе оригинала над копией доказательства. В США это правило содержится в Законе о доказательствах. Согласно «Правилу 1002. Требование оригинала» указанного Закона, электронно-цифровые материалы должны оцениваться так же, как и любой другой вид доказательств. Текстовая информация, содержащаяся на электронно-цифровом носителе информации, в любом случае приравнивается по юридической силе к оригинальному документу. Копия такого текстового файла в электронно-цифровой среде, дословная распечатка данного файла на бумаге, в доказательственном плане приравнивается к оригинальному документу («Правило 1003. Допустимость дубликатов» Закона).

Заключение

Цифровые доказательства обладают рядом преимуществ перед «традиционными» видами доказательств, в отдельных правовых системах даже имеют преимуще-

ства по юридической силе при их оценивании, несмотря на свою нематериальную природу. Однако в ситуациях международного сотрудничества в рамках уголовного судопроизводства использование цифровых доказательств может осложняться отсутствием унифицированных подходов в их оценке, осложненных традициями уголовно-процессуального права стран разных правовых систем. Развитие цифровизации, что неминуемо касается и сферы уголовного судопроизводства, требует повышение технической грамотности следователей и судей. В отдельных правовых порядках отсутствуют правовые институты, регулирующие использование цифровых доказательств в сфере уголовного судопроизводства. Например, такая ситуация имеется в Республике Ирак, однако правоприменительная практика уже складывается таким образом, что использование цифровых доказательств в Ираке следует романо-германской традиции в оценке доказательств. Романо-германский подход в оценке доказательств предусматривает широкую свободу в их оценке, не предусматривает конкретные виды цифровых доказательств. Противоположностью ему выступает подход стран общего права, устанавливающий конкретные виды доказательств и правила их оценки. Подобный подход нам кажется более приемлемым, во всяком случае для Республики Ирак, так как предполагает критерии оценивания, заранее заданные, что видится обоснованным в контексте оценки цифровых доказательств, требующих специальных познаний в области информационных технологий.

Список литературы \ References

- Bierekoven C., Bazin P. & Kozlowski T. Electronic Signatures in German, French and Polish Law Perspective. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2014, 1(0). <https://doi.org/10.14296/deeslr.v1i0.1719>
- Cheng C. C.-C., Shi C., Gong N. Z. & Guan Y. LogExtractor: Extracting digital evidence from android log messages via string and taint analysis. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2021, 37, 301193. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2021.301193>
- Choi H., Lee S. Forensic analysis of SQL server transaction log in unallocated area of file system. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2023, 46, 301605. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2023.301605>
- Choi J. P. & Yang S. Investigative journalism and media capture in the digital age. *Information Economics and Policy*, 2021, 57, 100942. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2021.100942>

- Dolliver D. S., Collins C. & Sams B. Hybrid approaches to digital forensic investigations: A comparative analysis in an institutional context. *Digital Investigation*, 2017, 23, 124–137. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2017.10.005>
- Domingues P., Andrade L. M. & Frade, M. Microsoft's Your Phone environment from a digital forensic perspective. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2021, 38, 301177. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2021.301177>
- Forte D. Principles of digital evidence collection. *Network Security*, 2003, 2003(12), 6–7. [https://doi.org/10.1016/s1353-4858\(03\)00006-0](https://doi.org/10.1016/s1353-4858(03)00006-0)
- Forte D. The importance of text searches in digital forensics. *Network Security*, 2004, 2004(4), 13–15. [https://doi.org/10.1016/s1353-4858\(04\)00067-4](https://doi.org/10.1016/s1353-4858(04)00067-4)
- Franco D. The Importance of Research in Forensic Sciences and Digital Forensics in Contemporary Society. *International Journal of Forensic Sciences*, 2023, 8(4), 1–2. <https://doi.org/10.23880/ijfsc-16000336>
- Harvey D.J. Digital Evidence Admissibility: Some Issues. *SSRN Electronic Journal*. 2019. Published. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3505611>
- Holt T. & Dolliver, D. S. Exploring digital evidence recognition among front-line law enforcement officers at fatal crash scenes. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2021, 37, 301167. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2021.301167>
- Horsman G. Digital evidence strategies for digital forensic science examinations. *Science & Justice*, 2023, 63(1), 116–126. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2022.11.004>
- Khan S., Parkinson S. & Murphy, C. Context-based irregular activity detection in event logs for forensic investigations: An itemset mining approach. *Expert Systems with Applications*, 2023, 233, 120991. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2023.120991>
- Makulilo A. B. The admissibility of electronic evidence in Tanzania: new rules and case law. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2016, 13(0). <https://doi.org/10.14296/deeslr.v13i0.2302>
- Morelato M., Cadola L., Bérubé M., Ribaux O. & Baechler, S. Forensic intelligence teaching and learning in higher education: An international approach. *Forensic Science International*, 2023, 344, 111575. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2023.111575>
- Oparnica G. Digital evidence and digital forensic education. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2016, 13(0). <https://doi.org/10.14296/deeslr.v13i0.2305>
- Pedapudi S. M. & Vadlamani, N. Digital forensics approach for handling audio and video files. *Measurement: Sensors*, 2023, 29, 100860. <https://doi.org/10.1016/j.measen.2023.100860>
- Prashant Bhadu. Admissibility And Perplexity Of Digital Evidence: An Overview. *Legal Research Development*, 2021, 5(IV), 10–20. <https://doi.org/10.53724/lrd/v5n4.03>
- Rule 1002. Requirement of the Original. (n.d.). LII / Legal Information Institute. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_1002
- Rule 1003. Admissibility of Duplicates. (n.d.). LII / Legal Information Institute. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_1003
- Scanlon M., Bretinger F., Hargreaves C., Hilgert J.-N. & Sheppard, J. ChatGPT for digital forensic investigation: The good, the bad, and the unknown. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2023, 46, 301609. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2023.301609>
- Sokol P., Antoni Ľ., Křídlo O., Marková E., Kováčová K. & Krajčí, S. Formal concept analysis approach to understand digital evidence relationships. *International Journal of Approximate Reasoning*, 2023, 159, 108940. <https://doi.org/10.1016/j.ijar.2023.108940>
- Sokol P., Rózenfeldová L., Lučivjanská K. & Harašta J. IP Addresses in the Context of Digital Evidence in the Criminal and Civil Case Law of the Slovak Republic. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2020, 32, 300918. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300918>
- Stoykova R. The right to a fair trial as a conceptual framework for digital evidence rules in criminal investigations. *Computer Law & Security Review*, 2023, 49, 105801. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105801>
- Tatulych I. Electronic evidence as a means of evidence in civil proceedings. *Law Review of Kyiv University of Law*, 2020, 1, 215–219. <https://doi.org/10.36695/2219-5521.1.2020.43>

EDN: PFPJJP
УДК 343.296(575.2)

Decriminalization of an Action: Is the Right to Rehabilitation Justified?

Anastasia O. Osadchaya* and Cholpon S. Sulaymanova

*Russian-Kyrgyz Slavic University
Bishkek, Republic of Kyrgyzstan*

Received 01.07.2024, received in revised form 19.03.2025, accepted 22.04.2025

Abstract. Termination of a criminal case is one of the main institutions of the criminal process, since it entails certain legal consequences, which in turn affect a wide range of subjects of criminal proceedings. In turn, the criminal case can be terminated due to rehabilitating and non-rehabilitating grounds. One of the rehabilitating grounds for terminating a criminal case is the decriminalization of an act. The Kyrgyz Republic is a legal state, which in turn guarantees respect for the rights and freedoms of citizens enshrined in the Constitution of the Kyrgyz Republic. One of them is the right to compensation for damage (rehabilitation) caused by illegal actions of the court and bodies carrying out criminal proceedings. Today, the decriminalization of an act gives rise to many discussions regarding the effectiveness and expediency of classifying it as a rehabilitative basis for terminating a criminal case. In connection with the termination of a criminal case due to the decriminalization of an act, the subject is given the right to compensation for moral and property damage and the restoration of other rights. This study attempts to consider the decriminalization of an act as a rehabilitative basis, and also examines the consequences of terminating a criminal case on this basis.

Keywords: rehabilitation, criminal proceedings, decriminalization of an act, termination of a criminal case, criminal prosecution, damage, accused, circumstances precluding criminal proceedings.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Procedure, Criminology, Operational Investigative Activities.

Citation: Osadchaya A. O., Sulaymanova C. S. Decriminalization of an Action: Is the Right to Rehabilitation Justified? In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 916–924. EDN: PFPJJP

Декриминализация деяния: оправдано ли право на реабилитацию?

А.И. Осадчая, Ч.Н. Сулайманова

Кыргызско-Российский Славянский университет
Кыргызская Республика, Бишкек

Аннотация. Прекращение уголовного дела является одним из основных институтов уголовного процесса, поскольку влечет за собой определенные правовые последствия, которые, в свою очередь, влияют на обширный круг субъектов уголовного судопроизводства. Уголовное дело может быть прекращено в силу реабилитирующих и нереабилитирующих оснований. Одним из реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела выступает декриминализация деяния. Кыргызская Республика является правовым государством, что, в свою очередь, гарантирует соблюдение прав и свобод граждан, закрепленных Конституцией Кыргызской Республики. Одним из них выступает право на возмещение ущерба (реабилитацию), причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. На сегодняшний день декриминализация деяния порождает множество дискуссий относительно эффективности и целесообразности отнесения ее к числу реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела. В связи с прекращением уголовного дела ввиду декриминализации деяния субъект наделяется правом на возмещение морального, имущественного вреда и восстановление иных прав. В данном исследовании предпринята попытка рассмотрения декриминализации деяния как реабилитирующего основания, а также рассмотрены последствия прекращения уголовного дела по данному основанию.

Ключевые слова: реабилитация, уголовное судопроизводство, декриминализация деяния, прекращение уголовного дела, уголовное преследование, ущерб, обвиняемый, обстоятельства, исключающие уголовное судопроизводство.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Цитирование: Осадчая А. И., Сулайманова Ч. Н. Декриминализация деяния: оправдано ли право на реабилитацию? *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 916–924. EDN: PFPJJP

Введение в проблему исследования

В связи с проведенными реформами в 2021 году уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики претерпело существенные изменения. Не обошло данное явление и институт прекращения уголовных дел. Так, с принятием Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в редакции от 2021 года был существенно расширен круг реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела.

Концептологические основания исследования

Институт прекращения уголовного дела рассматривался различными учеными, которые по-разному трактуют подход к пониманию данного института. Так, А. Я. Дубинский предлагал под прекращением уголовного дела понимать такую идею, согласно которой прекращение уголовного дела «представляет собой заключительный этап расследования, на котором уполномоченный государством

орган ... подводит итог произведённой по делу работе, анализирует и оценивает совокупность собранных доказательств и на их основе в постановлении формулирует вывод о невозможности дальнейшего производства» (Dubinskii, 1975: 8).

На наш взгляд, данная идея содержит спорные положения. Так, нельзя утверждать, что прекращение уголовного дела является той стадией, на которой подводится итог всего расследования по делу. В первую очередь это связано с тем, что никто не знает когда наступит этот заключительный этап, порой следственные работники могут даже не подозревать о том, что в действительности уже существует то или иное основание, влекущее прекращение уголовного дела, следовательно, они не могут делать вывод, что данная стадия уже является заключительной, а иногда могут и вовсе не обнаружить существующие обстоятельства, которые могут повлечь прекращение досудебного производства. Во-вторых, зачастую нельзя подвести итог проведенной работе, так как основания для прекращения уголовного дела могут возникнуть сразу же после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, когда следственные органы еще даже фактически не приступили к проведению каких-либо следственных действий и, следовательно, не провели тот объем работы, который они обязаны провести.

О.В. Волынская трактует прекращение уголовного дела «как вид окончания уголовно-процессуального производства (т.е. производства по делу), завершение исследования с помощью уголовно-процессуальных средств конкретного жизненного случая (созвучно с окончанием производства по делу, но не тождественно ему), выполнение технических условий делопроизводства (надлежащее оформление материалов дела и т.п.)» (Volynskaia, 2006: 16).

Согласимся с данным мнением, так как действительно, основание прекращения уголовного дела подразумевает под собой наступление конкретного жизненного случая, который имеет место быть на самом деле, и возникновение которого

порождает основания к прекращению досудебного производства. Как правильно отмечает О.В. Волынская, для окончания производства по делу необходимо выполнение определенных технических условий делопроизводства. Так, если следователь не выполнит данные условия, то есть не вынесет в надлежащей форме постановление о прекращении производства по делу, то дело не будет прекращено в действительности. Если не будут соблюдены требования к постановлению, а также к уведомлению лиц, чьи права и законные интересы затрагивает данная процедура, то, следовательно, возникнут основания для обжалования данного решения, что может повлечь за собой его отмену и возобновление производства по делу.

По мнению С.В. Зуева, «прекращение уголовного дела рассматривается как один из видов окончания предварительного расследования, представляющий собой заключительный этап, при котором следователь принимает решение о завершении производства в отношении лица либо в целом по делу своим постановлением без направления уголовного дела в суд» (Zuev, 2016: 280).

Так же как и при окончании расследования с составлением обвинительного акта (обвинительного заключения), при прекращении уголовного дела осуществляется подведение итогов предварительного расследования, когда следователь:

- проверяет и критически оценивает достаточность и достоверность всей совокупности собранных по делу доказательств; принимает решение о невозможности или нецелесообразности их дальнейшего собирания, систематизирует и окончательно оформляет материалы дела;
- отменяет меру пресечения и другие меры процессуального принуждения, если они применялись в ходе расследования;
- разрешает вопрос о дальнейшей судьбе вещественных доказательств и изъятых предметов и ценностей;
- после вынесения постановления о прекращении производства по делу сообщает о принятом решении заинтересо-

ванным лицам (вручает или направляет почтой копии постановления и уведомляет о возможности ознакомиться с материалами дела) и разъясняет порядок обжалования принятого решения, а потерпевшему, кроме того, разъясняет право обратиться в суд с иском о возмещении причиненного преступлением материального ущерба в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством (Andreeva, 2015: 264).

Постановка проблемы

Наряду с данными вопросами при прекращении дела по реабилитирующим основаниям следователь разрешает также и вопрос относительно реабилитации лица, которое незаконно и необоснованно было подвергнуто уголовному преследованию со стороны должностных лиц следственных органов. Но возникает вполне логичный вопрос, все ли основания, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики, заслуживают быть в числе реабилитирующих? В качестве одного из таких оснований закон выделяет декриминализацию деяния, но оправданно ли это? Полагаем, что данный вопрос является дискуссионным и заслуживает размышлений и оценки.

Согласно п. 46 ст. 5 УПК Кыргызской Республики «реабилитация – порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему материального ущерба и (или) морального вреда»¹.

Реабилитация лица в случаях незаконного обвинения или осуждения невиновного является также одной из задач уголовного судопроизводства Кыргызской Республики.

Право на реабилитацию обеспечивается судом в приговоре, определении, постановлении, а также следователем, прокурором путем признания в постановлении за оправданным либо лицом, в отношении

которого прекращено уголовное преследование, права на реабилитацию. Одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения ущерба, связанного с уголовным преследованием.

Традиционно правом на реабилитацию вследствие незаконного и необоснованного преследования должны наделяться лишь лица, которые действительно невиновны в совершении преступления, по которому велось уголовное судопроизводство, и непричастны к нему. Реабилитирующие основания сами по себе должны констатировать тот факт, что лица, которые вследствие прекращения уголовного дела по указанным основаниям наделяются данным правом, действительно невиновны и были подвергнуты уголовному преследованию ввиду стечения обстоятельств и в результате незаконных действий должностных лиц.

Но на сегодняшний день система оснований прекращения уголовного дела относит к реабилитирующим весьма спорные обстоятельства, в качестве одного из них и выступает декриминализация деяния.

В уголовно-процессуальной науке существует ряд подходов к пониманию термина «декриминализация деяния». Так, А.В. Наумов выдвигает позицию, относительно которой «декриминализация – это исключение деяний из числа уголовно наказуемых, то есть отмена за их совершение уголовной ответственности» (Naumov, 2004: 161).

Аналогичного подхода придерживается и Н.В. Радоснова и определяет «началом процесса декриминализации признание властью деяния утратившим общественную опасность, а результатом – исключение законодателем признаков состава преступления из Уголовного кодекса» (Radoshnova, 2015: 45).

Декриминализация – это достаточно результативный способ разгрузки правоохранительных органов, судов и уголовно-исполнительной системы, а также оптимизации государственных расходов в этой сфере. В то же время декриминализация должна быть системной: «мертвые» и нера-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2023 г.).

ботающие нормы следует отличать от тех, которые применяются редко в силу специфики общественных отношений, которые они охраняют (Larín, 2022: 28).

Простая форма декриминализации может заключаться в прямой отмене устаревшего законодательства или в установленном законом заявлении о том, что того или иного преступления по общему праву больше не существует. Однако зачастую декриминализация поведения бывает лишь частичной (Farmer, 2024).

Как показывает законодательная практика, если преступление подвергается декриминализации, то это не означает, что ответственности за данное действие (бездействие) не наступает вовсе. Как правило, декриминализируя деяние, государство разрабатывает и внедряет новые механизмы регулирования данного вопроса, но новая система правового регулирования устанавливает более мягкие рычаги контроля.

Зачастую государство вынуждено прибегать к процессу декриминализации деяний для обеспечения возможности более интенсивного регулирования той или иной деятельности и разрушения нелегальных или «черных» рынков, теневой деятельности и т.д.

На современном этапе такая практика активно внедряется в США. Государство постепенно проводит легализацию марихуаны и создает новые легальные рынки, в которых активно осуществляет контроль со своей стороны над качеством данной продукции, а также определяет круг субъектов, которые могут заниматься ее реализацией, и субъектов, которые могут непосредственно ее приобретать. В свою очередь, подвергаются криминализации деяния, которые нарушают установленный порядок реализации данной продукции.

Если уголовное преступление фундаментально оправданно с социальной точки зрения, но связано со слишком жесткими санкциями, начинается процесс декриминализации. В результате это отражается в том числе на прекращении уголовного преследования, корректировке наказания, переквалификации уголовного преступле-

ния в правонарушение. Важно, чтобы санкции продолжали выражать общественное неодобрение (Gehre).

Обсуждение

В Кыргызской Республике в последнее время все чаще возвращаются к вопросу декриминализации деяния, предусматривающего наказание за хранение «легких» наркотических средств. Законодательство нашего государства не предусматривает ответственности за употребление таких веществ, однако, как показывает практика, лица, употребляющие наркотические средства такого рода, все чаще подвергаются уголовному преследованию за хранение таких веществ, что, в свою очередь, создает окно для коррупционных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Как определяет ст. 12 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, «закон, отменяющий преступность деяния или смягчающий уголовно-правовые последствия преступного деяния, имеет обратное действие во времени, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших его». Однако проблемы определения правовой природы данного основания до сих пор находят свое отражение².

Одновременно с декриминализацией деяния уголовным законом устраняется и противоправность данного деяния. Декриминализация деяния как обстоятельство, исключающее производство по делу, впервые была введена в уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики в 2017 году с принятием Уголовно-процессуального кодекса в новой редакции. Однако придание данному основанию статуса реабилитирующего имело место лишь в 2021 году.

Также следует учесть, что именно в период введения в действие Кодек-

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями от 25 января 2024 года № 27).

са о проступках Кыргызской Республики значительная часть преступлений была декриминализована и отнесена к категории проступков³. Однако данный институт просуществовал недолго, и уже в 2021 году государство вновь отказалось от деления деяний на проступки и преступления. На наш взгляд, данное явление имеет несколько причин. Во-первых, для проведения производства по проступкам был введен новый субъект – уполномоченное лицо органа дознания, следовательно, появилось две группы субъектов – следователи и уполномоченные лица органа дознания. С расширением круга субъектов потребовалось и дополнительное финансирование данной системы, что повлекло за собой дополнительную финансовую нагрузку на государственный бюджет. Во-вторых, данное производство имело некоторые недостатки, в связи с чем дела о проступках могли находиться в производстве год, а иногда и два, так как срок производства исчислялся с момента уведомления лица о подозрении в совершении проступка. В-третьих, учитывая «мягкость» производства по делам о проступках и последствий совершения проступка в целом, данный институт утратил свою эффективность, поскольку лица полностью не осознавали последствия совершения проступка и прибегали к их повторному совершению. На наш взгляд, именно совокупность вышеперечисленных причин способствовала началу в 2021 году обратного процесса криминализации деяний, в ходе которого часть проступков вновь была признана преступлениями.

Согласно ч. 2 ст. 24 УПК Российской Федерации «уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии признаков состава преступления в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом. Однако прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 24 УПК Российской Федерации, допускается

только с согласия обвиняемого. В случае если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела по указанному основанию, судебное разбирательство продолжается в обычном порядке»⁴.

Если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость данного деяния, то суд обязан рассмотреть данное дело по существу и, исследовав имеющиеся доказательства, либо постановить оправдательный приговор, либо прекратить уголовное дело по указанному основанию.

Норма, регулирующая данные отношения, аналогична и в Кыргызской Республике. Так, согласно ч. 4 ст. 27 УПК Кыргызской Республики «прекращение дела в связи с декриминализацией деяния не допускается, если обвиняемый возражает против этого. В этом случае производство по делу продолжается и завершается при наличии к тому оснований постановлением оправдательного приговора или обвинительного приговора с освобождением осужденного от отбывания наказания».

Как мы видим, единственное отличие законодательства Кыргызской Республики, регулирующего данный вопрос, от законодательства Российской Федерации заключается в правовых последствиях для самого обвиняемого. Так, в первом случае суд должен постановить либо оправдательный приговор, либо прекратить производство по данному уголовному делу. Во втором случае суд выносит лишь оправдательный либо обвинительный приговор. Следовательно, ввиду вынесения обвинительного приговора для обвиняемого могут наступить нежелательные негативные последствия. Что касается оправдательного приговора, то для оправдания данного лица суд должен исследовать все доказательства и установить, что:

- 1) отсутствует событие преступления;
- 2) в деянии обвиняемого нет состава преступления;

³ Кодекс о проступках от 1 февраля 2017 года № 18 (утратил силу в соответствии с Законом от КР от 28 октября 2021 года № 126).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 01.07.2024).

3) правомерно деяние, причинившее вред в силу уголовного закона (необходимая оборона, мнимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, исполнение приказа или иного распоряжения, а также обязанности по должности, обоснованный риск, выполнение специального задания в составе организованной преступной группы или преступной организации).

Только при установлении данных обстоятельств суд по результатам рассмотрения данного дела может вынести оправдательный приговор.

Декриминализация деяния предполагает, что деяние, совершенное лицом, лишается свойства общественной опасности ввиду того, что на данном этапе развития государства данное деяние не несет в себе какого-либо вреда для личности, общества и государства.

Однако, совершая то или иное преступное деяние, субъект понимает и осознает, что круг общественных отношений, на которые осуществляется посягательство, подлежит охране со стороны государства и влечет за собой уголовную ответственность, и тем не менее идет на такой шаг, то есть совершает преступление.

Возникает вопрос, а действительно ли нужно наделять такое лицо правом на реабилитацию? Ответ очевиден.

На наш взгляд, действительно, при декриминализации деяния уголовное дело, по которому ведется производство, должно подлежать прекращению, но наделять фигуранта этого дела правом на реабилитацию мы считаем – не имеет смысла. Если смотреть объективно, то никаких действительных предпосылок к его реабилитации нет – возможно, имеются доказательства, подтверждающие его причастность к преступному деянию, возможно, человек был застигнут непосредственно на месте совершения преступления, зачастую имеется и вступивший в законную силу обвинительный приговор в отношении данного лица.

Все это свидетельствует ни о чем другом, как о причастности данного лица к преступлению, однако в связи с декриминализацией деяния лицо не только подлежит освобождению, а производство в отношении него прекращению, но и наделяется правом на реабилитацию.

Проанализировав данные статистики Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по прекращенным уголовным делам по преступлениям против жизни, здоровья и половой неприкосновенности (рис. 1), было выявлено, что за 2023 год в связи с декриминализацией деяния было прекращено всего 8 уголовных дел. Из них 3 уголовных дела было прекращено по факту причинения менее тяжкого вреда здоровью, 4 уголовных дела по факту причинения легкого вреда здоровью и 1 уголовное дело по факту совершения насильственных действий сексуального характера.

Следует отметить, что ни один из вышеуказанных составов преступлений по состоянию на 2023 год не подлежал декриминализации, однако дела подлежали прекращению по указанному основанию. Трудно с точностью сказать, что послужило предпосылкой для прекращения данных уголовных дел по указанному основанию, однако мы полагаем, что одним из факторов выступает недостаточный уровень компетентности следователя и проблемы правоприменения норм в целом. Тем не менее принятие данного решения повлекло за собой определенные правовые последствия как для субъекта, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, так и для государства в целом. Правовые последствия прекращения 1 дел в связи с декриминализацией деяния устанавливают определенную связь, которая выражается в том, что субъект наделяется правом на обращение в суд в рамках гражданского судопроизводства с иском о возмещении морального или материального вреда, причиненного вследствие незаконных действий и решений должностных лиц, а государство, в свою очередь, обязанностью возместить данный вред.

Статистика по прекращенным уголовным делам за 2023 год в связи с декриминализацией деяния:

Рис. 1. Данные статистики по прекращенным уголовным делам по преступлениям против жизни, здоровья и половой неприкосновенности за 2023 год

Fig. 1. Statistics data on dismissed criminal cases for crimes against life, health and sexual integrity for 2023

Закключение

Мы считаем, что наиболее верным решением в данной ситуации будет просто прекращение уголовного дела, без предоставления данному лицу права на реабилитацию, так как данное обстоятельство противоречит правовой природе института реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Также следует сделать оговорку, что современное уголовно-процессуальное законодательство имеет некие коллизии в области правового регулирования института реабилитации. Несмотря на то что ст. 27 УПК КР относит декриминализацию деяния к кругу реабилитирующих оснований, ч. 4 ст. 132 УПК КР закрепляет следующее: «правила относительно оснований возникновения права на реабилитацию не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры обеспечения уголовного судопроизводства или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду истечения сроков давности, отказа потерпевшего от поддержания частного-публичного обвинения и (или) при примирении с потерпевшим, недостижения возраста, с которого

наступает уголовная ответственность, либо принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния». Указанное противоречие существенно влияет на правильность применения положений данного института, поскольку одна статья закрепляет декриминализацию деяния реабилитирующим основанием, а другая указывает на то, что декриминализация деяния не относится к числу реабилитирующих оснований. Считаем целесообразным внести изменения в УПК КР для устранения соответствующей коллизии норм, а именно:

- признать декриминализацию деяния как обстоятельство, влекущее прекращение уголовного дела нереабилитирующим основанием;

- изменить формулировку ч. 4 ст. 132 УПК КР – «Правила настоящей статьи (основания возникновения права на реабилитацию) не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры обеспечения уголовного судопроизводства или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду истечения сроков давности, отказа потерпевшего от поддержания частного-публичного обвинения и (или) при

примирении с потерпевшим, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо принятия закона, устранившего преступность или наказуемость деяния” на более точную формулировку, в соответствии с которой декриминализации деяния, как обстоятельство исключающее производство по делу, будет конкретно отнесена к реабилитирующим либо нереабилитирующим основаниям и не будет противоречить ст. 27 УПК КР (обстоятельства, исключающие уголовное судопроизводство).

Учитывая изложенное, следует отметить, что развитие института декримина-

лизации деяний на современном этапе развития Кыргызской Республики проходит относительно не быстро, но, однако, уже имеет определенные коллизии. Декриминализация деяния является одним из основных способов, с помощью которого идет смягчение уголовного законодательства и наступают определенные правовые последствия, которые влияют не только на конкретного человека, но и на государство в целом. Именно поэтому необходимо исключить все недостатки, которые на данный момент имеют место быть в регулировании института прекращения дела ввиду декриминализации деяния.

Список литературы / References

Andreeva O. I., Nazarova A. D., Stoiko N. G., Tuzova A. G. *Ugolovnyi protsess: uchebnik dlia bakalavriata iuridicheskikh vuzov* [Criminal procedure: textbook for bachelor's degree in law universities]. Rostov na Donu, Feniks, 2015, 445.

Dubinskii A. IA. *Prekrashchenie ugovnogo dela v stadia predvaritel'nogo rassledovaniya* [Termination of a criminal case at the preliminary investigation stage]. Kiev, KVSh MVD SSSR, 1975, 132.

Farmer L. Criminalization and Decriminalization. 2024. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781789902990.criminalization.decriminalization>

Gehre A. Dekriminalisierung/Entkriminalisierung. 2015. DOI: http://www.krimlex.de/artikel.php?BUCHSTABE=D&KL_ID=48

Lapin A. A. *Kriminalizatsiia i dekriminalizatsiia kak sposoby vyrazheniia ugovno-pravovoi politiki gosudarstva* [Criminalization and decriminalization as ways of expressing the criminal legal policy of the state]. *Vestnik dalnevostochnogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, 4(61), 28.

Naumov A. V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo: kurs lektsii* [Russian criminal law: course of lectures]. Moskva, Iuridicheskaia literature, 2004, 496.

Radoshnova N. V. *Kriminalizatsiia (dekriminalizatsiia) v ugovnom prave Rossii* [Criminalization (decriminalization) in Russian criminal law]. SPb., 2015, 45.

Volynskaya O. V. *Nekotorye podkhody k formulirovaniu poniatii «prekrashchenie ugovnogo dela»* [Some approaches to the formulation of the concept of “termination of a criminal case”. *Rossiiskii sledovatel: Iurist*, 2006, 16.

Zuev S. V., Sutiagin, K. I. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. Cheliabinsk, Izdatelskii tsentr IuUr-GU, 2016, 563.

EDN: SSHUKO
УДК 342.924

The Principle of Legality and Limitation of Administrative Arbitrariness

Aleksei V. Dolzhikov*

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 31.05.2024, received in revised form 10.03.2025, accepted 22.04.2025

Abstract. Legality seems to be a commonplace in Russian jurisprudence, including administrative law. It is declared as the goal and principle for administrative agencies. However, as a limitation of administrative arbitrariness, this principle has not received proper analysis. Hence, a divide between negative and positive functions of this principle in administrative law is important.

The article includes three parts. The first part briefly covers the history of the legality as an anti-despotism idea. This article argues on narrow understanding of legality as a limitation of abuse of power. Thus, the second part undertakes analysis of constitutional framework of the legality principle. The author argues that the scope of legality remains uncertain. Negative and positive functions help better to understand this principle in administrative law. Accordingly, the third part considers a legislation framework of this principle both in the field of police power and public services.

Keywords: administrative action, administrative arbitrariness, principle of legality, police power, public services.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23–28–01729. URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01729> / (date of access: 06/01/2024).

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Dolzhikov A. V. The Principle of Legality and Limitation of Administrative Arbitrariness. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 925–933. EDN: SSHUKO

Принцип законности и ограничение административного произвола

А.В. Должиков

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Законность кажется общим местом в российском правоведении, включая административное право. Она провозглашается в качестве цели и принципа деятельности органов исполнительной власти. Однако в качестве ограничения административного произвола этот принцип не получил должного анализа. Отсюда важно разграничение негативной и позитивной функций этого принципа в административном праве.

Статья включает три части. В первой части кратко освещается история становления принципа законности. В статье аргументируется узкое понимание законности как ограничения злоупотребления властью. Соответственно, во второй части анализируются конституционные основы принципа законности. Автор утверждает, что сфера применения законности остается неопределенной. Негативная и позитивная функции помогают лучше понять этот принцип в административном праве. Наконец, в третьей части проводится анализ законодательной основы действия этого принципа как в сфере полицейской деятельности, так и публичных услуг.

Ключевые слова: административная деятельность, принцип законности, административный произвол, полицейская деятельность, публичные услуги.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23–28–01729. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01729/> (дата обращения: 01.06.2024).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Цитирование: Должиков А. В. Принцип законности и ограничение административного произвола. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 925–933. EDN: SSHUKO

Введение

Законность получила обстоятельное нормативное закрепление, начиная с провозглашения среди основ конституционного строя и конкретизации этого принципа в нормативных актах, посвященных отдельным сферам публичного управления. Однако понимание исследуемого принципа в разных законах не всегда последовательно, что обуславливает отсутствие единообразия судебной практики при разрешении административных дел. Законность не может быть понята вне

истории ее становления в эпоху революций Нового времени, когда этот принцип служил реакцией на средневековый деспотизм и административный произвол. В России в силу имперской и социалистической традиций в законности акцентируются обязанности частного лица, а не административного органа. В этой связи кратко рассмотрим историю идеи законности, а затем проанализируем этот принцип в конституционных нормах и на примере двух основных форм административной деятельности.

1. История законности в административном праве

1.1. Законность как реакция на деспотизм и гарантия от административного произвола

Идея законности управления встречается уже в *Античности*. Учитывая зависимость справедливости законов от волюнтаризма правителя, Платон предрекал «близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства...» (Plato, 2007: 204). Древнегреческий мыслитель называл правителей служителями закона, что подчеркивало их связанность и подчиненность юридическим правилам.

В качестве юридического требования, ограничивающего произвол органов управления, законность оформляется в эпоху *Нового времени*. Этот принцип зарождающегося административного права неразрывно связан с теорией разделения властей. Как заметил Ш.Л. Монтескьё, «известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идёт в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела... Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» (Montesquieu, 1955: 289). Теория разделения властей, будучи реакцией на деспотизм монарха и произвол бюрократии, отграничивает процедуру создания закона парламентом от его исполнения органами управления.

1.2. Законность в Российской империи

В России законность как ограничение государственного управления оформляется сравнительно поздно. Отдельные проявления этой идеи можно обнаружить, к примеру, в известном Наказе 1767 г. Екатерины II¹.

В соответствии со ст. 3 предполагалось «всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его от всех сему правилу противных предприятий». Наказ в ст. 21 фактически декларировал подзаконность правительственных указов: «Законы, сим правительствам дозволяющие представлять, что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение; сии законы – несомненно суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства». Прогрессивные идеи европейских просветителей тем не менее не поколебали неограниченный характер монархии: «Государь есть самодержавный ... Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно» (ст. 9 и 11). В отсутствие разделения законодательной и исполнительной властей анализируемый принцип не имел практического применения.

В Российской империи законность нормативно закреплялась в Общем учреждении Министерств от 25 июня 1811 г.² В ст. 206 провозглашалось: «Министерства установлены на тот конец, чтоб непрерывным действием их и надзором доставить Законам и Учреждениям скорое и точное исполнение». Эта норма предусматривала требование законной цели и исполнительный (подзаконный) характер полномочий министерств. Кроме того, из компетенции министерств прямо исключалось законотворчество: «...никакой новый Закон, никакое новое Учреждение, или отмена прежнего, не могут быть устанавливаемы властью Министра» (ст. 207).

В практике Правительствующего Сената формулируется запрет превышения полномочий в отношении губернских административных органов. Первое общее собрание Сената рассмотрело дело (27 ноя-

¹ См.: Наказ ее императорского величества Екатерины Второй, самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. СПб.: Имп. Академия наук, 1776. 212 с.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825): Т. 31 (1810–1811): Законы (24064–24941). № 24686. С. 686. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=143 (дата обращения: 01.06.2024)

бря 1898 г., 29 октября 1899 г.), которое касалось постановления Курского губернского по городским и земским делам присутствия по предмету издания обязательного постановления о времени продажи хлебных и иных продуктов³. Изначально Старооскольская городская управа составила проект постановления, согласно которому «в интересах ограждения городских жителей от злоупотреблений барышников и скупщиков жизненных продуктов, в базарные дни – воскресенье, среду и пятницу, привозимые в город для продажи на городские площади хлеб во всех видах, а равно съестные припасы разрешить продавать до 8 часов утра только в розницу, оптом же лишь после назначенного часа»⁴. Местный исправник предложил распространить данный проект на другие дни, но Городская дума не согласилась с поправкой. Упомянутое губернское присутствие изложило постановление в соответствии с доводами исправника, распространив его действие на все дни недели. Старооскольский городской голова по уполномочию городской думы, обжалуя решение губернских властей в Сенат полагал, что «ни в статьях городского положения, ни в разъяснениях Правительствующего Сената не усматривается, чтобы губернским по городским делам присутствиям предоставлялось право вместо утверждения проектов обязательных постановлений, составленных думами, самим издавать таковые»⁵. Сенат согласился с заявителем и заключил, что право издавать постановление не принадлежит губернским присутствиям и определил его отменить. В силу принципа законности Сенат защитил самостоятельность городского самоуправления от произвола губернских чиновников.

В результате Революции 1905 г. произошла конституционализация законности и был впервые создан парламент как институциональная гарантия этого принципа.

Высочайший Манифест от 6 августа 1905 г. учредил Государственную думу, тем не менее «сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе самодержавной власти»⁶.

В ст. 42 Основных государственных Законов от 23 апреля 1906 г. устанавливался конституционный принцип, согласно которому «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»⁷. Это положение дало импульс для осмысления законности дореволюционными правоведами (Gorbunov, 1905: 9–26; Lazarevsky, 1905: 70–80.). Однако сам по себе феномен самодержавия исключал реальное ограничение компетенции монарха и бюрократии в полицейском государстве. Можно согласиться с оценкой Н.П. Карадже-Искрова: «Все, что он прикажет, – подчеркивал административист, – обязательно. Никаких юридических границ его власть не имеет. Он отвечает только перед богом и своей совестью, руководствуется он исключительно соображениями целесообразности, пользы, фактической необходимости. Его чиновник действует лишь на основании его инструкций. Однако эти инструкции не создают прав ни для чиновников, ни для подданных» (Karadzhe-Iskrov, 1927: 3). Отсутствие у подданных субъективных прав по отношению к публичной власти исключало обжалование административных актов по мотиву незаконности.

1.3. Социалистическая законность и постсоветский опыт

После 1917 г. анализируемый принцип прошел в своём развитии от революционной версии (жесточайшие репрессии против отдельных классов и «врагов народа») до менее жестокой социалистической законности, которая отчасти боролась с «пе-

³ См.: Административно-судебная практика Первого Общего Собрания и Первого департамента Сената // Вестник права. 1902. Т. XXX. № 2. С. 219–221.

⁴ Там же. С. 219–220.

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Полное Собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913): Том 25 (1905): Ч. 1: Законы (25605–27172). № 26656. С. 637. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1829 (дата обращения: 01.06.2024)

⁷ См.: Полное Собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913): Том 26 (1906): Ч. 1: Законы (27173–28753). № 27805. С. 456. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1849 (дата обращения: 01.06.2024)

регибами на местах» в деятельности советского аппарата управления.

Характерным выражением революционной законности служит Постановление Совета народных комиссаров 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»: «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью... [Н]еобходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁸. Конечно, речь о каких-либо пределах советского управления в такой ситуации не шла, а административные иски, за исключением косвенного судебного контроля, прямо отрицались (Abramov, 1947: 8–10).

В позднюю советскую эпоху некоторые исследователи осторожно обосновывали необходимость в ограничении полномочий администрации. Как отмечали Д. Н. Бахрах и А. Т. Боннер, «[о]рганы государственного управления наделены широкими властными полномочиями. Отношения между администрацией и гражданином – отношения неравноправные, в которых одной стороне во многих случаях принадлежит право давать властные предписания. Это объективно создает возможность для нарушения субъективных прав. Конечно, злоупотребление служебным положением встречается не столь часто. Значительно чаще субъективные права ущемляются из-за небрежности, халатности, недобросовестности отдельных должностных лиц» (Bakhrakh & Bonner, [1975] 2017: 56).

В постсоветский период была дана критическая оценка социалистической концепции законности. А. Бланкенагель, оценивая конституционные проекты, в 1992 г. указывал на традицию «понимать законность в принципе как обязательства гражданина,

но не как обязательство государства... Такой подход осложняет свободу, ибо скрывает опасность того, что государство, которое издает законы и имеет власть, не соблюдает свои собственные законы» (Blankenagel, 1992: 25–26)⁹. В такой оценке подчеркивается ошибочность в понимании персональной сферы действия законности. Тем самым акценты должны быть перенесены на администрацию как главного адресата анализируемого принципа.

2. Конституционные основы принципа законности

В настоящее время законность закреплена в Конституции РФ 1993 г. в качестве основы конституционного строя. Согласно ст. 4 федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Данное предписание определяет территориальные пределы действия анализируемого принципа, предполагая верховенство федерального законодательства над региональным. Более общую формулировку законности содержит ч. 2 ст. 15, в соответствии с которой «[о]рганы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В этой норме законность является частью правовой государственности. Главный смысл последней состоит в связанности власти юридическими правилами.

Тем не менее к числу адресатов законности в ч. 2 ст. 15 отнесены граждане и их объединения. Акцент на законопослушание частных лиц является признаком социалистической традиции. Это положение представляет собой скорее моральную установку, применимую к повышению правовой грамотности. Для судебной практики эта норма почти не имеет смысла. Так, Конституционный Суд РФ лишен юридических средств обеспечения законопослушного

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10; URL: <https://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-snk-o-krasnom-terrore> (дата обращения: 01.06.2024)

⁹ России нужны сильный президент и профессиональный парламент. Интервью с Александром Бланкенагелем, профессором университета города Вюрцбург (Германия), доктором юридических наук // Российская газета. 1992. 29 апреля.

поведения частных лиц, если только им не были делегированы публичные функции. Нельзя с помощью конституционной жалобы заставить другого гражданина соблюдать законы. Прикладное значение рассматриваемых обязательств невластных субъектов возможно лишь косвенно, через выявление конституционного смысла отраслевых законов.

Законность определяется также в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «б» ч. 1 ст. 72) и в качестве функции Правительства РФ (п. «е» ч. 1 ст. 114). В последнем случае на основании бланкетной нормы ч. 2 ст. 114 Конституции РФ компетенция федерального Правительства конкретизирована в Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г.¹⁰ В нём выделена группа Полномочий Правительства РФ «в области обеспечения законности, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью» (ст. 23). Системное толкование анализируемого принципа и особенно его взаимосвязь с полицейской деятельностью свидетельствует о сохранении советского понимания законности. Здесь этот принцип сводится к соблюдению гражданами всевозможных правил и применению к ним полицейских мер (в широком смысле), включая контрольно-надзорные мероприятия. В то же время среди руководящих начал деятельности Правительства РФ названы принципы «верховенства Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов» (ст. 3). В этой норме декларируется подзаконность действий и решений высшего органа исполнительной власти.

Хотя законность прямо не установлена конституцией в отношении иных государственных органов, такой принцип можно вывести из системного толкования конституционных норм. Так, на первый взгляд связанность законом компетенции Президента РФ не очевидна. Он являет-

ся главой государства (ч. 1 и 2 ст. 80), гарантом Конституции РФ и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие иных органов (ч. 2 ст. 80). Такой статус над иными ветвями власти, в том числе законодательной, казалось бы, не позволяет подчинить компетенцию главы государства парламентским актам. Однако Президент РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики государства «в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами» (ч. 3 ст. 80). Данные нормативные основания для ключевых полномочий главы государства свидетельствуют о требовании верховенства закона как элемента его статуса.

Идея подзаконности компетенции Президента РФ ясно выражена в ранней практике Конституционного Суда РФ. Доктрина превышения полномочий была сформулирована в деле, которое касалось проверки Указа Президента РФ об объединении органов государственной безопасности и внутренних дел в единое министерство. Как отметил суд, «[о]дин из основополагающих принципов конституционного строя заключается в том, что любой государственный орган может принимать только такие решения и осуществлять такие действия, которые входят в его компетенцию, установленную в соответствии с Конституцией»¹¹. Суд признал неконституционным данный указ, так как глава государства превысил свои полномочия.

Ещё одним элементом сохраняющейся социалистической традиции выступают предписания Конституции РФ, которые относят законность к прерогативам органов прокуратуры. В ходе конституционной реформы 2020 года к ведению Совета Федерации было отнесено «заслушивание ежегодных докладов Генерального прокурора РФ о состоянии законности и право-

¹⁰ См.: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061

¹¹ Постановление Конституционного Суда РСФСР от 14 января 1992 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1.

порядка в Российской Федерации» (п. «м» ч. 1 ст. 102)¹². Подобная новелла с исторической точки зрения связана с укоренившимся определением прокуратуры как «ока государева» (Eremenko, 1993). В таком контексте конституционные основы законности тождественны мерам по борьбе с преступностью или деятельности по надзору за соблюдением законодательства (Bessarabov & Kakitelashvili, 2013: 49–55)¹³. Эти нормы не направлены на ограничение администрации и защиту индивидуальных прав, а скорее касаются общего надзора прокуратуры за соблюдением публичных интересов.

3. Негативная и позитивная функции законности в административном праве

Рассматриваемый принцип предусмотрен в большинстве законов, касающихся отдельных сфер публичного управления. В зависимости от форм публичного управления можно выделить негативную и позитивную функции законности. Первая направлена на предотвращение административного произвола и вмешательства в основополагающие права невластных субъектов. Вторая функция, напротив, связана с осуществлением мер государственной поддержки и благоприятствующей административной деятельности. Рассмотрим наиболее характерные примеры воплощения законности по отношению к этим двум формам публичного управления.

3.1. Законность полицейской деятельности

Характерным примером определения законности государственного управления, связанного с вмешательством в основные права, является Федеральный закон «О по-

лиции»¹⁴. В соответствии со ст. 6 «[п]олиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом» (ч. 1), а всякое ограничение прав граждан и их объединений «допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом» (ч. 2). Впрочем, в этой краткой норме законность представлена в широком смысле, затрагивая требования формальной определенности («в точном соответствии»), нормативной обоснованности (на основании закона) и надлежащей процедуры (в предусмотренном порядке).

Особого внимания заслуживает подход, связывающий законность полицейской деятельности с правами частных лиц. В ст. 5 («соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина») предпринята попытка установления не формального, а содержательного понимания законности. Эту разницу хорошо демонстрирует требование законной цели. Исходя из ч. 2 ст. 5, «[д]еятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан». На первый взгляд определение цели как законной может свидетельствовать о формальном характере этого требования. Тем не менее в данном случае должна осуществляться материальная оценка полицейской деятельности. Такой вывод подтверждает системное толкование. В ч. 4 ст. 6 установлен запрет, в соответствии с которым полицейский «не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства». Данная норма, как и требование законной цели, с точки зрения судебного контроля будет касаться не формальной стороны деятельности полицейского, но содержательной

¹² См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹³ См.: Бессарабов В.Г., Какителашвили М.М. Роль российской прокуратуры в обеспечении конституционной законности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2013. № 5. С. 49–55.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

проверки его надлежащих мотивов и целеполагания.

Примером содержательной проверки целеполагания в полицейской деятельности служит Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2017 г. № 8-П¹⁵. Это дело затрагивало проблему превышения полномочий по доставлению в отдел полиции лиц, проводивших одиночное пикетирование. В решении отмечалось, что законной целью обжалуемой полицейской меры служит защита «гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом». Иначе «применение полицией данной меры к гражданам, проводящим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии названных оснований к ее применению может расцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав». Однако такое конституционное истолкование требования законной цели и содержательная проверка мотивов полицейских в делах о защите конституционного права на собрание не находит распространения в практике судов общей юрисдикции¹⁶. Итак, в сфере вмешательства органов публичного управления в основополагающие права суды чаще следуют методологии самоограничения и не склонны устанавливать пределы законности административного произвола.

3.2. Законность предоставления публичных услуг

В сфере благоприятствующей административной деятельности законность выполняет иную функцию, обеспечивая предоставление частным лицам публичных услуг и иных мер государственной поддержки. Примером закрепления позитивной функции анализируемого принципа служит Федеральный закон «Об орга-

низации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹⁷. В соответствии с п. 1 ст. 4 одним из основных принципов названа «правомерность предоставления государственных и муниципальных услуг». В данном случае акцентируется внимание на содержательном, а не формальном аспекте публичных услуг. Такой антиформализм нашёл выражение в запрете для органов, предоставляющих подобные услуги, «требовать от заявителя представления документов и информации или осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами» (подп. 1 п. 1 ст. 7).

Примером применения этой нормы является дело, которое касалось оспаривания отказа в предоставлении в собственность земельного участка, находящегося у предпринимателя в аренде¹⁸. Отказ в оказании государственной услуги был обоснован отсутствием среди документов, предусмотренных региональным административным регламентом, нотариально удостоверенного согласия супруга на приобретение участка. По оценке Верховного Суда РФ, «установленная в административном регламенте обязанность в случае приобретения земельного участка в собственность одним из супругов представить нотариально заверенное согласие супруга, вводит дополнительную обязанность для граждан, которая не предусмотрена нормативными правовыми актами... [А]дминистративный регламент в части возложения на заявителя обязанности представить при подаче заявления по приобретению в собственность за плату арендуемого им земельного участка нотариально заверенное согласие супруга противоречит... [федеральным законам], имеющим большую юридическую силу». Тем самым законность в сфере предоставления

¹⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2017. № 13. Ст. 1992.

¹⁶ См.: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2022 г. № 88А-4163/2022; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 г. № 88а-3091/2021 // Доступ из СПС «Консультант плюс».

¹⁷ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 23 декабря 2023 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

¹⁸ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2016 года по делу № 308-КГ15-13732, А32-45693/2014 // Доступ из СПС «Консультант плюс».

публичных услуг предполагает соблюдение в подзаконных актах тех требований, которые предусматривают акты более высокой юридической силы.

Выводы

В отсутствие полноценной кодификации законность ясно не сформулирована как принцип общей части административного права России. В силу социалистической традиции сохраняются ошибочные представления о персональной сфере дей-

ствия этого принципа. Лицом, обязанным соблюдать этот принцип, чаще считается невластный субъект, а не орган публичного управления. Выделение негативной функции законности позволяет обратить внимание на обязательства администрации не вмешиваться в основополагающие индивидуальные права (в сфере полицейской деятельности). Тогда как позитивная функция законности состоит в осуществлении мер государственной поддержки гражданам и в оказании публичных услуг.

Список литературы / References

Abramov S.N. V sovetskom prave ne mozhet byt' administrativnogo iska [There is no administrative claim in Soviet law]. In: *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 1947, 3, 8–10.

Bakhrakh D.N. & Bonner A.T. Administrativnaya yustitsiya: razvitiye i problemy sovershenstvovaniya [Administrative justice: development and problems of improvement] [1975]. In: Bonner A.T. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vol. VI. Problemy administrativnoy yustitsii, osobogo proizvodstva, grazhdanskogo i meditsinskogo prava. Yuridicheskaya publitsistika [Problems of administrative justice, special proceedings, civil and medical law. Legal journalism]. Moscow, Prospekt, 2017, 50–59.

Bessarabov V.G. & Kakitelashvili M.M. Rol' rossiyskoy prokuratury v obespechenii konstitutsionnoy zakonnosti [The role of the Russian prosecutor's office in ensuring constitutional legality]. In: *Vestnik Akademii General'noy prokuratury RF* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2013, 5, 49–55.

Blankenagel A. Rossii nuzhny sil'nyy prezident i professional'nyy parlament [Russia needs a strong president and a professional parliament]. In: *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], 1992, April 29.

Eremenko V. Oko gosudarevo – oko Prezidenta? [The eye of the sovereign is the eye of the President?]. In: *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], 1993, October 15.

Gorbunov A. Legality of management and its necessary conditions [Zakonnost' upravleniya i yeye neobkhodimyye usloviya]. In: *Pravo* [The Law], 1905, 1, 9–26.

Karadzhe-Iskrov N.P. Noveyshaya evolyutsiya administrativnogo prava [The latest evolution of administrative law]. Irkutsk, Izd-skoye byuro Irkutsk. gosud. un-ta; Vlast' truda, 1927. 39.

Lazarevsky N. Legality and the limits of its implementation. In: *Pravo* [The Law], 1905, 2, 70–80.

Montesquieu Ch.L. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gospolitizdat, 1955, 159–733.

Plato Zakony [The Laws]. In: Losev A.F. and Asmus V.F. (eds). *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Pt. 2. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2007, 89–513.

EDN: RUACRW
УДК 343.8

New Popular Principles of Penal Enforcement Law: Problem Statement

Vjacheslav E. Juzhanin^a and Dmitry V. Gorban^{*b}

^a*Ryazan State University named for S.A. Yesenin
Ryazan, Russian Federation*

^b*University of the Federal Penal Service of Russia
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 14.05.2024, received in revised form 17.03.2025, accepted 22.04.2025

Abstract. The purpose of the work is a comprehensive study of modern principles of criminal enforcement law and the problem of the need to supplement this branch of law with new types of principles. According to the authors, the current domestic penal enforcement law needs to be supplemented by the following three principles: separate detention of convicts, a progressive system, and ensuring the rights and freedoms of convicts. These principles should also be enshrined in article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and have their own brief description in the content of the article.

Keywords: deprivation of liberty, convict, principles of law, progressive system, separate detention of convicts, punishment, separate detention of various categories of convicts.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Juzhanin V.E., Gorban D.V. New Popular Principles of Penal Enforcement Law: Problem Statement. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 934–948. EDN: RUACRW

Новые востребованные принципы уголовно-исполнительного права: постановка проблемы

В.Е. Южанин^а, Д.В. Горбань^б

^аРязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Российская Федерация, Рязань

^бСанкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Целью работы является комплексное исследование современных принципов уголовно-исполнительного права и постановка проблемы о необходимости дополнения данной отрасли права новыми видами принципов. Действующее отечественное уголовно-исполнительное право, по мнению авторов, нуждается в дополнении следующими тремя принципами: раздельное содержание осужденных, прогрессивная система, обеспечение прав и свобод осужденных. Указанные принципы также должны найти свое закрепление в ст. 8 УИК РФ и иметь в содержании статьи свою краткую характеристику.

Ключевые слова: лишение свободы, осужденный, принципы права, прогрессивная система, раздельное содержание осужденных, наказание, раздельное содержание различных категорий осужденных.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Южанин В. Е., Горбань Д. В. Новые востребованные принципы уголовно-исполнительного права: постановка проблемы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 934–948. EDN: RUACRW

Introduction

It is known from the theory of law what role principles play in the branches of law: they are the main ideas, active centers in the structure of legal systems.

The topic of the principles of law, certain branches of criminal law, as well as the improvement of the system of principles enshrined in legislation is relevant for both domestic and foreign science.

For example, scientists from Chile raise the question of the need to “restructure” the principles of the criminal law branch of law, to bring these principles into line with the realities of today and the provisions of constitutional legislation. This message suggests that despite the fact that the principles of law are the “pillars”

on which the branch of a particular legislation is built, in some cases the system of principles needs to be improved, either by supplementing it with new principles, or by excluding from it one or another principle that is outdated and does not fulfill all functions and tasks (Fernandez, 2019: 161).

The idea of supplementing with new in-demand principles also applies to the branch of penal enforcement law in Russia. It has formed general legal, intersectoral and sectoral principles that guide its legal systems to achieve the goals set for it.

As you know, the principles of this branch of law are formed on the basis of the defining directions of penal enforcement policy. They must be relevant, in demand by society at a given

time and causally determined. The principles are determined on the basis of a causal (factorial) approach in penal enforcement policy.

As F. V. Grushin rightly noted, “modern processes taking place in the field of execution of criminal penalties and other measures of a criminal-legal nature allow us to assume with a high degree of confidence that the use of a factor approach is extremely necessary in the relevant branch of legislation” (Grushin, 2020: 5).

The principles of politics are determined by many factors: economics, social processes, international legal acts, science, etc. In recent years, the penal enforcement policy has developed significantly in accordance with the requirements of international legal acts, especially in the field of ensuring the rights of convicts serving sentences, as well as the processes taking place in the economy and society.

Being formed on the basis of these factors, the principles of penal enforcement policy should be directly reflected in penal enforcement law, they affect the law and, in this regard, determine the directions, tasks and forms of activity of state bodies.

At the same time, law is a means of expressing and strengthening state policy, which, being implemented in the norms of law becomes concrete, clear and, of course, mandatory for subjects of public relations.

Based on the above, the principles of penal enforcement law can be defined as the main ideas and requirements fixed in the penal enforcement legislation, conditioned by the factor patterns of the development of Russian society, expressing the general orientation of the dynamically developing state policy in the field of the execution of criminal penalties.

Statement of the problem

The current penal enforcement legislation reflects and enshrines the following principles (Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation):

- 1) Legality;
- 2) Humanism;
- 3) Democracy;
- 4) Equality of convicts under the law;
- 5) Differentiation and individualization of the serving the sentence;

6) Rational application of coercive measures means of correction of convicts and stimulation of their law-abiding behavior;

7) Combining punishment with corrective action.

These principles are reflected in the current norms of the Criminal Code of the Russian Federation. Do they fully reflect the fundamental features of modern penal enforcement policy? We can say with full confidence that no.

Politics always develops faster than legislation, the norms of which do not have time to be replenished with new ideas, this is especially noticeable during the transition period from one socio-economic formation to another.

The basic, fundamental provisions of the penal enforcement legislation have not changed for more than 20 years of its existence. Whereas during this period, a number of concepts and programs for the development of the penal system (FPS) were approved (for the periods from 1995 to 2005, from 2010 to 2020, from 2018 to 2026).

Currently, the Concept of the development of the penal system of Russia for the period up to 2030 has been approved. It is precisely such documents that determine the modern penal policy, they are approved either by the President of the Russian Federation or by the Government of the Russian Federation. Their purpose is to determine the main directions of the development of the Federal Penitentiary Service (further in the text – FPS) in accordance with generally recognized international standards and the needs of social development, in accordance with new social and economic factors.

These documents guide the strategic development of the penal system of the Russian Federation, have promising and progressive segments (Useev, 2020: 81).

If the penal enforcement policy changes, then this should be reflected in the principles of this policy, and then in the branch of penal enforcement law.

Some authors in their scientific research have made attempts to correct the principles of penal enforcement legislation, which enshrines the changing penal enforcement policy.

In 2016, a doctrinal theoretical model of the General Part of the new Criminal Code of the Russian Federation was published, pre-

pared by the author's team under the scientific guidance of Prof. V. I. Seliverstov.

It provides principles that, to a certain extent, do not coincide with the legally established principles of the current Criminal Code of the Russian Federation:

- 1) Legality;
- 2) Humanism;
- 3) Democracy;
- 4) Justice;
- 5) Equality under the law;
- 6) The connection of criminal punishment with correctional and preventive action;
- 7) Differentiation;
- 8) Individualization;
- 9) Economy of coercion;
- 10) Stimulating law-abiding behavior and socially useful activity of convicts;
- 11) The participation of society and citizens in the correction of convicts and in ensuring their rights and legitimate interests (Seliverstov, 2016: 36).

Note that the number of principles proposed by the authors of this scientific work has increased compared to the number of existing principles enshrined in the penal enforcement legislation of the Russian Federation from 7 to 12.

This suggests that the authors have tried to take into account the changing penal enforcement policy in the field of execution of sentences, its current trends, new factors that correct it.

They proposed to consolidate new principles in the penal enforcement legislation, such as:

- 1) Justice;
- 2) Expediency;
- 3) Participation of society and citizens in the correction of convicts and in ensuring their rights and legitimate interests;
- 4) Connection of punishment with corrective and preventive action;
- 5) Stimulating the useful activity of convicts (Seliverstov, 2016: 37).

Moreover, for the first time, the authors of the theoretical project offered their vision of the content of these principles.

However, in our opinion, many of these principles are superfluous and will only "weigh down" the current penal enforcement legislation of Russia, they do not meet modern trends

and factor trends of the penal enforcement policy of our state.

For example, the principle of expediency proposed by the authors contradicts the principle of legality, since it allows an analogy in penal enforcement law, the priority of expediency in law enforcement practice. The principle of justice largely duplicates the principle of economy of coercion. It is also not clear how corrective and preventive action can be combined into one whole when it is based on different components: correction and warning.

But the main thing is still not in the essence of the proposed principles, but in the fact that they do not reflect the needs of the changing modern penal policy. The authors have not taken into account many provisions of the concepts of the development of the penal system related to its reform. The penal system has been operating and improving for a long time in accordance with the new principles. And some of the principles are not reflected in the concepts, but they directly suggest themselves in legislation in accordance with the requirements and recommendations of international regulations.

The principles of the branch of penal enforcement law should be more "global" rather than narrow in nature and regulate all areas of public relations related to it, as well as be focused on the short and long term.

Next, we will consider and characterize the popular principles of the branch of penal enforcement law proposed by us, which require their early consolidation in the current legislation.

The principle of separate detention of different categories of convicts (The principle of separate detention of different categories of convicts).

In the previously existing Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020, such a direction of the activities of the penal system of the Russian Federation was fixed as ensuring the safety and rights of convicts through separate detention of convicts capable of resocialization and convicts who have committed particularly serious crimes, who have firmly assimilated elements of the criminal environment and malicious violators of the regime.

Based on this direction of development of the penal system of the Russian Federation, the principle of separate detention of various categories of convicts, depending on the behavior, psychological and pedagogical characteristics of the individual, “suggests itself” in the current legislation. All this should be reflected in a number of norms, and, perhaps, in a separate chapter of the Criminal Code of the Russian Federation.

Moreover, this principle applies not only to punishment in the form of imprisonment for a certain period, but also to punishments in the form of forced labor, arrest (not currently applied by judicial authorities), detention in a disciplinary military unit, etc.

Thus, this principle extends its effect to the entire branch of penal enforcement law. It is applicable both to punishments related to isolation from society and punishments not related to it. But for the latter punishments, this principle is applied in a slightly different context (aspect). It involves limiting communication and influence on each other of convicts who are negatively inclined to correction to those who are positively characterized in the process of serving the sentence not related to isolation from society.

The principle we are considering is enshrined in the norms of international legal acts. Thus, r. 89 of the Mandela Rules emphasizes that the implementation of the principles of the policy towards prisoners requires a flexible system of classifying them into groups and it is desirable that these groups should be placed in separate prison facilities suitable for working with each of them.

According to rule 93:

“1. The purposes of classification are:

a) Separation of prisoners from those who, by virtue of their criminal past or their character traits, threaten to have a bad influence on them;

b) The division of prisoners into categories that facilitate work with them in order to return them to life in society.

2. Work with different categories of prisoners should be carried out, as far as possible, in different prison institutions or in different departments of the same prison institution.”

The European Penitentiary Rules also recommend the separate detention of prisoners to ensure the security of penitentiary institutions (r. 51). The criterion for such security is a risk assessment, which should help identify those prisoners who pose a threat to staff and other prisoners. When assigning prisoners to a certain category and determining their level of security, the following should be taken into account: the nature of the crime; the level of danger to society in the event of an escape; previous escape attempts and access to assistance outside the prison; potential threat to other prisoners, witnesses, etc. The results of other assessments carried out by the relevant agencies, for example, the police, are also taken into account (part 5, item 51).

The topic of separate detention of various categories of prisoners is supported and developed in foreign countries, in particular at the international level of the UN. The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) has developed a Guide on the classification of convicts and their separate detention.

This Guide notes that the category of “prisoner classification” refers to the placement or allocation of prisoners to one of several levels of detention or supervision in order to match the individual risks and needs of prisoners with correctional resources and the appropriate supervision regime. A well-thought-out and managed classification process is the cornerstone of an effective penitentiary system, a fundamental point for the protection of human rights and the planning of the punishment execution process and the effective use of the limited resources of penitentiary institutions. Classification has a direct impact on many aspects of prison management, including the safety and security of prisoners, prison staff and the general public, and the humane detention of prisoners.

This Manual shows the differences between the classification of prisoners and their separate detention. The classification of prisoners differs from their separation based on various factors: age, gender, grounds for detention, etc. In particular, the division into such definite homogeneous groups is not in itself a classification process.

The classification of prisoners correlates more closely with another category, “differentiation and individualization of the serving the sentence.” In our opinion, the classification of convicts and their separate content belong to single-order categories, since separate content “orders” certain classification criteria. But they have a difference in their purpose: if the main task of the classification of convicts is to create optimal conditions for the differentiation and individualization of punitive and educational impact on various categories of convicts, then their separate content is mainly aimed at excluding the influence of the most negative part of convicts on other persons, creating favorable conditions for the re-socialization of positively characterized convicts. If we consider the separate content of different categories of convicts as a principle of penal enforcement law, then it should be presented in integration with the classification. These are single-order categories. Separate detention begins with the classification of convicts, which serves as the basis for it.

The Manual notes that the legislative framework of a particular country plays a decisive role in making decisions regarding the classification, separation and security of prisoners. In some jurisdictions, judges are responsible for deciding on a prisoner’s security regime based on a crime committed by him, in other cases the prison service is responsible for this. The recommended practice is for prison authorities to determine a prisoner’s level of security after an individual assessment of risks and needs. Classification is necessary both for persons detained before trial and for convicted persons. For persons in custody, having a transparent assessment and classification system with regular review periods is an essential element to help decision makers determine the minimum security requirements necessary for the distribution of persons awaiting trial.

Similarly, for those who have been convicted, such a system ensures that prisoners are in the lowest security category or at the lowest level compatible with ensuring the protection of prisoners. The successful development, implementation and management of a prisoner classification system depends on a number

of infrastructural requirements, in particular those related to the physical infrastructure of prisons, policies and guidelines, human resources and an established system of documentation and accounting.

In addition, the way approved will depend on whether the assessment and classification activities will be centralized in one place or not.

The system of prison classification and separate detention of prisoners, according to the authors of the manual, should include three main stages (steps):

- 1) Assessment of urgent needs and provision of information to the prisoner;
- 2) Collecting information;
- 3) Determination of the required initial level of security: assessment of risk factors, needs and responsibilities.

It should be noted that the penal enforcement legislation is more responsive to changes in criminal policy (in its narrow meaning) than the actual penal enforcement policy. Changes in criminal legislation are accompanied by changes in penal enforcement legislation.

So, in December 2018, the legislator adjusted the categories of persons to whom a prison sentence may be imposed by the court (Part 2 of Article 58 of the Criminal Code) and to whom, regardless of the court’s decision, it should be imposed (Part 2–1 of Article 58 of the Criminal Code). These are persons who have committed terrorist crimes, as well as those related to encroachment on the life of a statesman, a law enforcement officer, theft and illegal trafficking of nuclear materials, sabotage, armed rebellion. These are so-called ideological acts that infringe on state interests.

The main idea of these norms of criminal legislation is to ensure public safety, designed for the possibility of prison cell isolation of this category of persons. The penal enforcement legislation reacted to such novelties of the Criminal Code of the Russian Federation by providing for the detention of these persons in prisons (Part 7 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation) and closing them the possibility of transfer to a correctional colony in order to change the type of correctional institute (paragraph “a” of Part 2 of

Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation).

However, the influence of criminal policy (in the narrow sense) on the penal policy is not always consistently implemented. The criminal legislation criminalized the category of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210–1 of the Criminal Code of the Russian Federation), and the penal enforcement legislation did not react to this in any way. They should be specified in Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for separate detention of different categories of convicts. Now it is possible to create isolated areas in the colonies that function as a prison. In order to send this category of persons to these sites, it is necessary to determine the appropriate norm, both in criminal and penal enforcement legislation. The concept of the development of the penal system until 2020 required this, and the laws did not respond to this requirement. And all this should be defined in the law, because in these areas the rights of convicts are significantly limited.

The requirements of the previously valid Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020 for the separate detention of different categories of convicts were taken into account by the Federal Penitentiary Service of Russia when conducting such an experiment in the Murmansk, Arkhangelsk, Vladimir regions and Altai.

According to this experiment, convicts in correctional institutions are divided into three sectors:

1) in sector “A” there are convicts who systematically violate the regime, and they are kept in locked cells, punishment cell, cell-type room;

2) positively characterized convicts held under normal conditions of serving their sentences are placed in sector “B”;

3) Convicts preparing for release are concentrated in sector “C”. Representatives of the Federal Penitentiary Service stated that such a division would reduce the impact of negatively characterized convicts on other persons, help to build work with certain categories of convicts in different ways

With a positive result of the experiment, all this should be fixed in the norms of penal enforcement legislation, which develop the principle of separate detention of various categories of convicts, depending on the behavior and personality characteristics of convicts.

The concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 has identified an important task to improve the organizational and structural structure of criminal justice institutions, in particular, the development and implementation of the creation of joint type institutions in one region or on an interregional basis. This correctional institution can execute not only one type of criminal punishment, but several types ranging from imprisonment for a certain period and ending with punishment in the form of forced labor.

In our opinion, this institution should include an adaptation section (for convicts who have arrived at the penitentiary), an intensive correctional impact section (for the main period of serving a sentence), a cell detention section (for malicious violators of the regime), a social adaptation section (for preparing convicts for release), sections with other types of correctional facilities, etc. In these areas, different categories of convicts should be kept separately in order to exclude the influence of negatively characterized convicts on those who seek correction. In particular, art. 80 The Criminal Code of the Russian Federation, providing for the separate detention of convicts in the IU, should be filled with new categories of convicts, among whom it is necessary to identify malicious violators of the regime, persons occupying the highest position in the criminal hierarchy and persons positively characterized. Thus, the task of protecting positively characterized convicts can be solved.

Thus, we can confirm the relevance, importance and necessity to seal the principle of separate detention of various categories of convicts in the current domestic legislation. This conclusion is confirmed by an analysis of the opinions of various scientists, as well as regulatory legal acts and policy documents of various levels, including international ones.

The principle of a progressive system of execution and serving of sentences.

In the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 is pinned one of the most relevant areas of the penal system activity – improving the system of motivations of convicts to law-abiding behavior. The challenges facing the penal system “require additional measures to achieve the main goal of the penal enforcement legislation – the correction of convicts, as well as their re-socialization and social adaptation”. First of all, these measures should be connected, with changes in the conditions of serving a sentence and the type of correctional institution, conditional early release or replacement of the part of the sentence that has not been served with a milder type of punishment, taking into account the behavior and personal characteristics of convicts.

All this should provide for the definition of criteria for the degree of correction of convicts and their evaluation indicators, which would really link the administration of correctional institutions with the use of incentive and disciplinary institutions (Useev, 2020: 83). In particular, this Concept sets the task of improving the system for evaluating the effectiveness of the penal system.

In these concepts, we are talking about the further development of a progressive system of serving prison sentences by convicts. It is not fully provided for in the legislation, but is represented only by changes in the conditions of serving a sentence (Article 87 of the Criminal Code of the Russian Federation), a change in the type of IU (Article 78 of the Criminal Code), the replacement of punishment with a milder and conditional early release (Article 175 of the Criminal Code), without a gradual transition from one to another.

Whereas in the scientific literature, the traditionally progressive system is associated with its main idea – the gradual adaptation (approximation) of convicts to the conditions of life in freedom. Moreover, it should concern all isolated persons, but mainly those sentenced to long terms of imprisonment (Tkachevsky, 1997: 15).

The development of a progressive system of serving sentences in penal enforcement leg-

islation is a whole penitentiary ideology, or rather, a principle that should be implemented through many institutions and norms of this legislation. In our opinion, it is advisable to consolidate this principle in the Criminal Code of the Russian Federation, which will allow it to be implemented in law enforcement practice in the future.

The progressive system should look like this:

Stage 1 – changing the conditions of serving a sentence for the better in the same correctional institution (in the absence of penalties);

Stage 2 – changing the type of correctional institution (positively characterized convicts);

Stage 3 – transfer to a penal colony, or replacement of punishment with a milder one, or transfer to live outside of the correctional institution (to solve the problem of social adaptation for those who have firmly embarked on the path of correction);

Stage 4 – conditional early release (for those who do not need to continue serving their sentence);

Stage 5 – is the management of social adaptation in conditions of freedom of those released from the correctional institution (those in need of socialization, assistance, etc.).

It should be noted that all these elements of a progressive system should be interconnected, follow each other, forming a kind of “chain”. For example, before a convicted person appears on parole or is pardoned, he must pass all the previous links. Such a process of implementing a progressive system of serving sentences is aimed at constantly stimulating the correction of convicts and their gradual adaptation to the conditions of freedom. Such a system of serving a sentence must necessarily be provided for those sentenced to long terms of imprisonment, the status of which must be determined in the penal enforcement legislation. To a lesser extent, it concerns those sentenced to short sentences.

The progressive system proposed by us is also supported by some foreign scientists, in particular Korean ones. Y.K. Park notes the importance of horizontal and vertical classification of prisoners within the progressive system of stages. These classification divisions of

prisoners are implemented in open prisons, in which special open departments (rooms) are created (Park, 2006: 33).

Foreign authors include the following elements in it:

The system of classification of convicts (maximum, high, medium, low, open);

Gradual reduction of the isolation of the convicted person by the so-called “release” (granting convicts various types of leave, the opportunity to work outside the correctional institution, etc.);

Granting parole;

Assistance (support) after release (Walsh, 2005: 79).

The famous English scientist M. Grunhut noted that “the progressive system represents such an organization of the regime in which the convict is given an independent opportunity to ascend from the initial stage of his imprisonment to the moment of release. This system stimulates correction, improves his relationships, strengthens and tests his will, and thus puts his fate in his own hands” (Grunhut, 1948: 42).

The Russian progressive system has been criticized by both Soviet and modern scientists. In their opinion, it does not have a sufficient number of interrelated stages of execution of sentences, a single goal, ideology, it is not fully implemented through the institutions of changing the conditions of serving a sentence, preparing for release. The institution of supporting after the release of convicts is generally non-existent in the legislation (Juzhanin, 2007: 35).

The attempt to transform the progressive system in the modern period through the so-called “social elevators” was unsuccessful. As V. A. Utkin rightly noted, from this experience, only the practice of certification of convicts and their differentiation based on it deserves attention (Utkin, 2012: 62).

In general, the progressive system of serving sentences in its entirety has not been developed in the penal system of Russia. Therefore, it is necessary that it be embodied in the principle of penal enforcement law and determine the activities for the serving the sentence from the beginning of the execution of punishment to the completion of the process of their

re-socialization during their adaptation to the conditions of life in society.

In a number of foreign countries, the principle of a progressive system is implemented in practice when creating a system and mechanism for the serving of sentence.

In England, serving a sentence involves its division into the following successive stages (stages):

Trial period (solitary confinement);

Correctional period (general imprisonment with involvement in labor);

Transitional imprisonment in a semi-free prison (going to work without an escort, free communication with the outside world);

Conditional early release (after serving at least three-quarters of the sentence).

In France, the progressive system is organized according to a similar principle, but the two stages of the four are as follows: correctional convicts work together during the day and spend the night in solitary cells; 2) an increase in the number of benefits (Gorkina, 2016: 37).

In some CIS countries, the serving the sentence is organized according to a progressive system. Article 95 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) provides for an assessment of the behavior of a convicted person in order to individualize his punishment.

The degree of behavior of a convicted person is the basis for improving or worsening his legal status and position by changing the type of correctional institution, changing the conditions of serving a sentence, further expanding his rights or establishing additional legal restrictions.

The degrees of behavior enshrined in Article 95 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are determined on the basis of the following criteria:

For positively characterized convicts:

The first positive degree of behavior – in the presence of at least one encouragement and no penalties for three months or more from the date of receipt of the last encouragement;

The second positive degree of behavior – in the presence of the first positive degree of behavior, at least one encouragement and no

penalties for six months or more from the date of receipt of the first positive degree of behavior;

The third positive degree of behavior – in the presence of a second positive degree of behavior, at least one incentive and no penalties for one year or more from the date of receipt of the second positive degree of behavior;

For negatively characterized convicts:

The first negative degree of behavior – when recognized as a violator of the established order of serving a sentence;

The second negative degree of behavior is when recognized as a systematic violator of the established order of serving a sentence;

The third negative degree of behavior is when recognized as a malicious violator of the established order of serving a sentence.

In order for this principle to be embodied in the penal enforcement legislation, it is necessary to provide progressive and regressive systems of serving the sentence in its norms: the first for positively characterized convicts, the second for negatively characterized ones.

Positively characterized convicts are divided into two categories:

1) Those who have achieved a high degree of correction, preparing for parole;

2) Neutral convicts who are released after serving their sentence.

In our opinion, the category of persons who have achieved a high level of correction, but have not served a certain period of time required for parole, should be transferred from the facilitated conditions to more preferential conditions, which are to be provided for in the penal enforcement legislation. Under these conditions, they should be prepared for the upcoming parole, providing for the possibility of leaving the correctional institution, providing family vacations, living in room-by-room dormitories, solving problems with labor and household arrangements, etc.

For neutrally characterized convicts, semi-free (open) conditions should be created when preparing them for release after serving the full sentence, defining for each type of correctional colony regime its own conditions for monitoring and supervising their movements outside the place of isolation. They should be

transferred to a social adaptation site (in conditions of semi-freedom, and those convicted for long periods – to a colony-settlement 6 months before their release. Largely, this applies to persons serving long terms of imprisonment. The whole process of correctional influence on the convict exerted in the process of serving the sentence depends on the quality of the measures at this stage.

The regressive system of serving a sentence is intended for malicious violators of the regime. The legislation does not define its sequence, which would imply a gradual change in the conditions of serving a sentence for them. For this category of persons, the law defines the following possible response measures: strict conditions for serving sentences, cell-type premises, single cell-type premises, prison. The head of the colony is forced to face a dilemma: where to send them if a disciplinary measure is chosen? This problem can be solved as follows: in the case of consistent illegal behavior of a malicious violator of the regime, a “chain” should be formed that would link disciplinary measures of influence: strict conditions, cell-type room, prison. In our opinion, the single cell-type room should be abolished altogether, since they can be replaced by an isolated section functioning as a prison. This section should be transferred only in case of unsuccessful application of all disciplinary measures provided for in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as transfer to strict conditions of serving a sentence.

So a consistent regressive system of serving a sentence can develop.

Thus, when defining progressive and regressive systems of serving sentences in penal enforcement legislation, we could note a certain sequence and logic of the legislator in the construction and implementation of individual elements of a progressive system of execution and serving of criminal penalties. This logic and sequence can also be perceived by the domestic legislator when making appropriate changes to the Criminal Code of the Russian Federation and fixing the principle of a progressive system in it.

The progressive system of execution and serving of criminal sentences has its extension

not only to punishment in the form of imprisonment. Although the scientific literature mentions the progressive system only in relation to the execution of a custodial sentence, however, some scientists believe that the progressive system can extend to other types of punishment. Non-custodial punishments have their own “regime” of execution and serving, which is aimed at achieving the goals of penal enforcement legislation and which, in our opinion, can also be organized according to a progressive system.

In connection with the above, it is proposed to extend the principle of the progressive system we are considering to all types of criminal penalties, and, accordingly, to the entire branch of penal enforcement law.

The principle of ensuring the rights and legitimate interests of convicted persons

In our opinion, we should pay attention to another principle of the penal enforcement policy, which should be enshrined in the penal enforcement legislation – ensuring the rights and legitimate interests of convicts.

Improving the effectiveness of ensuring the rights and interests of convicts, creating appropriate conditions of detention for them is among the main activities of the penal system, stated in the new Concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030.

In this directive document, a number of activities of the penal system of the Russian Federation for the realization of the rights and legitimate interests of convicts have been consolidated.

The concept actualized this area of activity of the penal system of the Russian Federation, since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation and its entry by virtue, a similar task was set by the legislator in Part 2 of Article 1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and in Part 1 of Article 10 it was declared when determining the legal status of convicts: The Russian Federation respects and protects the rights, freedoms and legitimate interests of convicts, ensures the legality of the use of corrective measures, their legal protection and personal safety in the execution of punishments.

International legal acts pay special attention to the realization of the rights and legitimate interests of convicts, which indicate that convicts retain the right to recognition of their legal personality under a court verdict (Nelson Mandela Rules 1–5, etc.).

In particular, convicts have the right to:

For life;

The dignity of the individual;

Personal inviolability;

Freedom of conscience and religion;

Handling complaints, statements, suggestions;

Health protection and medical care, qualified legal assistance, etc.

All these rights should be secure, including security measures (Juzhanin, Gorban', 2018: 359).

Not fully, but the convicts' rights is enshrined in article 12 of the Criminal Code of the Russian Federation, and they are provided with supervision by public authorities (article 19), the courts (article 20), the parent bodies and officials (art. 21), public Prosecutor (article 22) and the public (article 23).

As for ensuring legal interests, there are relevant norms in the Criminal Code of the Russian Federation, they are scattered according to the relevant chapters and articles of this law (for example, Article 50, Part 3 of Article 60–4, Article 77, Article 78, Chapter 13, Article 112, Chapter 16, etc.). The current penal enforcement legislation is permeated with the idea of guaranteeing the observance and respect of the rights of convicts, and also recognizes the possibility of realizing the legitimate interests of convicts within the limits provided for by law. For example, convicts can apply to the court with a petition for parole or for the replacement of the part of the sentence not served with a milder punishment, move to a colony-settlement, use vacations with departure from the correctional institution, etc.

Thus, the principle of “ensuring the rights and legitimate interests of convicts”, although has not found consolidation in the current system of principles in Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, but it is actually seen in the norms governing the execution of all types of punishment. Undoubtedly, it

should be confirmed in the specified article of the Criminal Code of the Russian Federation and included in the list of sectoral principles.

The topic of protecting and ensuring the rights of convicts (prisoners) is undoubtedly also supported in foreign scientific literature.

Scientists from different countries are studying this category and offer equal importance to the principle of the particular field of criminal law cycle (Trestman, 2014: 60).

Foreign scholars pay attention to the fact that a prison sentence, and therefore the execution of criminal penalties is one of the mechanisms of the criminal justify compensation and reparation for victims of crime and society as a whole. However, in the process of serving a sentence, in no case should the fundamental rights of prisoners be infringed or significantly restricted (Lee, 2020: 295).

In this case, the authors propose to include the following semantic elements in this process to ensure the rights of prisoners:

The concept of the rule of law;

General principles of the rule of law;

Application of international sources of the rule of law in relation to prisons, etc.

Thus, human and prisoner rights are considered to be the basis of the rule of law. Many prisoners face violation or infringement of certain rights in connection with their stay in prison institutions. However, the process of execution of punishment should be subordinated to the rule of law and compliance by States with international treaties on the protection of prisoners' rights in the following areas: health, education, ecology, etc. (Rouhi, Dezaki, Karveh, 2016).

Accordingly, the analysis of the positions of domestic and foreign scientists allows us to confirm the hypothesis about the need to supplement the current system of principles of penal enforcement law with its new type – “ensuring the rights and legitimate interests of convicts”.

The principle we propose is very important and necessary for the branch of penal enforcement law. It intersects with the principle of legality, but nevertheless is an independent principle that requires its consolidation in legislation. This principle permeates the entire branch of penal enforcement law, all types of

punishments and other measures of a criminal legal nature. It is declarative and universal features and has all the features of the principle of law.

Discussion

Some authors argue that “those legal provisions that have not yet been fixed in legislation cannot be classified as legal principles, they are only ideas of legal consciousness, scientific conclusions, but not principles.” (Sizaya, 2009: 252). These principles are commonly called doctrinal principles, they are not fixed in the norms of the law, but are derived from them (Sabitov, 2005: 70).

The question arises: which principles should we refer to the principles of penal enforcement law proposed by us, but not enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation: legal or doctrinal? In our opinion, they should be attributed to legal principles, although they have not been enshrined in Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, but they permeate the entire branch of this legislation. In addition, they are confirmed as principles of penal enforcement policy in the norms of the concepts of the development of the penal system of the Russian Federation, which are approved at the level of the Government of the Russian Federation. They are implemented, they are guided by the penal system of the Russian Federation, when decisions are made on a step-by-step system of serving sentences (a system of social elevators) and on the separation of different categories of convicts from each other.

They have all the characteristics inherent in the principles:

They reflect the socio-economic, moral, legal patterns of development of Russian society;

Comply with international legal norms;

Serve as guidelines for the activities of the penal system;

Ensure its uniform functioning;

They have a normative and binding nature;

They contribute to the elimination of gaps in the penal enforcement legislation and, most importantly, they belittle all legislation. In our opinion, these documents have a political and legal character.

R.Z. Useev suggests that they should be approved by the President of the Russian Federation, and they should have an ideological and legal and operational-technical character (Useev, 2020: 78).

These principles are reflected in the penal enforcement legislation. Thus, the separate detention of convicts is provided for in Article 13 (right to personal security), Article 69 (during the execution of arrest), Article 76 (during the transfer of convicts), Article 77 (maintenance of economic servants in pre-trial detention centers and prisons), Article 80 (maintenance of different categories of convicts in the correctional institution), Article 82 (regime requirement), Article 74 (isolated areas in the correctional institution), Article 96 (movement without escort), Article 121 (residence outside the correctional institution 6 months before release), Articles 126, 127 (life imprisonment), art. 130, 131 (temporary detention in prison), art. 150 (in relation to military personnel), art. 118 (detention of convicts in a punishment cell and cell-type room), etc.

The principle of a progressive system of serving a sentence also permeates the penal enforcement law, it is provided, for example, in the following norms: Article 78 (changing the type of correctional institution), art. 87, 120, 122, 124, 130, 132 (changing the conditions of serving a sentence), Article 166 (changing the conditions of serving a sentence for military personnel), Article 175 (replacing the sentence with a milder one, parole), Article 180 (preparing convicts for release), etc.

Thus, the legislative norms we have cited confirm the conclusion that they contain the content of these principles.

Another question arises: should they be considered the principles of the entire branch of penal enforcement law or its institution – the execution of punishment in the form of imprisonment? If we keep in mind the separate detention of different categories of convicts, then this principle is enshrined in the norms governing the execution of not only deprivation of liberty, but also arrest, in relation to military personnel, during the transfer of convicts, in a pre-trial detention center, etc. It is quite possible to include it in Article 8 of

the Criminal Code of the Russian Federation as an industry principle of penal enforcement legislation. The principle does not necessarily have to permeate the execution of all punishments, because the principles currently specified in Article 8 of the Criminal Code (combining the execution of punishment with corrective action, differentiation and individualization of the execution of punishments, rational use of coercive measures, means of correcting convicts and stimulating their law-abiding behavior) do not apply when executing a fine, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, additional punishments.

The progressive system, as we have already noted, has not been fully reflected in Russian legislation, it does not yet meet the requirements of international law. In addition, it is poorly represented in the execution of punishments that are not associated with isolation from society, where there are not enough norms that stimulate the lawful behavior of convicts. If we consolidate this principle in the form of an industry principle, then the execution of these punishments will undergo a significant change, will be filled with positive content that stimulates the lawful behavior of convicts.

The principles of the institution of execution of punishment in the form of deprivation of liberty may repeat the principles of the branch of law, but, for the most part, have an independent meaning.

In the scientific literature, it is proposed to define the following principles of this institution:

Guaranteeing the rights and freedoms of convicts in the serving of sentence with exceptions and restrictions established by criminal, penal enforcement and other legislation of the Russian Federation;

Ensuring the rights of convicts to health protection, social security, legal assistance and personal security;

The combination of punishment at the stage of its execution with corrective action;

Serving a sentence by convicts in a penal institution within the territory of the subject of the Russian Federation in which they lived or were convicted;

Separate detention of convicts in the penal institution;

Serving the entire sentence by convicts in one penal institution;

Differentiation and individualization of the correctional process based on the legal and psychological-pedagogical classification of convicts;

Rendering assistance to convicts in social adaptation.

It is not difficult to notice that the first three principles, not indicated in Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, can be fully attributed to the sectoral principles of penal enforcement law, and principles such as the combination of punishment at the stage of its execution with corrective action, differentiation and individualization of the correctional process are provided in the current Criminal Code of the Russian Federation as principles of penal enforcement legislation.

Some scientists propose a different system of principles for the institution of the execution of imprisonment, but this is not the subject of our research, and we will not focus on them. The principles of the industry and institutions are mobile, they can move from one to another if they are considered at the doctrinal level. They should be fixed in the penal enforcement legislation, then they can take their proper place and have a regulatory impact on the process of execution of punishments.

Conclusion

Thus, all the three principles of penal enforcement policy considered and proposed by us are in demand in accordance with the concepts of the development of the penal system of the Russian Federation and international norms of law and should be consolidated in the current penal enforcement legislation (Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation).

References

- Fernandez Jose. Reconstructing principles of criminal law in constitutional review. In: *Problema. Anuario de Filosofía y Teoría del Derecho* 2019, 161–191. DOI 10.22201/ij.24487937e.2019.13.13719.
- Gorkina S. A. Progressive systems of execution of punishments in penitentiary institutions of foreign States. In: *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, 4(29), 37–41.
- Grunhut M. *Penal Reform: A Comparative Study*. Oxford, 1948, 486.
- Grushin F. V. *Influence of the system of factors on the development of criminal Executive policy and criminal Executive legislation of the Russian Federation*. Moscow, 2020, 220.
- Juzhanin V. E. About the Russian «progressive system» of execution of punishment in the form of deprivation: problems of theory and practice. In: *Materials of scientific and practical Conf.* Ryazan, 2007, 33–35.
- Juzhanin V. E., Gorban' D. V. *Regime and measures of prevention of offenses of convicted persons in the system of execution of punishment in the form of deprivation of liberty*. Moscow, 2018, 496.
- Lee M. Direction of the Penal Execution Act in Constitution: Prisoner's Human Rights. In: *Korean Journal of Correctional Discourse*. 2020, 1, 295–324.
- Park Y.-K. Classification of Prisoners and Progressive Stage System. In: *Korean Society for Corrections Service*. 2006, 33, 7–33.
- Rouhi E., Dezaki L., Karveh M. Protection of Prisoner's Human Rights in Prisons through the Guidelines of Rule of Law. In: *Journal of Politics and Law*. 2016. DOI 10. 71. 10.5539/jpl. v10n1p71.
- Sabitov T. R. On the concept of the role of the principles of criminal law. In: *Criminal law, penitentiary principles and their implementation: law-making, law-enforcement levels: vseros. scientific-practical conf.* Saratov. 2005. 583.
- Seliverstov V. I. General part of the new penal enforcement code: results of theoretical modeling. 2016, 80.
- Sizaja E. A. *Principles of execution of criminal penalties: theoretical and methodological foundations, implementation, effectiveness*. Rjazan'. 2009, 322.
- Tkachevskij J. M. Russian progressive system of execution of criminal punishments. In: *Bulletin of the Moscow University*, 1997, 6, 12–25.

Trestman R. Ethics, the Law, and Prisoners: Protecting Society, Changing Human Behavior, and Protecting Human Rights. In: *Journal of bioethical inquiry*. 2014. DOI 11. 10.1007/s11673-014-9560-1.

Useev R. Z. Draft Concept for the development of the criminal executive system of the Russian Federation up to 2030: questions of form, content and comparison with the concept of the development of the penal system up to 2020. In: *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, 2(38), 77–86.

Utkin V. A. Resocialization and progressive system. In: *New legal journal*. 2012, 3, 53–61.

Walsh T. Social security or social exclusion? In: *Parity*, 2005, 18(1), 79–80.

EDN: BWJVKZ
УДК 347.77:004.056

Digital Rights and Digital Currency: Issues of Legal Nature and Their Correlation

Elizaveta V. Zainutdinova^{*a} and Valeriy N. Lisitsa^b

^a*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

^b*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

Received 02.05.2024, received in revised form 12.03.2025, accepted 23.04.2025

Abstract. The article aims to define the qualifying features of digital rights and digital currency and determine their correlation with each other. It is argued that digital rights may be considered as specific second-order property rights existing only in an information system according to its rules of functioning with the special mechanism of their implementation and protection (using different informational technologies, e.g., smart contracts, digital wallets, electronic keys, etc.), that requires the establishment of new additional rules for the effective legal treatment of such rights in the present civil legislation. In order to ensure the necessary involvement of digital currency in transactions, it should be recognized as a kind of property with applying the rules intended for digital rights.

Keywords: digital rights, digital currency, token, cryptocurrency, blockchain, smart contract, measure of protection, digital economy.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes, Private Law (Civilistic) Sciences.

Citation: Zainutdinova E. V., Lisitsa V. N. Digital Rights and Digital Currency: Issues of Legal Nature and Their Correlation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 949–955. EDN: BWJVKZ

Цифровые права и цифровая валюта: вопросы правовой природы и их соотношения

Е.В. Зайнутдинова^а, В.Н. Лисица^б

^аНовосибирский государственный университет

Российская Федерация, Новосибирск

^бИнститут государства и права Российской академии наук

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья направлена на выявление квалифицирующих признаков цифровых прав и цифровой валюты и определение их соотношения друг с другом. Обосновывается, что цифровые права могут рассматриваться в качестве специфических имущественных прав второго порядка, которые существуют только в информационной системе в соответствии с ее правилами с особым механизмом их реализации и защиты (с использованием различных информационных технологий, например, смарт-контрактов, цифровых кошельков, электронных ключей и т.д.), что требует установления новых дополнительных правил для эффективного гражданско-правового регулирования таких прав в действующем гражданском законодательстве. В целях необходимого обеспечения вовлечение цифровой валюты в гражданский оборот ее следует признать в качестве разновидности имущества в гражданском праве с применением к ней правил, предназначенных для цифровых прав.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая валюта, токен, криптовалюта, блокчейн, смарт-контракт, мера правовой защиты, цифровая экономика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Зайнутдинова Е. В., Лисица В. Н. Цифровые права и цифровая валюта: вопросы правовой природы и их соотношения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 949–955. EDN: BWJVKZ

Introduction

At present all countries are faced with the challenges of legal regulation of new digital phenomena that receive various names – digital rights, tokens, digital assets, digital currency, cryptocurrency. The Russian legislator has chosen the concepts of digital rights and digital currency as fundamental (Zainutdinova, 2023: 93–94) and introduced them into the legislation by amendments to the Civil Code of the Russian Federation¹, Federal Law No.

259-FZ of August 02, 2019 “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”² and then Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”³. However,

¹ Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”. Ros. newspaper. 2019. 20 March.

² Federal Law No. 259-FZ of August 02, 2019 “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Ros. newspaper. 2019. 07 Aug.

³ Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Ros. newspaper. 2020. 06 Aug.

researchers still operate not only such terms, but also tokens and cryptocurrency. In spite of legal innovations, there are a lot of legal issues to be settled. They include questions about the correlation of such objects of rights, establishment of their qualifying features and peculiarities of their legal regimes. If there are no clear answers to them, it seems to create legal uncertainty and undoubtedly negatively to affect the effectiveness of legal regulation in the economic sphere both in civil and criminal cases (Lisitsa, Parkhomenko, 2018: 190–191).

Theoretical, normative and judicial framework

Opinions in the legal doctrine have changed in line with changes in the Russian legislation. So, in the first publications (M. A. Egorova, L. G. Efimova, D. V. Fedorov, Yu. S. Kharitonova, etc.) on the issue under consideration, we see the use of such terms as a token, cryptocurrency, bitcoin (a kind of cryptocurrency), digital financial asset (Egorova, Efimova, 2019; Fedorov, 2018; Kharitonova, 2019). For example, A. I. Savelyev points out that the concept of a token means a sign that personifies the proof of the existence of a certain fact (Novoselova, 2017: 37), and from this point, tokens can be different. L. A. Novoselova explains that, unlike tokens that provide its owner with the opportunity to receive a specific and precisely defined asset (right) from a specific person or persons, circulating cryptocurrency has no restrictions on the persons to whom a claim may be made, as well as on the objects provided in exchange for cryptocurrency (Novoselova, 2017: 40). This comparison of cryptocurrencies and tokens allows us to identify their key differences from each other.

Cryptocurrency has become an object of civil law turnover in fact before the appearance of any legal provisions, despite the presence of a number of contradictions on the issue of turnover of cryptocurrency. For instance, in case No. A40–124668/2017, the court of the first instance proceeded from the fact that the absence of a controlling center in the cryptocurrency system and the anonymity of cryptocurrency users do not allow

to establish that the cryptocurrency in the crypto wallet belongs to a specific person⁴. However, the court of appeal concluded that the broadest possible interpretation of the concept of “other property” is permissible to cryptocurrency⁵. Thus, from the judicial view, the cryptocurrency can be recognized as an object of civil rights, namely property rights.

After the changes in the legislation in 2019–2020, which were related to amendments to the Civil Code of the Russian Federation and adoption of the mentioned federal laws, new terms appear in the doctrine: digital rights and digital currency. According to them, digital rights shall be directly named in the legislation. At present, they include utilitarian digital rights and digital financial assets. NFT tokens are considered as digital rights in the doctrine (Guznov, Rozhdestvenskaya, 2021: 9–10), but are not recognized so by the legislator. In addition, a digital ruble was introduced in 2023⁶. Publications on such legal amendments (R. Kh. Davydov, A. G. Guznov, A. A. Kartskhiya, M. Yu. Kuzmenkov, O. G. Lazarenkova, V. N. Lisitsa, etc.) (Davydov, 2020; Guznov, Rozhdestvenskaya, 2021; Karckhiya, 2019; Kuz'menkov, 2021; Lazarenkova, 2019; Lisitsa, 2024) shall be noted. Nevertheless, some researchers continued to use the terms cryptocurrency and token understandable in all jurisdictions (Vasilevskaya, 2019).

Judicial practice has not ceased to operate with such concepts as cryptocurrency and even financial assets. In court cases, one can often notice requirements for the obligation to transfer to the insolvency manager information about the debtor's cryptocurrency, as well as

⁴ Ruling of the Arbitration Court of Moscow dated March 05, 2018 in case No. A40–124668/2017 // Reference Legal System “Garant” (accessed: 31 August, 2023).

⁵ Statement of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40–124668/2017 [Electronic resource]. Available at: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 31 August, 2023).

⁶ Federal Law No. 339-FZ of July 24, 2023 “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”. Ros. newspaper. 2023. 31 July.

other financial assets⁷. For example, the Ninth Arbitration Court of Appeal, demanded from the debtor for the period from January 01, 2016 to the date of the statement, information about the debtor's cryptocurrency and other digital currency, as well as means of access to it⁸.

Statement of the problem

Introducing new legal categories into the legislation has led to some crucial legal issues to be clarified. In such a case, what rights are in fact digital rights? How do these differ from other types of rights? What type of property is digital currency? Is a digital ruble a type of digital currency? How do digital rights and digital currency differ from each other and are there any obstacles on the way of their use in transactions?

Discussion

Digital rights are deemed to be property rights which can also reflect the records certifying these rights. With securities, tokens have a lot in common (certify the existence of rights, are negotiable, may exist in non-documentary form), except that the accounting systems for securities and tokens are different. Securities are recorded in the register, whereas tokens are issued by the issuer in the relevant information system, records are made in digital form. That is, in fact, digital rights may certify traditional property rights (Avakyan et al., 2018: 19, 29). An example is investment tokens that can be shares and provide rights to receive company profits (obligatory rights), as well as rights to participate in the management of the company (corporate rights).

Meanwhile, digital rights are functioned only within an informational system and sub-

ject to its special rules so that the order of their emergence, implementation and termination is different. In some extent they are deemed to be autonomous from traditional civil rights underlying such digital rights. From this regard, digital rights are deemed to be second-order (derivative) property rights with the specific mechanism of making transactions with them with the use of different informational technologies (e.g., smart contracts, digital wallets, electronic keys, etc.), that requires the establishment of new specific rules for the effective legal treatment of such rights in the legislation.

Digital currency is similar to digital rights in many ways. Their common features are predetermined by the digital form and are the following: 1) lack of materialization, existence in the form of a record of an alphanumeric code readable by a computer; 2) exercise of rights to them as well as their disposal take place in a certain information system; 3) the owner of digital rights and digital currency is the person on whose digital wallet account they are recorded. Such a record conceals the existence of a special right.

Meanwhile, the key difference between digital rights and digital currency is seen in the figure of the obliged person. In the case of digital rights, it is the issuer of digital rights who determines the conditions of their issuance and their number. As an example, we can consider the decision to issue digital financial assets (digital rights, including monetary claims) of the LLC "GPF Investments" who is a digital rights issuer. Digital rights are subject to redemption by the issuer within the prescribed period, in the prescribed manner and under certain conditions. The procedure for making payments for digital rights is envisaged⁹. However, we cannot say so concerning the digital currency (cryptocurrency). As it is directly stipulated in the legislation¹⁰, it usually implies no debtor in

⁷ See, for example: Ruling of the Arbitration Court of the Volgograd Region dated April 14, 2021 in case No. A12-27524/2020; Ruling of the Arbitration Court of the Amur Region dated August 08, 2022 in case No. A04-104/2022; Ruling of the Arbitration Court of the city of Moscow dated July 20, 2023 in case No. A40-243296/2022; Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated July 24, 2023 in case No. A65-33428/2022 [Electronic resource]. Available at: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 31 August, 2023).

⁸ Statement of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 27, 2022 in case No. A40-240620/21 [Electronic resource]. Available at: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 31 August, 2023).

⁹ Decision to issue digital financial assets (digital rights, including monetary claims) by the LLC "GPF Investments". July 15, 2022 [Electronic resource]. Available at: <https://atomyze.ru/storage/app/media/emissions/15072022/2/8582b021-reshe-nie-2-ot-150722-ivt.pdf> (accessed: 31 August, 2023).

¹⁰ See: Article 1 (3) of the Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Ros. newspaper. 2020. 06 Aug.

traditional obligations. These are different legal things differing, first of all, in the definition of an obliged person. Who is an obliged person in relation to the turnover of digital currency and is there such a person?

The civil law doctrine emphasizes that there are two main theories of the legal nature of digital currency (cryptocurrency) from the civil law point: 1) absolute theory; 2) obligation theory (Karelina, Frolov, 2019: 16–17). In particular, there is a position that the digital currency (cryptocurrency) may be regarded as an absolute digital right or digital property (Efimova, 2019: 23), based on the presence of absolute legal relations between its owner and all third parties (Cifrovoe pravo, 2020: 405–407). R.M. Yankovsky adds that digital currencies represent absolute rights and are similar in nature to things: their number is known, these pass from the present owner to a new one in a strictly defined order, and do not contain any rights of claim (Yankovskij, 2017: 14). According to A. V. Sazhenov, cryptocurrencies are not obligatory rights, but are absolute rights, namely things (Vasilevskaya, 2019: 157–180).

It is interesting to emphasize another point of view (L. A. Novoselova) that cryptocurrencies represent special obligatory rights. According to this, the rights of the owner of cryptocurrency correspond to the obligations of all other participants in the corresponding information system, enshrined in the rules of its functioning (Novoselova, 2017: 10–11). It is deemed that relative legal relations may arise in connection with the use of cryptocurrency as a means of payment, but it is doubtful to be true in respect of the creation of cryptocurrency as such. In any case, in order to create the effective legal mechanism of use of digital currency in Russian jurisdiction, it should be recognized as a kind of property in the Russian civil legislation.

As it is known, digital currency (cryptocurrency) is created by Internet users (miners) with the computing power of a computer. From this regard, it is substantially distinguished from digital rubles and other national currencies issued by central banks (Lisitsa, 2024). Cryptocurrency may be created independently or purchased on a specialized online platform

(cryptocurrency exchange). Unlike tokens, that provide their owner with the opportunity to receive a specific and precisely defined asset (any right) from a specific person or persons, the circulating digital currency (cryptocurrency) has no restrictions on the persons against whom the claim can be made, as well as on the assets provided in exchange (Novoselova, 2017: 40). In this sense, the cryptocurrency has the property of universality. There are two ways to acquire rights to cryptocurrency: 1) creation (mining); 2) transfer under the contract. Such ways of acquiring rights, initial and derivative, bring cryptocurrency closer to things, and the rights to cryptocurrency closer to property rights (Avakyan et al., 2018: 18–22).

As it was mentioned, the emergence, transfer of rights to digital rights and digital currency is carried out by entering information (records) about it in a special information system. For this purpose, a private electronic key is needed. It allows identifying a person in a specific legal relationship for the turnover of digital rights and digital currency. Their protection also requires special measures such as the requirement to provide an access to a digital wallet of the holder of digital rights or digital currency (by transferring a digital wallet identifier and a private electronic key), as well as the requirement to refrain from using a digital wallet (a private electronic key) by the one who has an access to this wallet.

The first measure was already applied in some court cases¹¹. The second one could be applied in the interests of persons with claims in regards of digital rights or digital currency, for example, investors, creditors, successors. The doctrine notes that the use of such protection measures is especially applicable in cases involving succession (Lehmann, 2019: 29–30), when the heirs wish to gain an access to digital rights or digital currency of the testator.

¹¹ See, for example: Statement of the Arbitration Court of the Moscow District of August 15, 2019 in case No. A40–12639/2016; Statement of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated April 18, 2019 in case No. A40–12639/2016; Ruling of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated August 02, 2022 in case No. A33–30997/2021; Ruling of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated July 03, 2023 in case No. A17–10129/2021 // Reference Legal System “Consultant Plus”.

Results

Digital rights are deemed to be specific second-order property rights existing only in an information system according to its rules of functioning. From the one hand, they can be qualified as obligatory as they are caused by obligations arising outside an information system. From the other hand, the order of emergence, performance and termination of digital rights is completely subject to the distinctive rules of the information system, that makes such rights autonomous in some extent (derivative) from obligatory and other civil rights underlying such digital rights.

The civil law nature of digital currency seems to be much more controversial and complicated, taking into account the absence of a certain issuer who might be a debtor in obligations as well as its legal definition as electronic data, i.e. information, which is, however, not an object of civil law. Moreover, it is distinguished from digital rubles and other national currencies issued by central banks. In order to create the effective legal mechanism of use of digital currency in Russian jurisdiction, it is argued to be recognized as a kind of property with applying specific legal instruments (smart contracts, digital wallets, electronic keys, etc.) to be stipulated in the Russian civil legislation.

References

- Avakyan E. G., Guznov A. G., Miheeva L. Yu., Novoselova L. A., Savel'ev A. I., Sarbash S. V., Sokolov A. Yu., Sudec I. V., Chuburkov A. V., Yankovskij R. M. Cifrovye aktivy v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav [Digital assets in the system of objects of civil rights]. In: *Zakon [Law]*, 2018, 5, 16–30.
- Cifrovoe pravo [Digital law]. Uchebnik. Pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoj. Moscow, Prospekt, 2020, 640.
- Davydov R. H. Cifrovye prava kak ob'ekt grazhdanskogo prava [Digital rights as an object of civil law]. In: *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo [Economics. Law. Society]*, 2020, 3, 18–22.
- Efimova L. G. Kriptovalyuty kak ob'ekt grazhdanskogo prava [Cryptocurrencies as an objects of civil law]. In: *Khozyai'stvo i pravo [Economy and Law]*, 2019, 4, 17–25.
- Egorova M. A., Efimova L. G. Ponyatie kriptovalyut v kontekste sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva [Concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation]. In: *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva. Novus Lex [Improvement of Legislation. Novus Lex]*, 2019, 7, 130–140.
- Fedorov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozicii inostrannogo opyta [Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the position of foreign experience]. In: *Vestnik grazhdanskogo prava [Bulletin of Civil Law]*, 2018, 2, 30–74.
- Gurko A. V., Savina V. S., Svechnikov V. A. Ponyatie i pravovaya priroda utilitarnykh cifrovyykh prav [The concept and legal nature of utility digital rights]. In: *Intellektual'naya Sobstvennost'. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava [Intellectual Property. Copyright and Related Rights]*, 2022, 10, 5–11.
- Guznov A. G., Rozhdestvenskaya T. E. Cifrovaya valyuta: osobennosti regulirovaniya v Rossijskoj Federacii [Digital currency: features of regulation in the Russian Federation]. In: *Pravoprimenenie [Law Enforcement]*, 2021, 5, 58–67.
- Karekhiya A. A. Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya cifrovyykh tekhnologij [Civil law model of regulation of digital technologies]. Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2019, 44.
- Karelina S. A., Frolov I. V. Pravovoj rezhim kriptovalyuty i institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva): problemy pravovoj reglamentacii [The legal regime of cryptocurrency and the institution of insolvency (bankruptcy): problems of legal regulation]. In: *Pravo i cifrovaya ekonomika [Law and Digital Economy]*, 2019, 4, 14–18.
- Kharitonova Yu. S. Kriptovalyuta v pravoprimenitel'noj praktike [Cryptocurrency in law enforcement practice]. In: *Predprinimatel'skoe pravo [Business Law]*, 2019, 2, 31–36.
- Kuz'menkov M. Yu. Kollizionnoe regulirovanie oborota cifrovyykh prav [Collision regulation of the turnover of digital rights]. In: *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2021, 3, 152–159.

Lazarenkova O. G. K voprosu o cifrovyyh pravah, a takzhe cifrovoj uchetnoj zapisi v nasledstvennykh pravootnosheniyah [On the issue of digital rights, as well as on a digital account in hereditary legal relations]. In: *Nasledstvennoe parvo [Inheritance Law]*, 2019, 3, 24–27.

Lehmann M. Who Owns Bitcoin? Private Law Facing the Blockchain. In: *EBI Working Paper Series*, 2019, 42, 36.

Lisitsa V. N. Tsifrovaya valyuta, tsifrovoi rubl' i elektronniye denezhniye sredstva v rossi'skom grazhdanskom prave: problemy sootnosheniya [Digital Currency, Digital Ruble and Electronic Money in Russian Civil Law: Problems of Correlation]. In: *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2024, 2.

Lisitsa V. N., Parkhomenko S. V. Nekotorye aspekty povysheniya effektivnosti ugovnogo zakona v sfere ekonomiki: razrabotka kategorial'nogo apparata [Some aspects of improving the efficiency of criminal law in the field of economy: developing the categories]. In: *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2018, 2, 190–198.

Mograbyan A. S. Cifrovye prava kak ob'ekty grazhdanskih prav v Rossii [Digital rights as objects of civil rights in Russia]. In: *Aktual'nye Problemy Rossiyskogo Prava [Current Issues of Russian Law]*, 2022, 10, 141–147.

Novoselova L. A. «Tokenizatsiya» ob'ektov grazhdanskogo prava [“Tokenization” of objects of civil law]. In: *Hozyajstvo i pravo [Economy and Law]*, 2017, 12, 29–44.

Novoselova L. A. O pravovoj prirode bitkojna [On the legal nature of bitcoin]. In: *Hozyajstvo i pravo [Economy and Law]*, 2017, 9, 3–16.

Sazhenov A. V. Kriptovalyuty kak novyy vid bestelesnykh veshchej [Cryptocurrencies as a new kind of incorporeal things]. *Sovremennye informacionnye tekhnologii i pravo: monografiya*. Moskovskiy gos. universitet im. M. V. Lomonosova, yuridicheskij fakul'tet. Otv. red. E. B. Lauts. Moscow, Statut, 2019, 157–180.

Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyy ob'ekt grazhdanskih prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. In: *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2019, 5, 111–119.

Yankovskiy R. M. Gosudarstvo i kriptovalyuty: problemy regulirovaniya [State and cryptocurrencies: problems of regulation]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 2017. 16. Available at: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>.

Zainutdinova E. V. Models of Legal Regulation of Digital Rights and Digital Currency Turnover. In: *Legal Issues in the Digital Age*, 2023, 1, 93–122.

Art History

Искусствоведение

EDN: CQOTEG
УДК 398(470.5)

Saint Petersburg Mythology as a Marker of Ethno-Cultural Identity of City Dwellers

Natalia E. Mazalova*

*Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 31.10.2024, received in revised form 11.03.2025, accepted 24.04.2025

Abstract. St. Petersburg mythology is considered as a construct and a marker of ethno-cultural identity of city dwellers. On the basis of the analysis of St. Petersburg myths the position that they influence the construction of urban identity is substantiated. St. Petersburg identity is considered as a phenomenon in which various mythological motifs manifest themselves: St. Petersburg is the capital that emerged from oblivion, a city in a swamp that is under constant threat of extinction, a place where outstanding personalities lived and worked, St. Petersburg is a mystical, mysterious city, and others. Some components of St. Petersburg identity are elements of imperial identity, the realization that you live in an extraordinary city. There is hardly a resident of the city who does not know the myths of St. Petersburg. Modern myths fill St. Petersburg mythology with new meanings and allow citizens to emphasize their exclusivity. Myths are an integral part of St. Petersburg culture, they are one of the sources of creating the image of the city. It is concluded that urban mythology continues to be one of the sources of formation of St. Petersburg identity and its marker.

Keywords: mythology, St. Petersburg mythology, urban mythology, identity, identity marker.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Mazalova N. E. Saint Petersburg Mythology as a Marker of Ethno-Cultural Identity of City Dwellers. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 958–969. EDN: CQOTEG

Петербургская мифология как маркер этнокультурной идентичности горожан

Н.Е. Мазалова

Музей антропологии и этнографии РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Петербургская мифология рассматривается как конструкт и маркер этнокультурной идентичности горожан. На основе анализа петербургских мифов обосновано положение о том, что они влияют на конструирование городской идентичности. Петербургская идентичность рассматривается как явление, в котором отражаются различные мифологические мотивы: Петербург – столица, возникшая из небытия, город на болоте, находящийся под постоянной угрозой исчезновения, место, где жили и работали выдающиеся личности, Петербург – мистический, таинственный город и др. Некоторыми составляющими петербургской идентичности являются элементы имперской идентичности, осознание того, что ты живешь в необыкновенном городе. В городе едва ли найдется житель, который бы не знал петербургские мифы. Современные мифы наполняют петербургскую мифологию новыми смыслами и позволяют горожанам подчеркивать свою исключительность. Мифы являются неотъемлемой составляющей петербургской культуры, они являются одним из источников создания образа города. Сделан вывод, что городская мифология продолжает оставаться одним из источников формирования петербургской идентичности и ее маркером.

Ключевые слова: мифология, петербургская мифология, городская мифология, идентичность, маркер идентичности.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Мазалова Н. Е. Петербургская мифология как маркер этнокультурной идентичности горожан. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 958–969. EDN: CQOTEG

Введение

Петербургская мифология – уникальный и неповторимый фольклорный, художественный феномен, определяющий самобытность культуры города¹. Ни в каком другом городе России, буквально с момента основания, не рождалось столько мифов. Во многом это связано с тем, что Санкт-Петербург значительно отличается от других российских городов: Петербург был построен на краю

России, на чужой территории, в неблагоприятных климатических условиях, ценой многих жизней, он долгое время не ассоциировался у народа с понятием «столица».

Цель работы – исследование феномена петербургской мифологии, выявление ее специфики, определение ее роли как маркера и конструкта этнокультурной идентичности петербуржцев.

Исключительность и неповторимость Петербурга, его откровенная сделанность, стремительное строительство центра сразу начисто, декоративность и театральность улиц, площадей, набережных, домов поро-

¹ Проект «Петербургские легенды и предания», подготовленный автором статьи, в 2022 г. был признан объектом нематериального культурного наследия России от Петербурга.

дили пушкинское определение «полночных стран краса и диво». Однако дневной, парадный Петербург имел и обратную сторону: призрачность белых ночей, пронизывающий ветер с залива, заставляющий Неву выходить из берегов, туманы и бесконечные петербургские дожди, сквозь завесу которых громады домов, мосты, решетки и фонари казались миражом, а весь город – чудовищной мистификацией. Стоит добавить к этому и буквально вавилонское смешение языков, народов и традиций в городе на Неве, открытие здесь неведомого русскому человеку учреждения – Кунсткамеры – собрания курьезов и удивительных «штук», наплыв уже в первые годы европейских фокусников, эквилибристов, гастролеров с механическими фигурами, автоматами, косморамами и пр. Добавим, что игровой характер культуры XVIII века нигде не проявился столь ярко и разнообразно, как в Петербурге; нигде, вплоть до 1930-х гг., марионетка, маска не были столь популярны и не наполнялись особым смыслом. Сам чудо-город провоцировал тягу к чудесам, невероятным событиям и происшествиям, как бы удостоверял в наличии двойной жизни города (видимой и невидимой, человеческой и inferнальной). Неслучайно именно мифы лежат в основе восприятия Петербурга не только его жителями, но всеми, кто так или иначе соприкасался с ним. Сами петербуржцы оценивают петербургскую мифологию как важную часть их культурного наследия. Она является одним из факторов формирования культурной и пространственной идентичности петербуржцев.

Петербургская идентичность рассматривается как явление, в котором отражаются различные мифологические мотивы: Петербург – столица, возникшая из небытия, город на болоте, находящийся под постоянной угрозой исчезновения, место, где жили и работали выдающиеся личности, Петербург – мистический, таинственный город и др. В сознании петербуржцев существует некое общее знание, общий набор стереотипов сознания, мифологических мотивов и сюжетов, которые актуализируются

и воспроизводятся в различного рода ситуациях, что является неотъемлемой частью создания петербургской идентичности.

Петербургский миф является органичной составляющей образа прошлого и настоящего, формируя основу исторического сознания, мифологичного по своей природе, непрерывных процессов эволюции художественных образов Петербурга. И в наши дни «мифологизирование» истории остается одним из способов осмысления прошлого. Петербургская мифология представляет собой один из способов понимания и «переживания» города и его истории, освоения его пространства, а мифы выражают мироощущение и миропонимание времени их создания и бытования. Роль петербургской мифологии состоит в том, что она представляет свою, неофициальную историю Петербурга.

Методология

До начала XX века в науке доминировало представление о мифе как особом типе мировоззрения, характерном для архаических культур. Ученые обращались к социальному аспекту функционирования мифологического сознания, миф рассматривался в качестве механизма воспроизведения культурной традиции и поддержания социального порядка (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, Л. Леви-Брюль); структуралисты предложили исследование мифа как инструмента разрешения культурных противоречий (К. Леви-Стросс). Р. Барт предложил семиотическую концепцию мифа, он рассматривал миф как «вторичную семиологическую систему» (Р. Барт); Э. Кассирер изучал миф как символическую форму культуры. Ученые доказали включенность структурных элементов мифа во все сферы культуры и социальной жизни (Е. М. Мелетинский, К. Роже, М. Стеблин-Каменский, И. Тренчени-Вальдапфель и др.). Все эти исследования доказали наличие мифологических элементов в сознании современного человека и возможность воспроизведения некоторых особенностей мифологического мышления в современной культуре. Мифология отражается не только в сознании че-

ловека, но и в системе ценностей, в формах мировоззрения.

Современная мифология включает новые феномены, промежуточные между явлениями языка и сознания и характерные для постмодернистского периода. Р. Хассан, Д. Харви относят к таким феноменам неопределенность, свободное цитирование, фрагментарность, гибридизацию, «малую историю», процесс, участие и др. Одна из главных особенностей постмодернистского мышления, когда из различных источников, прежде всего литературных и исторических, складывается современная мифология, которую можно определить как «вторичную», «новую», «мифологию мифологии». Эта новая мифология является важной составляющей социокультурной идентичности горожан.

Мифология является одним из факторов формирования исторической памяти. Именно историческая память, по мнению М. Хальбвакса, является важнейшим фактором самоидентификации социальной или иной группы. Следует говорить о формировании исторической памяти петербуржцев, которая является формой коллективной памяти, содержащей информацию о ключевых событиях истории этноса и территории, образах прошлого, с целью их передачи. Таким образом, мифология и мифологическое мышление продолжает оставаться одним из важнейших средств сохранения социокультурной идентичности в глобализирующемся мире.

История выявления

История выявления и фиксации петербургской мифологии начинается со времени основания Петербурга. В XVIII веке это преимущественно воспоминания петербуржцев, их дневники, описания городских празднеств, быта и жизни Петербурга. Первый письменный источник – рукопись «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» 1860-е гг. (О *zachatii i zdanii...*), сведения о легендах и преданиях также содержатся в материалах следственных дел Тайной канцелярии XVIII в. (Semevskij, 1884), в работах исто-

риков XIX века – Голикова С. В., Устрялова Н. Г., Соловьева С. В., Костомарова и др. (Golikov, 1837; Ustryalov, 1858; Solovev, 1848; Kostomarov, 1912). В XX веке множество легенд и преданий вошло в книги Н. А. Синдаловского (Sindalovskij, 1997; Sindalovskij, 1995; Sindalovskij, 1999; Sindalovskij, 2008; Sindalovskij, 2016). В настоящее время среди петербуржцев достаточно широко распространены устные рассказы, их фиксацией занимаются писатели Л. Я. Лурье, С. А. Носов (Lure, 2008; Nosov, 2023). Исследованием петербургской мифологии занимались А. Н. Анциферов, В. Н. Топоров, А. Ф. Некрылова, Н. Е. Мазалова и др. (Anciferov, 1924; Toporov, 2003; Nekrylova, 2004; Mazalova, 2015; Mazalova, 2017; Mazalova, 2023).

Результаты

Отличительная особенность мифологии столицы Российской империи заключается в том, что с момента появления петербургские мифы бытовали во всех слоях петербургского общества, как среди беднейших жителей, так и высшего света, отражая все стороны их восприятия города.

Петербургская мифология, или петербургская городская мифологическая проза – сложный феномен: она включает различные жанры: предания, легенды, а также пересказы поверий, связанных с разными петербургскими локусами, историческими персонажами и литературными героями, слухи, анекдоты, разговоры про особую петербургскую нечисть, про призраки и др.

Петербургская мифология имеет свои специфические особенности: основные сюжеты мифов и их персонажи связаны с мифом творения Петербурга и его демиургом Петром I; значительная часть мифов пронизана идеей катастрофизма, возможности исчезновения Петербурга в результате наводнений. В петербургскую мифологию также входят мифы о деятельности исторических личностей, связанных с Петербургом, о литературных героях, о демонологических персонажах, о петербургских юродивых и святых, а также о городских локусах, памятниках и т.д.

Основой петербургских мифов является мифологическая картина мира: представления о мифологическом петербургском хронотопе. С самого основания города и до настоящего времени бытуют мифы о Петербурге как городе, построенном на краю России, на болоте, в местах, не пригодных для жизни человека. Болото в мифологии, рассматриваемое как территория хаоса, играет в ней роль «лона», из которого зарождается новый мир.

Мифы творения Петербурга являются важным элементом формирования петербургской идентичности. Демииургом нового города выступает император Петр I. Наиболее старые мифы финского происхождения рисуют его как богатыря, который после нескольких неудачных попыток построить город на болоте создает его в воздухе на скалах: «Петербург строил богатырь на пучине. Построил на пучине первый дом своего города – пучина его проглотила. Богатырь строит второй дом – та же судьба. Богатырь не унывает, он строит третий дом – и третий дом съедает злая пучина. Растопырил он свою богатырскую ладонь, построил на ней сразу свой город и опустил на пучину. Съесть целый город пучина не могла, она должна была покориться, и город Петра остался цел» (Sindalovskij, 1995: 5).

Один из вариантов мифа был записан в 1957 г. в д. Корба Ленинградской области у карел, в нем повествуется о том, как к первонасельникам Невского края –людикам приходит новый, «восточный народ», и его главный богатырь магическим способом строит необыкновенный город на болоте: «Увидев, что каменные дома, поставленные по одному, тонут в болоте, богатырь восточного народа взял свою рукавицу, начертал на ней рисунок города, всего целиком – и подкинул высоко в небо. Наутро рукавица спустилась с неба, а город уже стоял на ней, готовый и крепкий, полный каменных домов, дорог и каналов. И сияли над небесным градом золотые кресты – знаки нового бога, который сильнее всех духов – ижендед» (Artemeva, 2013: 30). Это архаический тип мифов творения, ког-

да новый мир создается на воде из твердых элементов – камня (Virolainen, 2003: 264). Подобные мотивы символизируют победу нового, олицетворяемого Петром I, над старым финским началом. В этих мифах проявляется особенность петербургской идентичности, основанная на противопоставлении «русские – финны» – первонасельники невских берегов («мы – они»).

Креативные мифы влияли на сознание петербуржцев, создавая ощущение жизни в необыкновенном чудесном образе созданного города, а также сопричастности к этому чуду.

Петербургский миф творения имеет историческую, событийную основу. Один из самых известных мифов, зафиксированных в письменном источнике середины XVIII века, повествует о том, как во время закладки города Петр вырезал солдатским штыком два куска дерна, положил их крестом и провозгласил: «Здесь быть городу!» В ту же секунду в небе появился орел и начал парить над царем². Появление орла, символизирующего императорскую власть, свидетельствует о создании имперской столицы. Этот миф по некоторым мотивам (закладывание мощей, появление орла) напоминает миф об основании Константинополя. Такие мифы имеют книжную, христианскую окраску. Они формировались с согласия власти и затем распространялись в народной среде. Подобные мифы формировали элементы имперского сознания, имперской идеи в петербургской идентичности. Петербург частью горожан осознается как имперская столица и в настоящем времени.

В другом мифе Петр на арабском скакуне пытается перескочить Неву, дважды он произносит «Мое и Божье», и после этих слов падает в воду, и только на третий раз после фразы «Божье и мое» ему это удается, и тогда он начинает строить город на Неве (Sindalovskij, 1995: 207). Мотивы этого мифа напоминают испытания неопита во время прохождения обряда инициа-

² О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга. Рукопись. 1860-е гг. РНБ. Эрмитажное собрание. N 359. Л.4.

ции, после которого он достигает результата, к которому стремился.

В петербургской традиции креативный миф сосуществует с эсхатологическим, мифом разрушения, они ориентированы друг на друга и составляют антитезу по отношению друг к другу, создавая внутреннюю напряженность петербургской мифологии (Торогов, 2003: 275). Эта особенность петербургской мифологии также накладывает отпечаток на формирование петербургской идентичности.

Самые первые варианты эсхатологического петербургского мифа относятся ко времени основания города в начале XVIII века. Это мифы о предстоящем конце мира в результате катастрофы – потопе, пожаре и др. В соответствии с петербургским эсхатологическим мифом град Петра погибнет в результате потопа, мотивы которого основаны на постоянных наводнениях, угрожающих городу. Нева в мифах – природное начало, обладающая как животворящим, так и смертоносным значением – «река смерти». В эсхатологических мифах она противостоит культурному объекту – городу Петра – и стремится его победить (Mazalova, 2020: 88).

Зафиксировано несколько вариантов петербургского эсхатологического мифа. В одном из них о неизбежной гибели Петербурга пророчествует страшный, босой, седобородый старец: «в ближайшее время Господь разгневется и потопит Петербург, с неба пойдет дождь, Нева побежит вспять, подымутся воды морские и поглотят столицу Антихриста в наказание за отступление от православной веры» (Stolpyanskij, 1995: 91–92). Катастрофизм – представления о возможной гибели города – является отличительной особенностью мифологического сознания и петербургской идентичности до настоящего времени.

В XVIII веке эсхатологические мифы рассказывались шепотом, с оглядкой, это было связано с тем, что за распространение слухов о наводнении жители столицы подвергались жесточайшим наказаниям: их били кнутами, плетью и шпицрутенами, отрезали уши, руки, пальцы и др.

Петербургские мифы и легенды об исторических личностях прежде всего связаны с Петром I, который предстает в них не только как демиург – создатель нового города и государства, а также как культурный герой. Сравнение Петра I с культурным героем архаических мифов, которые приносят в свое общество различные объекты культуры (огонь, орудия труда), обучают соплеменников новым ремеслам, преобразуют социальную организацию, вводят новые общественные нормы и др., основано на его деяниях по внедрению инноваций в государственное, общественное устройство, культуру. Именно Петр, как культурный герой, привез в страну и распространял некоторые сельскохозяйственные культуры, например картофель. Петр I ввел традицию пить кофе и др., до сих пор бытует поговорка «В Петербурге пьют кофе, а в Москве – чай».

Как известно, Петр I сам владел четырнадцатью ремеслами. В русском мифологическом сознании владение ремеслом – это особое знание-умение, недоступное большинству людей. Человека, владеющего ремеслом, приравнивали к «знающим», колдунам. Петр I как культурный герой-добытчик привносит в русскую культуру и быт новые ремесла, технологии, искусства, обычаи (Mazalova, 2023: 55–56).

Петр I выполняет еще одну функцию культурного героя: борется со стихиями – с природными наводнениями, осваивает болота. Так, бытовали легенды о том, как Пётр укротил плетью бурное Ладожское озеро. Кроме того, Петр борется со злом – внешними врагами государства (шведами) и побеждает их.

Среди других характеристик, объединяющих Петра I с культурными героями мифов, являются его высокое происхождение, необычные физические признаки – огромный рост, необычайная физическая сила и сексуальная энергия; все это позволяет сравнивать Петра с русскими былинными богатырями.

Мифы о Петре способствовали формированию имперского сознания у петербуржцев. Имперская идея всегда являлась

важной составляющей формирования идентичности петербуржцев.

Черты культурного героя в образе Петра сочетаются с чертами отрицательно-го героя, его антагониста. Зафиксированы мифы, распространенные в некоторых слоях русского общества, прежде всего у старообрядцев, в которых у Петра I есть еще одна ипостась: он выступает как абсолютное зло, как Антихрист, пришедший в мир накануне Судного дня. Его реформы, направленные против церкви, – гонения на духовенство и монашество, ликвидация патриаршества, неуважительное отношение к православному обряду, запрет (Указ от 20 октября 1714 г.) каменного строительства по всей России, кроме Санкт-Петербурга, привели к разбору в некоторых местах каменных фундаментов церквей для построек Петербурга, переплавке колоколов для нужд армии. Все это рассматривалось как антихристово поведение. Подобные рассказы восходят к книжной традиции: «...легенда о Петре I как Антихристе была основана главным образом на библейских эсхатологических учениях, на сочинениях, приписываемых раннехристианским отцам...» (Perri, 2016: 84).

Двойственное восприятие Петра I как демиурга и как Антихриста в петербургском социуме сохраняется до настоящего времени, и это также отражается на петербургской идентичности.

Особое место в петербургской мифологии занимают мифы о петербургских призраках, в число которых входят рассказы об императорах. После смерти Петра в Петербурге распространились рассказы о его призраке, который предупреждает своего потомка Павла о его недолгой жизни и ужасной кончине. Император Павел – самый несчастный петербургский призрак – герой петербургских мифов, убиенный с молчаливого согласия собственного сына. Каждую ночь в 12 часов он шествует со свечой в руках по длинным коридорам Михайловского замка своим последним маршрутом (Leskov, 1956: 112). Следует отметить, что городские мифы о царственных призраках восходят к народным представлениям

о так называемых заложных покойниках – людях, которые отжили «свой срок» жизни.

Выделяется целый пласт петербургских мифов о памятниках, прежде всего памятников императоров. Самый знаменитый памятник основателю города Петру I работы М. Фалконе – «Медный всадник», который в мифах воспринимается как олицетворение духа-покровителя города (*genius loci*). По некоторым версиям мифов, памятник – это окаменевший при жизни Петр. Так, в мифе, где Петр выступает как богорец: воздев могучую длань и провозгласив: «Все Божье да мое!», он окаменел вовеки. Сходные мотивы встречаются и преданиях Русского Севера: «Петр Первый за Неву ладил перескочить, да змея за хвост коня захватила – не дала перескочить. Так Петр Первый и остался стоять на берегу Невы окаменевши...» (Krinichnaya, 1991: 219).

С другой стороны, наиболее распространенные мотивы мифов о Медном всаднике – «ожившая статуя»: император сходит с пьедестала в переломные для города и страны времена. Зафиксирован нарратив о том, что Александр, опасаясь захвата Петербурга французами, распорядился вывезти Медного всадника из города. Майору Батурину приснилось, что Петр I сходит с постаментов, отправляется к Александру и говорит ему: «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию! Но пока я на месте, моему городу нечего опасаться» (Sindalovskij, 1995: 69). Петербуржцы и в более поздние времена верили, что пока Медный всадник стоит на своем постаменте, Россия останется несокрушимой державой, а город не будет захвачен и разрушен врагами. Таким образом, Медный всадник выступает как один из главных охранителей города, а охранительная функция памятников в мифологии города, который рано или поздно должен исчезнуть, является чрезвычайно важной, и это также влияет на особенности петербургской идентичности.

Подобные мифы являются неотъемлемой частью и основой мифологии ленинградской блокады, которая представляет собой уникальное явление в истории город-

ских мифов. Ленинградская блокадная мифология включает рассказы о знамениях, предвещающих войну, о героических деяниях жителей и защитниках Ленинграда, о том, как чудесным образом сохранился Исаакиевский собор, другие архитектурные памятники (Lure, Malyarov, 2012). Нарративы о блокаде – о смертях, о чудесным образом выживших и др. бытуют в семьях блокадников, они передаются из поколения в поколение. В советское время существовало представление о том, что настоящий ленинградец – это тот, кто сам или чьи родственники жили в городе в блокаду. Несомненно, рассказы о блокаде являются одним из важных факторов формирования петербургской идентичности.

Множество мифов и легенд посвящено и другим охранителям города – ангелам, мифологическим животным (львам, грифонам), которые, по поверьям, «стерегут город», и др.

Особое место в петербургской мифологии занимают нарративы, относящиеся к некоторым городским локусам – «урочищным» местам, слывающим опасными. Нередко такие мифы имеют их иноэтническую специфику. По поверьям, в прошлом на территории Марсова поля финские колдуны проводили ритуалы жертвоприношения у языческих святилищ. Местные жители рассказывают, что ночью на Марсовом поле видят странные тени, слышат необычные звуки³. Верили, что на этом месте таинственным образом исчезали прохожие.

Еще одно место в городе – Обводный канал – также считается «гиблым» местом. По достоверным источникам, в 20-е гг. XX века на Обводном канале во время проведения строительных работ было обнаружено древнее капище с гранитными плитами, на которых были нанесены магические знаки, а под ними находились человеческие кости. И хотя плиты зарыли, на этом месте начали происходить самоубийства, а двое выживших рассказывали, что их заставляла сделать это таинственная сила. Петербуржцы не любят бывать в таких местах, особенно опасаются посещать их ночью.

Важной особенностью петербургской мифологии является литературное происхождение некоторых героев и мотивов: в нее вошли литературные герои и литературные сюжеты так называемого петербургского текста русской литературы.

В русской литературе XVIII–XIX вв. находит отражение двойственное представление о Петербурге и его создателе: с одной стороны, он воспринимается как чудо-град, выросший на болоте вопреки стихиям; с другой – как проклятый город, порождение Антихриста (Державин, Сумароков и др.) А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник» объединил два основных мифа – миф творения и эсхатологический миф, как и две грани образа Петра – демиурга и Антихриста. В повести В. Одоевского «Саламандра» использован трансформированный вариант мифа творения: Петр выковысывает в воздухе город из скал. Петербург Н. В. Гоголя – это город-призрак, город-обман, «фантазмагория» («Невский проспект»). В «Шинели» наличествует мотив ожившего мертвеца-ростовщика; по Петербургу бродит нос майора Ковалева и др. Эсхатологический миф использован в произведениях Ф. М. Достоевского, Мережковского, многих поэтов.

Одним из самых популярных персонажей петербургской мифологии стала Пиковая дама – героиня одноименной повести А. С. Пушкина. Ее прототипом послужила графиня Н. П. Голицына, вдохновившая А. С. Пушкина на написание повести «Пиковая дама». Верили, что она обладала таинственными знаниями о картах, с помощью которых можно было выигрывать крупные суммы в карточной игре. Дом на Малой Морской, 10, где она жила, называют домом Пиковой дамы, а находящийся рядом перекресток – Пиковый перекресток. Здесь, согласно легенде, обитает дух самой таинственной и самой страшной персоны исторической части Санкт-Петербурга – Дух Пиковой дамы. Бытует поверье, что она забирает души тех, кто посмеет ночью зайти в эти просторные залы или на рассвете взглянуть в окна старого дворца⁴. Мифы о Пиковой даме очень популярны у петер-

³ ПМА 2015

⁴ ПМА 2022.

бургских школьников: так, рассказывают о детях, вызвавших ее дух и чудом оставшихся в живых⁵.

Петербургская традиция создания мифов никогда не прерывалась. Современная петербургская мифология является продолжением петербургской мифологии XVIII–XIX вв. Ее можно определить как «вторичную», «новую», «мифологию мифологии». В значительной степени современная городская мифология связана с мифологическими представлениями, которые она впитала из «петербургского текста русской литературы». Эта новая мифология чрезвычайно открыта к цитациям, прежде всего литературным. В свою очередь, многие мотивы и образы русской литературы, в том числе современной, восходят к петербургской мифологии. Отличительная особенность современной петербургской мифологии заключается в том, что каждый петербуржец знает те или иные мифы. Таким образом, многие современные петербургские мифы в значительной мере заимствуются из печатных источников, однако затем они превращаются в устные рассказы и бытуют в городской среде. Кроме того, уникальность Петербурга побуждает своих жителей постоянно создавать новые мифологические тексты. Современное мифотворчество является одним из элементов конструирования петербургской идентичности.

Актуальными продолжают оставаться мифы творения и о демиурге Петербурга – Петре I. Его оценивают не только как создателя города на непригодном для жизни месте, превращение его в столицу, но и преобразователя России, открывшего «окно в Европу», приведшего Россию на новый цивилизационный путь. В период перестройки у Петра I обнаружился аналог: с ним начали сравнивать Ельцина, которого представляли как богатыря, проводившего кардинальные изменения в России. Кроме того, в наши дни Петру начинают приписывать черты персонажа так называемой офисной мифологии, называя его «эффективным менеджером» (Mazalova, 2023: 61).

⁵ ПМА 2021.

В Петербурге на переломе тысячелетия вновь актуальными стали эсхатологические рассказы о том, что город погибнет в результате потопа. Широкое распространение такие мифы получили в прицерковной среде: к концу XX века праведников почти не останется, Москва уйдет под землю, Петербург затопит, а Россия сохранится только в Сибири⁶. Подобные эсхатологические рассказы также актуальны среди младших школьников, они встраиваются в их интерес к смерти. В исполнении школьников такие нарративы приобретают комическую окраску: выживут только те, кто живут на юге Петербурга: «мы на Пулковских высотах, нас не затопит»⁷.

Мифы о наводнении и в наши дни нередко рассказывают в семье представители старшего поколения во время штормов, в плохую погоду (среди горожан бытует шутка «дождь идет в Петербурге с 1703 года»), недобрым словом вспоминают Петра I: «Ну уж Петр Алексеевич, нашел, где город построить – в таком климате, на болоте»⁸. Таким образом, важным элементом петербургской идентичности продолжает оставаться эсхатологическая составляющая, катастрофизм.

Специфика петербургской мифологии, которая заключается в наличии эсхатологических мифов, повествующих о постоянной угрозе самому существованию города, обусловила бытование большого числа нарративов об охранителях города, к которым в первую очередь относятся ангелы на архитектурных сооружениях. Есть легенда об «охранительном» треугольнике, который образуют три ангела: «золотой» на шпиле Петропавловской крепости, «бронзовый» на Александровской колонне на Дворцовой площади, «серебряный» на куполе православной церкви Св. Екатерины на Васильевском острове.

Сфинксам у здания Академии художеств, которые являются самым древним памятником Петербурга (время их создания XIV в. до н.э., привезены в Петербург

⁶ ПМА 2016.

⁷ ПМА 2016.

⁸ ПМА 2017.

в 1830-х гг.), приписывают как охранительные, так и карательные функции. Считается, что после привоза сфинксов в Петербург наводнения в городе случались значительно реже. Вместе с тем верят, что к сфинксам нельзя прикасаться, тот, кто нарушил этот запрет, сходит с ума (ПМА 2022).

Обилие мифов об охранителях города в петербургской мифологии свидетельствует о том, что в неблагоприятных географических условиях они были необходимы как своеобразная защита от враждебных природных сил.

Еще одной из важных особенностей петербургской мифологии является наличие множества рассказов о почитании женщин-юродивых. Самая известная среди них – Ксения Блаженная. Ее культ сложился еще в XVIII веке стихийно, в самых низовых слоях общества, и только затем распространился среди всех слоев петербургского общества (Lyalin, 2015).

Ксению Блаженную наделяют прогнозистическими способностями. Когда городу и его жителям угрожает опасность, Ксения предупреждает их о грядущих событиях: перед Великой Отечественной войной люди встречали ее на Смоленском кладбище. И в наши дни верят, что она исцеляет больных, способствует зачатию бесплодными женщинами и благополучному родоразрешению. Рассказы о Ксении Блаженной бытуют в разных слоях петербургского общества, в том числе среди петербургских студентов. Верят, если принести в часовню Ксении Блаженной записочку, удачно сдашь экзамены⁹.

В последние три десятилетия в петербургской прихрамовой среде возникли мифы еще об одной петербургской «Безумной Христа ради» – Матроне Босоножке, которой приписывают чудесные исцеления и пророчества. В наши дни в Церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», рядом с которой похоронена блаженная Матрона, известно более 500 случаев чудесных исцелений. В одном из последних мифов описано явление Матроны Босоножки в начале 2020 г. иконописцу; оно было интерпретировано верующими как «знак

беды» – предупреждение о приближающейся эпидемии коронавируса. Матрону Босоножку называют «белым ангелом Петербурга», то есть вводят ее в число охранителей города (Mazalova, 2022). Рассказы о Матроне Босоножке постепенно распространяются за пределами прихрамовой среды и становятся частью петербургского фольклора.

Петербургская мифология расширяется за счет мотивов, основанных на современных представлениях о портале времени, о возможности перехода из него в иные миры. Такие мифы связаны с некоторыми петербургскими локусами и зданиями, например с таинственной Ротондой на Гороховой улице. По легендам, в этом здании располагалась масонская ложа. Свою известность Ротонда приобрела в 70–80-х гг. XX века, в это время она стала культовым местом молодежи под названием «Центр мироздания». Рассказывали о пропавших там людях или постаревших за несколько минут. Так, в 1980-х гг. молодой человек зашел в подвал, пробыл там 15 минут и вышел семидесятилетним стариком¹⁰. «Новые» мифы органично входят в корпус петербургской мифологии, поскольку они включают архаические мотивы (пребывание в «ином мире», исчезновение людей). Таким образом, петербургская мифология продолжает оставаться уникальным явлением петербургской культуры. Едва ли можно встретить петербуржца, который не знал петербургские мифы. Петербургские мифы являются источником информации для современных жителей Петербурга, поскольку содержат образы и знания предыдущих поколений. Они влияют на образ мыслей и поведение современных носителей мифов. Мифы историчны, они дают ощущение единства с прошлыми поколениями.

Представители старшего поколения рассказывают мифы детям в различных ситуациях. Источником мифов в наши дни являются книги и интернет. Мифы о строительстве города, наводнениях, исторических деятелях носят информативную функцию: они знакомят детей с историей

⁹ ПМА 2023.

¹⁰ ПМА 2022

Петербурга, его выдающимися жителями, опасными местами. Бабушки, дедушки, родители, рассказывая мифы, прививают детям любовь к городу, воспитывают в них осознание того, что быть жителем такого замечательного города – престижно.

Мифы являются неотъемлемой составляющей петербургской культуры, они слу-

жат одним из источников создания образа города, основой современных произведений искусства и литературы. Сами петербуржцы оценивают петербургскую мифологию как важную часть их культурного наследия. Мифы продолжают оставаться одним из источников формирования петербургской идентичности и ее маркером.

Список сокращений

ПМА – полевые материалы автора.

Список литературы \ References

- Anciferov N. P. Byl i mif Peterburga. SPb. 1924. 68.
- Artemeva M. Temnaya storona Peterburga. M. 2013. 347.
- Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikogo mudrogo preobrazitelya Rossii sobrannye iz dostovernyx istochnikov i raspolozhennye po godam. Soch. I. I. Golikova. 2-e izd. 1–15. M. tip. N. Stepanova 1837–1843.
- Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyax ee glavnejshix deyatelej. XVIII stoletie. SPb. 1912. 2. 441.
- Krinichnaya N. A. Predaniya Russkogo Severa. SPb. 1991. 328.
- Leskov N. S. Privedenie v Inzhenernom zamke. Leskov N. S. Sobr. soch. v 11 t. M. GIXL. 1956. 7. 110–124.
- Lure L. Ya. Admiraltejskij rajon. Serdce goroda. SPb., 2008. 127.
- Lure L. Malyarov L. Leningradskij front. SPb. 2012. 272.
- Lyalin V. «Svyataya Blazhennaya Kseniya Peterburgskaya». *Lyalin V. Sochineniya v 2 t.* SPb. 2015. 864.
- Mazalova N. E. «Neva – glavnyj prospekt Peterburga» sovremennye mifologicheskie predstavleniya gorozhan (chast 2). *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser. Gumanit. i soc. Nauki.* 2020. 1. 88–97.
- Mazalova N. E. «Peterburgu byt pustu». Mify o Peterburge v istoricheskoy pamyati gorozhan. *Nashe proshloe nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushhemu VIII Sociologicheskie chteniya pamyati V. B. Golofasta.* SPb. 2015. 359–365.
- Mazalova N. E. Petr I v sovremennyx mifologicheskix predstavleniyax peterburzhcev. *Sociokulturnoe prostranstvo Peterburga reprezentacii i interpretacii. K 350-letiyu Petra I i 320-letiyu Sankt-Peterburga, kollektivnaya monografiya.* SPb. 2023. 45–62.
- Mazalova N. E. Stanovlenie i deyatelnost peterburgskoj celitelnicy i prorocatelnicy yurodivoj Matrony Bosonozhki. *Vestnik antropologii.* 2022. 1. 193–207
- Mazalova N. E. «Ty v centre Peterburga – v centre mira mifologicheskie predstavleniya gorozhan». *Antropologiya Peterburga. Sbornik statej k 85-letiyu N. V. Yuxnevoj.* Red.-sost. N. E. Mazalova Ch.1. SPb. 2017. 377–401
- Nekrylova A. F. Demonologiya Peterburga. *Etnografiya Peterburga-Leningrada. Tridcat let izucheniya. 1974–2004.* SPb. 2004. 139–150.
- Nosov S. A. Tajnaya zhizn peterburgskix pamyatnikov. SPb. 2023. 528.
- «O zachatii i zdanii carstvuyushhego grada Sankt-Peterburga». *Rukopis. 1860-e gg. RNB. E*”pmi-tazhnoe sobranie. 359. 3–13.
- Perri M. Russkaya narodnaya esxatologiya i legenda o Petre I Antixriste. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 2016. 4. 77–86.
- Polevye materialy avtora (PMA), sobrannye v Sankt-Peterburge v 2015–2023 gg.
- Semevskij M. I. Oчерки i rasskazy iz russkoj istorii XVIII v. «SLOVO I DELO» 1700–1725. SPb. 1884.

- Sindalovskij N. A. Istorija Sankt-Peterburga v predaniyax i legendax. SPb. 1997. 360.
- Sindalovskij N. A. Legendy i mify Sankt-Peterburga. SPb. 1995. 560.
- Sindalovskij N. A. Peterburg Ot doma k domu. Ot legendy k legende. Spb. 2008. 400.
- Sindalovskij N. Peterburg v folklоре. SPb. 1999. 381.
- Sindalovskij N. A. «Peterburgskij folklор» s finsko-shvedskim akcentom ili pochem funt lixa v severnoj stolice. SPb. 2016. 318.
- Solovev S. V. Petr Velikij. Tri chteniya. SPb. 1898.
- Stolpyanskij P. N. Peterburg. Kak voznik osnovalsya i ros Sankt-Peterburg. SPb. 1995 (perepechatka 1918 g.). 336.
- Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury. SPb. 2003. 616.
- Ustryalov N. G. Istorija carstvovaniya Petra Velikogo. 1–4. SPb. 1858.
- Virolainen M. N. Kamen-Petr i finskij granit. *Virolainen M. N. Rech i molchanie Syuzhety i mify russkoj slovesnosti*. SPb. 2003. 488.

EDN: BPKPOC
УДК 316.4

Contemporary Russian Art and the Problem of Agency

Pavel S. Sorokin and Irina A. Afanaseva*

*Laboratory for Human Capital and Education Research, HSE University
Moscow, Russian Federation*

Received 11.10.2024, received in revised form 17.11.2024, accepted 24.04.2025

Abstract. The article, based on the theoretical review of scholarly and expert literature in the field of contemporary art, the cultural-historical and formal-stylistic analysis of artworks, as well as on the basis of interviews with contemporary Russian artists, analyses the recent experience of creation of new practices of action and creative youth communities, which in turn change the wider social environment. The results are considered as a development of the concept of neostructuration with an emphasis on the field of culture, including the motivational factors and effects of agentic behavior typical for contemporary art. The authors conclude that the field of art manifests special mechanisms through which individual proactive action can transform the world and generate paths for positive social and cultural change. Contemporary art can not only raise socially significant topics and pose questions, but also show possible paths for the development of global processes.

Keywords: contemporary art, agency, independence, neo-structuration, field theory, fields of agency, strategic action, self-organization.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10182.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Sorokin P.S., Afanaseva I.A. Contemporary Russian Art and the Problem of Agency. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 970–979. EDN: BPKPOC

Современное российское искусство и проблема агентности

П.С. Сорокин, И.А. Афанасьева

Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье на основе теоретического обзора научной и экспертной литературы в области современного искусства, культурно-исторического и формально-стилистического анализа произведений, а также на базе интервью с современными российскими художниками рассматривается опыт непосредственного создания новых практик действия и творческих сообществ, которые меняют более широкую социальную среду. Данная работа развивает выдвинутую ранее одним из авторов статьи концепцию неоструктуризации применительно к полю искусства, с акцентом на характерные для него мотивационные факторы и механизмы агентного поведения (на примере современных российских художников). Авторы приходят к выводу о том, что сфера искусства может являться важной средой, через которую индивидуальное проактивное действие может трансформировать социальный мир. Современное искусство может не только поднимать общественно значимые темы и ставить вопросы, но и показывать возможные пути развития социально-культурных процессов.

Ключевые слова: современное искусство, агентность, самостоятельность, неоструктуризация, теория полей, свобода воли, самоорганизация.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10182.

Цитирование: Сорокин П. С., Афанасьева И. А. Современное российское искусство и проблема агентности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 970–979. EDN: BPKROC

Введение: постановка проблемы

Агентность – способность человека к самостоятельному проактивному действию, влияющему на социальные структуры в направлении, ими не детерминированном (Sorokin, 2023; Sorokin, 2021). Данная тема занимает ключевое место как в современных социально-гуманитарных исследованиях, так и в практической политике (Cavazzoni et al., 2021: 1126). Специфика указанной проблематики заключается в определении объективных возможностей индивидуального проактивного действия по поддержанию

или совершенствованию существующих, а также формированию новых форм деятельности, сообществ, практик, социальных процессов. На фоне современных тенденций в социально-экономической и социально-политической сферах низовая агентность все чаще рассматривается как потенциальный драйвер развития (Cavazzoni et al., 2021). Сфера культуры находится на периферии международных дискуссий об агентности, уступая таким областям, как экономика, политика или образование. Между тем, учитывая особую роль институтов культуры в осмыслении социального опыта и в генерации возможных новых смыслов и образов социальной реаль-

ности, представляется актуальным обратиться к современному искусству в контексте проблемы агентности.

В центре внимания настоящей статьи – современные художники, которые творчески осмысливают возникающие вызовы XXI века и создают новые способы видения мира, возможные направления его развития, в том числе связанные с индивидуальной агентностью как одним из факторов совершенствования внешней среды. Выбор в качестве основного объекта исследования художников и их произведений обусловлен тем, что творческая агентность, как правило, выходит за пределы утилитарной «рыночной» логики и делает данную группу представителей креативных индустрий одним из перспективных сегментов для изучения проблематики агентности (Sorokin et al., 2024).

**Концептуальные основания исследования:
«свобода воли», «самоорганизация»
и «неоструктуризация»**

Концептуальными основаниями настоящей работы выступают теории из философии, психологии и нейробиологии (Mitchell, 2023), общей социологии (Sorokin, 2023) и социологии культуры (Parker, Corte, 2017).

В центре проблемы агентности в полидисциплинарных дискуссиях и в более широкой повестке экспертных обсуждений стоит философский вопрос о свободе воли, обсуждение которого в современной литературе зачастую опирается на данные исследований естественных наук, включая нейробиологию. Так, в своей известной работе К. Митчелл (Mitchell, 2023) доказывает наличие у человека свободы воли через аргумент о том, что действие в каждый момент времени зависит от специфического для каждого человека характера нейронных связей, который, в свою очередь, предполагает проактивную позицию по отношению к окружающему миру, а именно реализацию значимых для актора целей – причем указанная «логика» (трансформация окружающей среды под задачи собственного выживания или роста) рассматривается как в определенной степени присущая всему живому.

В общей социологии была предложена «теория неоструктуризации» (Sorokin, 2023; Sorokin, 2020), утверждающая не только онтологический статус индивидуальной активности как несводимый к структурным силам (вслед за М. Арчер (Archer, 2024)), или способность индивида изменять структурные условия, включая трансформацию социальных форм и сообществ (следуя за Флигстином и Макадамом (Fligstein, McAdam, 2022)), но предполагая существенное изменение самой логики развития общества. На основе эмпирических примеров из различных областей (рынок труда, корпоративный сектор (Sorokin, Maltseva, 2024), искусство и культура (Sorokin et al., 2024), образование, социальная политика и т.д.) было продемонстрировано, что в различных формах и в разной степени во многих сферах общественной жизни выживание социальных структур всё больше зависит от индивидуального проактивного действия. Иными словами, институты становятся зависимыми от индивидуальных действий, которые выступают важным механизмом их собственной адаптации к реальности. Ранее жесткие и, казалось бы, хорошо сбалансированные институты, построенные в соответствии с известной теорией Макса Вебера о бюрократии как универсальном механизме координации социальных взаимодействий на принципах рациональности, начинают искать индивидуальную агентность как источник обновления.

Сфера культуры пока получает ограниченное внимание с точки зрения проблематики её возможного трансформационного вклада в социальную динамику, но согласно исследованию Д. Паркера и У. Корте, опубликованному в ведущем мировом журнале по социологической теории (Sociological theory) (Parker, Corte, 2017: 262), малые креативные группы, творческие кружки, художественные самоорганизации могут реализовывать агентность и созидательный потенциал индивидуального проактивного действия, меняя те или иные сферы общественной жизни. Концепция кругов творческого сотрудничества продолжает более

ранние идеи, связанные с понятием «художественных самоорганизаций». Ключевыми для анализа данного понятия являются идеи П. Вирно о культиндустрии как постфордистской формы производства (Virno, 2013: 63). Исходя из идей Вирно можно заключить, что особое место сферы культуры для вопросов агентности объясняется тем, что произведенные продукты в этой сфере тесно связаны с действием и не могут рассматриваться отдельно от процесса индивидуального творчества.

Отечественные исследования и дискуссии о проблематике агентности в искусстве

Российский эксперт, исследователь и практикующий художник Р. Поланин предлагает определение самоорганизации как ассамбляжа – синтеза целого, несводимого к перечислению своих частей (Polanin, 2020: 40). В российской реальности художники чаще всего создают самоорганизации после окончания художественных училищ, университетов, на фоне отсутствия явных социальных лифтов в этой профессии. Цели, которые ставят перед собой инициаторы художественных ассоциаций в современном российском обществе, касаются не столько задачи достижения институционального признания путем «интеграции в систему», сколько самореализации и продвижения новых концепций, идей, взглядов, мнений и эстетических решений в реальном мире (Polanin, 2020).

Автор-составитель сборника российских художественных самоорганизаций «Открытые системы» А. Трубицына предлагает авторскую систему критериев для анализа самоорганизаций, включая «пространство», «финансирование», «принцип организации», «частоту событий», «концепцию», «ключевые слова» (Trubitsyna, 2020). Несмотря на то что указанное исследование фокусируется не столько на результатах работы самоорганизаций, сколько на процессе их формирования, высокая гетерогенность художественных самоорганизаций, разнообразие их предметной

направленности и высокий динамизм их деятельности, позволяют предположить наличие трансформационных эффектов их работы не только на «поле искусства» как таковое, но и на более широкую социальную среду. Другой российский исследователь М. Кулева проанализировала 88 российских творческих инициатив, насчитывающих 1411 участников (Kuleva, 2020) и продемонстрировала, что многие авторы видят задачу решения актуальных социальных проблем как значимую.

В современных исследованиях анализируются и другие социологические, культурологические и политологические аспекты искусства (см. Dvoretzkaya et al., 2023; Galkin, Kuklina, 2016; Orel, 2013). Важным ограничением выступает то, что, несмотря на значительное внимание к отдельным аспектам творческого процесса, недостаточно затрагиваются эффекты влияния сферы культуры, и особенно современного искусства, на более широкую социальную среду. Настоящая работа является попыткой частично компенсировать это ограничение.

Методология исследования

В отличие от других существующих исследований (см. Sorokin et al., 2024; Afanaseva и др., 2024), методология настоящей работы предполагает проведение и анализ результатов интервью с современными российскими художниками, а также исследование творческого метода указанных представителей художественного сообщества на основе их произведений.

Гайды для интервью с художниками и критерии отбора респондентов были разработаны на основании известных авторам источников по проблематике агентности в современном искусстве и с учётом опыта исследовательского коллектива (Mironenko, Sorokin, 2022; Sorokin, 2021; Afanaseva, 2023; Afanaseva, 2022).

В процессе работы были отобраны авторитетные представители художественных сообществ из разных городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Братска, Дзержинска, Самары (в их числе –

П. А. Отдельнов¹, А. Ф. Сяйлев², А. А. Голощапов³, Г. Шаров⁴, И. А. Симонов⁵). Представленные художники широко известны и популярны в России (в их числе финалисты и лауреаты премий «Инновация», Кандинского, С. Курёхина, «Cosmoscow» и др., участники всероссийских и международных конкурсов и фестивалей), их творчество связано с конкретными формами агентного действия (создание новых сообществ, проектов и техник в сфере искусства). Именно вопросы участия респондентов в указанной деятельности были в центре внимания в наших интервью. В период с июня 2023 по март 2024 года были проведены глубинные полуструктурированные интервью. Каждое интервью длилось от 40 до 90 минут и велось в полуструктурированном виде, с тремя обязательными блоками вопросов: 1. Мотивация художников к работе с агентным потенциалом искусства; 2. Междисциплинарность: предметная и дисциплинарная экспансия современного искусства; 3. Взаимоотношения художников с внешней

социальной средой, включая возможные эффекты трансформационного характера на окружающий мир.

Структура основной части статьи выстроена следующим образом: сначала рассматриваются причины обращения современных российских художников к агентному потенциалу искусства, затем описываются междисциплинарные проекты современных художников, анализируются фактические взаимоотношения художников с социальной средой.

Мотивация художников к работе с агентным потенциалом искусства

Рассуждая на тему причин обращения художников к трансформационному потенциалу искусства, большинство респондентов отмечают существование «внутреннего заказчика», ощущение необходимости делать работу, которую никто, кроме них, не сделает (Сяйлев, интервью, 2023; Голощапов, интервью, 2023). Мотив материальной выгоды при этом отсутствует (Kolycheva, 2019). Значимыми факторами могут являться стремление к сопротивлению внешним ограничениям и стандартам, а также интерес к глобальным темам.

Художники стремятся создавать массовое искусство, генерировать новые творческие идеи. Новаторский подход и уникальность концепций имеют самостоятельную ценность для представителей художественного сообщества как признак их успешной самореализации: «Если даже художник и пытается поменять ход вещей, скорее, он все-таки рефлексивирует, он больше пытается зафиксировать тот момент, который уже случился» (Шаров, интервью, 2023). «Я это делаю, потому что внутренняя потребность в творчестве выражается через импакт на окружающих» (Голощапов, интервью, 2023). Для наших информантов сфера искусства — это не только возможность творческой самореализации, но и способ предложить зрителям новые смыслы, по-новому взглянуть на окружающий мир.

Подобная легитимность индивидуальной агентности в представлениях художников может быть объяснена тем, что мир

¹ Отдельнов Павел Александрович (род. 1979 г., Дзержинск) — художник, создающий произведения в техниках живописи, графики, фотографии, видео, инсталляции. Финалист и номинант Премии Кандинского, лауреат премии «Cosmoscow», лауреат премии им. С. Курёхина, номинант премии Московской биеннале современного искусства, финалист международного конкурса Portrait Now! им. Якоба Кристиана Якобсена.

² Сяйлев Андрей Федорович (род. 1982 г., Сары-Агач) — художник, куратор, дизайнер. Работает в техниках: видео-арт, живопись, глитч-арт, коллаж, паблик-арт, скульптура. Номинант премии им. С. Курёхина, номинант премии «Инновация». Живет и работает в Самаре.

³ Голощапов Артём Александрович (род. 1987 г., Санкт-Петербург) — художник и режиссер. Работает на стыке видео-арта и экспериментального кино, сохраняя интерес к классическим медиумам (живопись, фотография и тотальная инсталляция). Номинант премии «Инновация», премии им. С. Курёхина и Московской арт-премии.

⁴ Шаров Григорий (род. 1988 г., Братск) — стрит-арт художник, куратор и организатор фестиваля «Один за всех» в г. Братске, участник фестиваля «Карт-бланш». Номинант премии «Инновация», номинант премии им. С. Курёхина.

⁵ Симонов Иван Александрович (род. 1991, Москва) — художник. Используемая техника в работах: коллаж, паблик-арт, скульптура. Номинант премии им. С. Курёхина «Искусство в городском пространстве», победитель фотоконкурса «BEST OF RUSSIA-2017».

искусства, в отличие от многих других сфер общественной жизни, в значительной степени опирается именно на индивидуальный талант мастера (Parker, Corte, 2017). Для других сфер социально-экономической жизни исторически более характерна ситуация, когда внешняя среда достаточно жестко определяет границы действий индивида (например, рынок – для предпринимателей; корпоративные правила, уставы и регламенты – для сотрудников компаний и т.п.).

Художник в большей степени свободен от жесткого диктата внешних правил. Именно поэтому «поля стратегического действия» (strategic action fields (Fligstein, McAdam, 2022)) в сфере искусства выстраиваются в основном вокруг самих художников – как их собственные «поля агентности» (agency fields). Это подтверждают слова одного из респондентов: «Раньше, когда я занимался театром, мне очень нравилось, когда люди занимаются самопожертвованием ради искусства, и я сам до какой-то степени таким человеком был. Но потом до меня дошло, что любое высказывание меньше, чем сам творец» (Шаров, интервью, 2023).

Таким образом, художники «легитимно» реализуют авторские поля агентности, не только и не столько трансформируя окружающие структуры, сколько создавая новые – в форме полей агентности, выстроенных вокруг их творческой идеи, концепции, взгляда на мир. Кроме того, именно стремление создать подобное поле, свой собственный мир и «вовлечь» в него окружающих становится важным мотивом для обращения художников к агентному потенциалу искусства.

Междисциплинарность: предметная и дисциплинарная экспансия современного искусства

Респонденты-художники работают в междисциплинарном смысловом поле. Никто из информантов не рассматривает свои отношения с окружающим миром через призму принадлежности к той или иной конкретной социальной группе. Даже такая широкая социальная группа, как «художники», не является для них очевидным

предметом идентичности. Они называют себя исследователями, антропологами, социальными активистами, дизайнерами, кураторами, координаторами выставочных проектов. Между тем все они имеют легитимность, признание в профессиональном сообществе, связанном с современным искусством, именно как художники. Это подтверждает, что изучение произведений современных художников требует междисциплинарного, кросс-культурного исследовательского подхода с использованием концепций и подходов из социологии, психологии, философии, культурологии, теории и истории искусства, кураторства с соотнесением их между собой в едином аналитическом поле (Afanaseva, 2022).

П. А. Отдельнов работает с темами урбанистики, экологии, исторической памяти. В серии работ «ТЦ» (2015) художник затрагивает проблему торговых центров в контексте общества потребления (Отдельнов, интервью, 2023). Глитч-эффект (от англ. glitch) – вид искусства, где художник использует цифровые помехи как средство художественной выразительности. Активное использование глитч-эффектов в произведениях М. Хартнолла, Д. Ли, М. Джорда, как правило, репрезентирует фрагментарность впечатлений, несовершенство памяти, зыбкость воспоминаний. П. А. Отдельнов, в свою очередь, применяет глитч-эффект к урбанистично-индустриальному пейзажу. Торговые центры – единственные яркие элементы композиции – представлены в виде пикселей и кажутся эфемерными.

Произведения российского художника Андрея Сяйлева посвящены способности людей к объединению. Масштабная инсталляция «ОТЕЛЬ “Зеленый”» (2023) дает возможность коллективного сотворчества для волонтеров из разных регионов страны. На первом этапе проекта были собраны различные артефакты. В их числе фрагменты наличников из Павловского Посада, почтовые ящики из Самары, полозья саней из Архангельска. Вторым этапом стал сбор различных видов растений. На финальном этапе участники создали павильон, объединяющий принципы символического объек-

та и тотальной инсталляции (Bishop, 2005). Внешний вид и назначение арт-объекта являются результатом общего решения 46 волонтеров. Искусство соучастия, искусство взаимодействия, партиципаторные практики, реляционная эстетика – все эти термины описывают тенденцию социального включения зрителя в процесс создания художественных проектов (Bourriaud, 2002).

Проект «Нелепое равновесие» (2019) Артёма Голощапова посвящен состоянию нарастающей тревоги, связанной с непредсказуемым развитием современных технологий. По мнению художника, многочисленные сетевые механизмы распределения благ и систем контроля приводят к когнитивным искажениям и фрагментарному восприятию мира. «Нелепое равновесие» здесь становится метафорой баланса различных сил в едином информационном поле. Работая с видео-артом, на стыке живописи и скульптуры, художник критикует повсеместное использование записывающих устройств и цифровых алгоритмов идентификации.

Григорий Шаров работает в технике стрит-арта. С 2020 года художник проводит авторский независимый фестиваль «Один за всех» в г. Братске. Художники из Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Перми, Омска, Екатеринбурга и других городов России и мира присылают свои эскизы Г. Шарову, а он выполняет их на месте в различных техниках. В 2024 году художник объявил открытый конкурс и самостоятельно выбрал работы для воплощения, созданные представителями различных креативных профессий (художников, поэтов, писателей, авторов комиксов, блогеров, дизайнеров и др.). Произведения стрит-арта затрагивают различные социальные проблемы и позволяют осуществить культурный и профессиональный обмен между художниками из разных регионов.

Иван Симонов при помощи текста, фотографий, арт-объектов раскрывает тему взаимодействия человека с окружающей средой. В проекте «Продано» (2019) художник акцентирует внимание на проблемах расточительства общества потребления.

Используя брендированный скотч с надписью «продано» и обматывая им объекты или создавая тексты на различных городских поверхностях, художник апроприирует урбанистическое пространство. Работы «Машина», «Красота», «Искусство», «Надежда», «Братство» предполагают возможность критической рефлексии, творческого диалога со зрителем.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что ни один из респондентов-художников не является актором, действующим в уже «готовом» поле. Респонденты, по сути, делают не совсем то, что ожидается от художников в классическом понимании – они именно исследуют (а не просто изображают) актуальные социально-экономические проблемы, они напрямую создают новые сообщества (а не просто выставляют свои работы для уже существующих аудиторий). Все художники – создатели собственных творческих проектов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные поля агентности, генерируемые ими «вокруг себя» – а не внутри каких-либо существующих структурных рамок.

Обсуждение результатов:

в поисках импакта на социальный мир

В современном научном и экспертном дискурсе об искусстве часто отмечается, что для многих художников характерен критический настрой по отношению к институтам (Allakhverdiev, 2023; Kolycheva, 2019). Распространение художественных самоорганизаций, которые пытаются выстроить новые формы взаимодействия, можно рассматривать как реакцию на эту тенденцию, хотя, как показали проведенные нами интервью, помимо критики не менее важна и ориентация на объективный вклад в решение социальных проблем.

Интервью показали, что современные художники пытаются внести вклад в решение актуальных вопросов, включая социальное неравенство, дефицит социальной сплоченности, издержки общества потребления, риски для экологии и др. При этом подчеркивается ориентация на генерацию

новых творческих концепций, смыслов и решений благодаря диалогу со зрителем: «У зрителя есть возможность включиться в игру» (Симонов, интервью, 2023).

Проведенные интервью показывают смещение вектора основных смысловых ориентаций современных художников с критики институций, характерной для постмодернистского искусства, к решению реальных социальных противоречий. Важной задачей на пути к этому респонденты считают поиск единомышленников: «важно поддерживать социальную ткань нашего комьюнити» (Сяйлев, интервью, 2023). Многие информанты стараются фиксировать новые формы культуры: «маятник все время качается в сторону каких-то новых сумасшедших проектов» (Сяйлев, интервью, 2023). Художники рассматривают разнообразные проекты в сфере искусства и пытаются их осмыслить как новые культурные практики.

Таким образом, с одной стороны, художники сами предлагают смыслы, которые направляют людей в сторону новых форм организации жизни, а с другой – фиксируют и описывают культурные формы, которые появляются в реальности без их участия. Вероятно, этот двухсторонний эффект обеспечивает особую роль художников в поддержке агентности. В качестве подтверждения можно привести слова художника А. Ф. Сяйлева: «Настолько много разных людей, и настолько по-разному они собрали свой мир, а общая масса в эпоху интернета очень разрозненная. <...> Есть много всяких культур, и на них по-разному надо воздействовать» (Сяйлев, интервью, 2023).

Информанты отмечают рост разнообразия в социальном мире, определяя его как положительный признак социального развития: «Такое разнообразие психотипов и моделей поведения – это очень хорошо. Это главный признак успешного эволюционирования – и вида, и общества» (Сяйлев, интервью, 2023). Социальная стратификация, с одной стороны, усложняет задачу художника – трудно предсказать и спрогнозировать эффект от произведения искусства.

С другой стороны, подобное многообразие обеспечивает необходимый контекст: «Разнообразие культурного товара, которое воспроизводят представители разных точек зрения, такой обширный «торговый центр» – конечно, ты пойдешь за покупками туда, где есть конкуренция и большой выбор» (Сяйлев, интервью, 2023).

В условиях неоструктуризации высокая роль случайности, и агентность носит непредсказуемый характер (Sorokin, 2023). Художник Г. Шаров выдвинул гипотезу о существовании двух механизмов формирования смыслов, запускающих новые социальные структуры. Первый – сильное высказывание, которое часто используется в средствах массовой информации. Второй – иносказательность, способность переходить на языки аллегорий, метафор и символов (Шаров, интервью, 2023). Можно предположить, что на фоне социально-экономических изменений в мире последних лет наши респонденты-художники видят более тонкие градации социальной действительности и чаще обращаются ко второму механизму. Г. Шаров говорит: «Я вижу трансформацию некоторых художников, которые вдруг поняли, что <...> не все так однозначно, и мир не делится на черное и белое» (Шаров, интервью, 2023). Искусство способно вызывать у зрителя эмоции и через них подталкивать его к рефлексии, формируя агентный потенциал. «Самое важное – создать это пространство [рефлексии], в котором можно было бы увидеть что-то по-другому или в котором можно было бы начать о чем-то говорить», – подтверждает П. А. Отдельнов (Отдельнов, интервью, 2023).

Заключение

Современное искусство является мощным ресурсом не только для понимания, но и для трансформации социальной среды. Проведенный анализ дополняет существующие представления о творческих процессах самоорганизации внутри современного искусства, а также об их возможном импакте на более широкую социально-культурную динамику. С одной стороны,

мы видим, что современные российские художники в реализации своих творческих инициатив выходят за пределы традиционно понимаемого профессионального круга художников, взаимодействуют с волонтерами, экспертами, сообществами, кураторами из различных профессиональных и культурных сфер. С другой стороны, их влияние на социальную динамику

оказывается существенно более сложным и разнообразным, чем это предлагают более упрощенные трактовки, согласно которым «критика» – это главная функция современного искусства. Созидание, генерация новых сообществ, форм деятельности и смыслов имеет не менее важное значение, как показывают наши интервью и анализ произведений художников.

Список литературы / References

- Afanaseva I. A. Jazykovoe pokolenie: slovo v sovremennom rossijskom iskusstve [Language Generation: Word in Contemporary Russian Art]. In: *Chelovek*, 2022, 10(6), 136–155. DOI: 10.31857/S 023620070023384–9.
- Afanaseva I. A. Lingvisticheskoe pokolenie: logocentrichnye praktiki v proizvedenijah sovremennyh rossijskih hudozhnikov (2010–2022) [The Linguistic Generation: Logocentric Practices in the Works of Contemporary Russian Artists (2010–2022)] In: *Shagi / Steps*, 2023, 9(3), 218–238. DOI: 10.22394/2412–9410–2023–9–3–218–238.
- Afanaseva I. A., Sorokin P. S. & Goloshchapov A. A. Agentnost' v sovremennom evropejskom iskusstve (2017–2023) v kontekste social'nyh i kul'turnyh trendov: projavlenija i jeffekty [Agency in contemporary European art (2017–2023) in the context of social and cultural trends: Manifestations and effects]. In: *Shagi / Steps*, 2024, 10(1), 341–362. DOI: 10.22394/2412–9410–2024–10–1–341–362.
- Allakhverdiev T. Floating Institutionalality and Para-Institutions in Contemporary Russian Art: Premises and Forms. In: *Communications. Media. Design*, 2023, 8(1), 144–155.
- Archer M. S. Can Complexity add anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? In: *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2024. DOI: 10.1017/CBO9780511557675.
- Bishop C. *Installation Art: A Critical History*. London/New York: Routledge, 2005. 144.
- Bourriaud N. *Relational aesthetics*. Paris: Les Presses du reel, 2002. 125.
- Cavazzoni F., Fiorini A. & Veronese G. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. In: *Social Indicators Research*, 2021, 59, 1125–1153. DOI: 10.1007/s11205–021–02791–8.
- Contemporary Art in Search of Light. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(4), 625–632.
- Dvoretskaya A. P., Slabukha A. V. & Pikov N. O. From the «Black Square» to the «Black Mirror»: Fligstein N., McAdam D. *Teorija polej [Theory of Fields]*. Moscow, HSE University, 2022. 464 p.
- Galkin D. V., Kuklina I. K. Contemporary Art in the Regions of Russia: Global Trends and Local Projects. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, 9(10), 2413–2426. DOI: 10.17516/1997–1370–2016–9–10–2413–2426.
- Kolycheva V. A. Iskusstvo ocenki iskusstva: po rezul'tatam oprosa hudozhestvennogo soobshhestva Sankt-Peterburga [The Art of Art Assessing: Results of A Survey in The Saint Petersburg Artistic in Community] In: *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2010, 11, 100–109. DOI: 10.31857/S 013216250007451–9.
- Kuleva M. Sociologicheskie otkrytija «otkrytyh sistem» [Sociological discoveries of “open systems”]. In: *Otkrytye sistemy. Opyty hudozhestvennoj samoorganizacii v Rossii. 2000–2020 [Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020]*, Moscow, Garage Museum of Contemporary Art, 2020, 26–33.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. In: *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2017, 56, 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124–020–09587–4.
- Mitchell K. J. *Free agents: how evolution gave us free will*. Princeton: Princeton University Press, 2023. 333.

Orel E. V. Between Belief and Law: Old-New Challenges for Contemporary Art. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, 6(4), 579–588.

Parker J.N., Corte U. Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups. In: *Sociological Theory*, 2017, 35(4), 261–287. DOI: 10.1177/0735275117740400.

Polanin R. Self-organizing, ili peresobiraja samoorganizaciju [Otkrytye sistemy. Opyty hudozhestvennoj samoorganizacii v Rossii Self-organizing, or Reassembling Self-organization]. In: *Otkrytye sistemy. Opyty hudozhestvennoj samoorganizacii v Rossii. 2000–2020 [Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020]*, Moscow, Garage Museum of Contemporary Art, 2020, 40–47.

Sorokin P. S. Problema «agentnosti» cherez prizmu novoj real'nosti: sostojanie i napravlenija razvitiya [The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2023, 3, 103–114. DOI: 10.31857/S 013216250022927–2.

Sorokin P. S. Sociologicheskaja teorija: vyzovy i vozmozhnosti rossijskoj sociologii // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Theory: Challenges and Opportunities for Russian Sociology]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2021, 11, 12–23. DOI: 10.31857/S 013216250017006–9.

Sorokin P. S., Afanaseva I. A., Goloshchapov A. A. Art and Agency in the Era of De-Structuration: Exploring a New Field. In: *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2024, 58, 204–220. DOI: 10.1007/s12124–023–09777-w.

Sorokin P. S., Maltseva V. A. From Discrete Skills to Holistic Creative Human Potential: An Emerging Approach in Theory and Practice. In: *Foresight and STI Governance*, 2024, 18(1), 6–17. DOI: 10.17323/2500–2597.2024.1.6.17.

Trubitsyna A. Opyt proekta [Project Experience]. In: *Otkrytye sistemy. Opyty hudozhestvennoj samoorganizacii v Rossii. 2000–2020 [Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020]*, Moscow, Garage Museum of Contemporary Art, 2020, 8–25.

Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni [Grammar of the set. To the analysis of forms of modern life]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 176.

EDN: AWRBBK
УДК 130.2

Religious Themes in Painting and Sculpture of Contemporary Authors on the Example of the Countries of Central, Eastern and Western Europe

Tatiana V. Portnova*

*A. N. Kosygin Russian State University
Moscow, Russian Federation*

Received 04.08.2025, received in revised form 15.02.2025, accepted 25.04.2025

Abstract. The article deals with the topical problem of the implementation of religious motifs in painting and sculpture of the countries of Eastern and Western Europe. The purpose of the article is to identify the features of the expression of religious motifs in modern painting and sculpture. The objectives of the study are to consider the main approaches to the embodiment of religious themes in painting and sculpture; to identify regional features in the sculptural and pictorial implementation of religious motifs in the countries of Eastern and Cultural Arts. Western Europe.

The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, systematization); as well as a number of special methods: historiographical analysis of scientific literature on the topic of the study; the method of expert assessments, the method of statistical analysis and verification of research results.

The research materials were the answers of 60 experts in the field of contemporary painting and sculpture in the countries of Eastern (Poland, Hungary, Czech Republic) and Western (Germany, France, Belgium) Europe. The representative sample was formed on a regional basis and consisted of 6 expert groups of 10 people from each country.

Based on the research results, the author concluded that in the countries of Eastern Europe, subjects from the New Testament are especially widespread in sculpture and painting. Among them are the childhood and youth of Jesus Christ, images of the Virgin Mary with the Child, images of saints and martyrs. In Western Europe, evangelical stories based on Mark and Matthew are mainly realized.

Keywords: painting, sculpture, Western Europe, Eastern Europe, religion.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Portnova T. V. Religious Themes in Painting and Sculpture of Contemporary Authors on the Example of the Countries of Central, Eastern and Western Europe. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 980–990. EDN: AWRBBK [h](#)

Религиозные сюжеты в живописи и скульптуре современных авторов на примере стран Центральной, Восточной и Западной Европы

Т.В. Портнова

*Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема реализации религиозных мотивов в живописи и скульптуре стран Восточной и Западной Европы. Цель статьи заключается в выявлении особенностей выражения религиозных мотивов в современной живописи и скульптуре. Задачи исследования заключаются в том, чтобы рассмотреть основные подходы к воплощению религиозных тем в живописи и скульптуре; в выявлении региональных особенностей в скульптурной и живописной реализациях религиозных мотивов в странах Восточной и Западной Европы.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, систематизация), а также ряд специальных методов: историографический анализ научной литературы по теме исследования, метод экспертных оценок, метод статистического анализа и верификации результатов исследования.

Материалами исследования послужили ответы 60 экспертов в области современной живописи и скульптуры в странах Восточной (Польша, Венгрия, Чехия) и Западной (Германия, Франция, Бельгия) Европы. Репрезентативная выборка была сформирована по региональному признаку и состояла из 6 экспертных групп по 10 человек из каждой страны.

По результатам проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: в странах Восточной Европы в скульптуре и живописи наиболее ярко распространены сюжеты из Нового Завета. Среди них детство и юность Иисуса Христа, образы Девы Марии с Младенцем, изображение святых и мучеников. В Западной Европе в основном реализуются евангельские сюжеты по Марку и Матфею.

Ключевые слова: живопись, скульптура, Западная Европа, Восточная Европа, религия.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Портнова Т. В. Религиозные сюжеты в живописи и скульптуре современных авторов на примере стран Центральной, Восточной и Западной Европы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 980–990. EDN: AWRBBK

Introduction

The research relevance lies in the present stage of painting and sculpture development in the countries of Western and Eastern Europe, there is a tendency to embody religious ideas and subjects. The idea of integrating religious subjects into art, being developed on the material of world religions from the standpoint of aesthetics, reflects the fullness of the philosophical meaning of the connection between universal religious values in sculpture and painting.

Religion and art can determine mutual development, for example, the development of the fine arts of the Italian Renaissance was facilitated by the patronage of the Catholic Church, which abundantly supplied artists and architects with orders, and art, in turn, asserted in artistic form the final universal human values (life, truth, beauty, love, motherhood, spirituality, harmony), expressing them figuratively in the spirit of Catholic doctrine. Religious motifs are manifested in the works of the great artists of the Italian Renaissance: Michelangelo, Botticelli, Perugino, et al. Religion and art in symphonic unity lead the theme of religious worldview in the architect Brabant's St. Peter's Basilica, in the tombstone of Pope John II and in Michelangelo's Pietà. Thus, a religious worldview can be represented in any form of art. The religious worldview is quite clearly represented in the history of sculpture and painting from its mythological and folklore origins to its present state (Zolotukhina, 2021: 104).

The polyphony of religion and art in modern painting and sculpture is the result of the development of religious consciousness in the societies of Eastern and Western Europe, the development of an understanding of the biblical text, as well as the artistic Byzantine iconographic tradition, the development of the techniques of fresco, mosaic, and temple architecture.

The interaction of religion and art takes place in all cultures, in different historical eras, broadcasting meta-narratives relevant to each era. For example, the architecture of European Gothic conveys the idea of endless improvement and striving for the divine.

The history of any religion is clearly represented in artifacts. The history of any kind of art clearly and implicitly comprehends the synthesis of art and religion and the features of its manifestation in different cultures and in different types of art, operating mainly with historiographical empiricism. It is expedient to consider the philosophical comprehension of this synthesis based on the idea of the unity of the phenomena of religion and art (Yaskevich, 2015: 47).

Aesthetic consciousness permeates all the objective, material and ideological components of religious reality. Religious and artistic consciousness, interacting, contain in their entirety an element determined by knowledge, faith, experience, aesthetic and religious feelings and experiences that reveal the meaning and fullness of being; knowledge and understanding of the aesthetic and religious foundations of culture.

As a rule, the main attention of researchers is paid to the aesthetic and historical features of boorish painting in the countries of Eastern and Western Europe, as well as to the regional features of religious sculpture, mainly in Italian cities (Wei, 2019: 58). However, modern sculpture and painting also have religious motifs that require study in terms of stylistics, aesthetics and plot.

The research goal is to identify the features of the expression of religious motifs in modern painting and sculpture.

The research objectives are to consider the main approaches to the embodiment of religious themes in painting and sculpture; identification of regional features in the sculptural and pictorial implementation of religious motifs in the countries of Eastern and Western Europe.

The scientific novelty of the empirical research presented in the article is determined by the fact that it applies a qualitative and quantitative analysis of the criteria for comparative analysis of religious motifs in painting and sculpture of Eastern and Western Europe.

The theoretical significance of the study lies in the fact that the author summarizes the main features of the implementation of religious motifs

in the work of modern artists and sculptors of Eastern and Western Europe.

The practical significance of the study is the theoretical generalizations obtained can be used in lectures at the faculties of art history and history, and the empirical results can be useful for further research on the development of religious subjects in modern painting and sculpture.

Literature review

The historiography of the topic is quite extensive and includes the work of both Russian and foreign authors. In particular, sculptural traditions and religious motifs in painting are presented in the studies by such authors as T. V. Babaeva (Babaeva, 2018), V. B. Barashkov (Barashkov, 2024), F. Benjamin, O. Schuwer (Benjamin, Schuwer, 2022), E. Biasio (Biasio, 2019), L. Codriña (Codrina, 2016), A. Debaene (Debaene, 2023) et al. These authors consider religious motifs and subjects in painting and sculpture of Western Europe in the context of the historical development of Western European civilization.

Aesthetic aspects of religious subjects' embodiment in contemporary painting and their comparative analysis with classical examples are considered in the studies by such authors as L. Dulal (Dulal, 2022), A. V. Efimov (Efimov, 2020), A. Florkovskaya, A. Markin (Florkovskaya, Markin, 2022), M. V. Fomin (Fomin, 2014), M. Frank (Frank, 2023), Gao Ming, Sun Fei (Gao, Fei, 2022) et al.

Issues related to the modern treatment of biblical or evangelical subjects in painting and sculpture are considered in the works by such authors as J. González-García (González-García, 2019), Yu. L. Grishatova (Grishatova,

2017), A. Hakim, A. Dadvar (Hakim, Dadvar, 2018), L. Hardiman, N. Kozicharow (Hardiman, Kozicharow, 2023), R. Hopkins (Hopkins, 2023), V. K. Kulkarni (Kulkarni, 2023), N. McNeal, H. McNeal (McNeal, N. McNeal H, 2022), L. K. Nefedova (Nefedova, 2021) et al.

Nevertheless, despite the rather extensive historiography, the implementation of religious images, motifs and plots in modern painting and sculpture requires a separate consideration within the framework of a comparative analysis of art in Eastern and Western Europe.

Materials and methods

The study used both theoretical methods (analysis, synthesis, generalization, systematization) and special ones: an analysis of scientific literature on the research topic was carried out to identify modern scientific discourse. The method of in-depth interviews among a representative sample of experts was also used a qualitative analysis. The peculiarity of in-depth interviews is that this method allows us to take into account the beliefs and motivation of the experts being interviewed. The method of statistical analysis made it possible to transform qualitative data into quantitative ones.

The materials of the study were the answers of 60 experts in the field of contemporary painting and sculpture in the countries of Eastern (Poland, Hungary, Czech Republic) and Western (Germany, France, Belgium) Europe. The representative sample was formed on a regional basis and consisted of 6 expert groups of 10 people from each country.

All the results were processed using the Neural Designer program.

Table 1. Distribution of respondents by groups and number

University	Number of respondents
About the Institute of Art History, Institute of Art of the Polish Academy of Sciences (Poland)	10
ELTE Institute of Art History, Eötvös Loránd University (Hungary)	10
Institute of Art History of the Czech Academy of Sciences (Czech Republic)	10
Institute of Art History, University of Stuttgart (Germany)	10
National Institute of Art History (INHA) (France)	10
Catholic University of Leuven (Belgium)	10

In total, 60 experts took part in the empirical study – employees of specialized art history institutes from Poland, the Czech Republic and Hungary (Eastern Europe), as well as from Germany, France and Belgium (Western Europe), who were divided into 6 groups for the convenience of processing the survey data. Each group evaluated the implementation of religious subjects and motifs in the sculpture and painting of their country.

Based on the expert assessments obtained, it was possible to identify general trends in the answers and transform them into three criteria for subsequent analysis:

1) subject: New Testament, Old Testament, Gospels;

2) artistic direction: actionism, neo-expressionism, abstractionism (painting), post-modernism, reflexive direction, technological direction (sculpture);

3) genre: portrait, historical, mythological, symbolic, allegorical, animalistic.

All three criteria were determined based on the opinions of experts from leading art universities in Eastern and Western Europe. Then another survey was conducted, during which experts evaluated each of the criteria on a 10-point scale, which made it possible to con-

vert qualitative data into quantitative data for further statistical analysis (Table 2).

The methodology of the research is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a number of special methods: historiographical analysis of scientific literature; the method of sociological research in the format of expert assessments; statistical analysis of the results obtained.

To process 60 questionnaires with expert assessment data, we used a special program called Neural Designer, a tool for advanced, predictive and prescriptive analytics. All qualitative data (respondents' answers) was converted into a quantitative format and presented graphically using the Neural Designer program.

The criteria were evaluated by experts in three areas of analysis on a 10-point scale of statistical analysis software (Table 5).

All three criteria were evaluated by experts on a 10-point scale, in ascending order of frequency of introduction to the film: 1–3 points – low level, 4–6 points – medium level, 7–10 points – high level of frequency of the criterion. All qualitative data (respondents' answers) were converted into a quantitative

Table 2. Distribution of criteria for peer review in quantitative format

Country	Analysis Criterion
Poland	1) religious plot 2) artistic direction 3) genre
Hungary	
Czech Republic	
France	
Germany	
Belgium	

Table 3. Research methods by groups and research goals

Method group	Objectives of the study
General scientific methods	Scientific synthesis of the information obtained Search of scientific literature on the topic of research
Special methods	Sociological research (expert assessments), Statistical Analysis of the Results of the Expert Survey

Table 4. Research criteria in relation to the three areas of analysis

Criterion	Areas of analysis
Religious plot	New Testament, Old Testament, Gospels
Artistic direction	Artistic direction: actionism, neo-expressionism, abstractionism (painting), postmodern, reflective direction, technological direction (sculpture)
Genre	Portrait, historical, mythological, symbolic, allegorical, animalistic.

Table 5. Methodology for assessing criteria on a 10-point scale

Criterion	Rating scale
Religious plot	1–3 low level 4–6 intermediate level 7–10 high level
Artistic direction	
Genre	

format and presented graphically using the Neural Designer program.

Results

For the first criterion, the following results were obtained for 6 expert groups (Fig. 1).

Fig. 1 shows that sculpture and painting in Eastern Europe are dominated by subjects from the four Gospels: Matthew, Mark, Luke and John. These four Gospels later became

part of the canonical books of the New Testament of the Bible, which was approved by the councils of the Christian Church. Most often used are descriptions of the birth and life of Jesus Christ, his death, miraculous resurrection and ascension. The paintings are dominated by the scenes of the birth and death of the Savior, and the sculpture mainly implements the ideas of the miraculous resurrection and ascension.

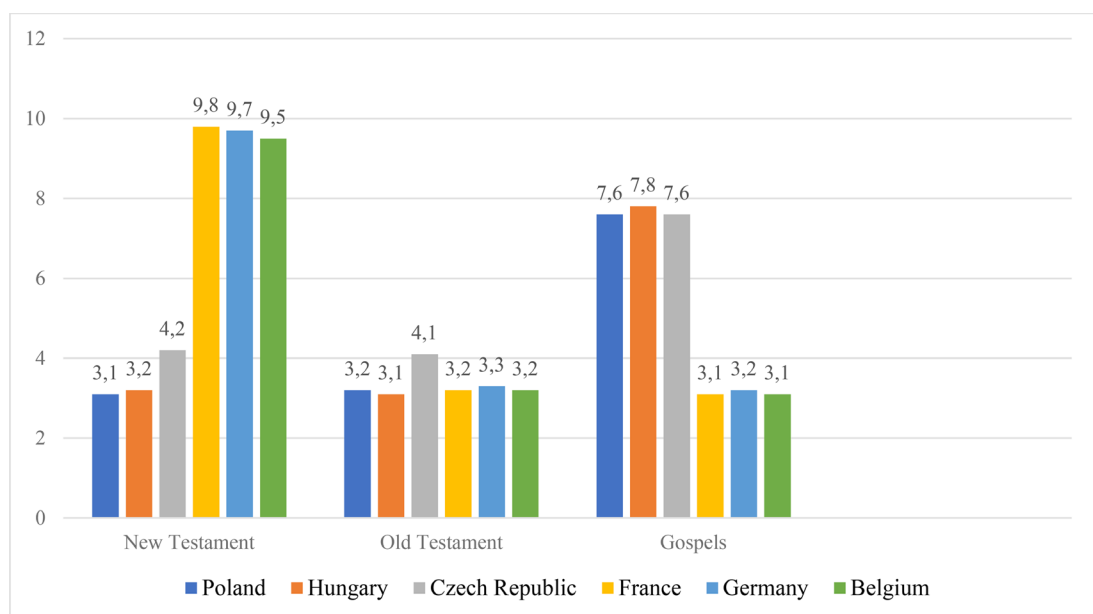

Fig. 1. Expert's assessment based on plot criteria in sculpture and painting (Neural Designer program)

Eastern European artists working with evangelical subjects: Gaya Lastovjak, a contemporary artist who creates paintings in her own technique, using papier-mâché. Magdalena Palega was interested in the psychological aspect of portraiture, as she tried to capture not only the external features, but also the internal. Pawel Porada is a young Polish artist, for the last few years he has been practicing easel painting and graphics.

Sculptors of Eastern Europe working with evangelical subjects: Jaromír Gargulák is a contemporary Czech sculptor. He uses the tapered wax pattern casting method to bring his imagination to life by making only one original casting at a time. Romuald Wisniewski is an award-winning contemporary Polish sculptor. He works creatively in sculpture made of bronze, stone, ceramics and wood. Christoph Tóth, a contemporary Hungarian artist, has established himself as a notable figure in the art world.

Painters and sculptors of Western Europe who realize the subjects of the New Testament: Elina Evstig is a contemporary artist from Germany. Elina's aesthetic spirit is characterized by a combination of realism with abstract techniques, creating a unique visual language that sets her apart from others.

Miodrag Đurić (Dado), better known by name Dado (1933–2010), was a Yugoslav-French painter and illustrator. Dado's artistic talent emerged early, and he began his formal art education at the Academy of Fine Arts in Zagreb, Croatia. His early work was influenced by Surrealism, Expressionism, and the dark, fantastical elements found in the works of Hieronymus Bosch and Francisco Goya. These influences have shaped his distinct style, characterized by exciting and complex compositions that explore themes of mortality, mythology, and the human psyche.

Bertrand Catteau is an award-winning contemporary Belgian sculptor. Catteau's journey into artistic expression began with a passion for form and movement, which he nurtured while studying at the prestigious Royal Academy of Fine Arts in Ghent. Here he delved deeply into the intricacies of sculpture, honing his craft and perfecting his artistic vision.

Catteu's work is characterized by his ability to capture the essence of the human form, filling it with a realism that resonates with the audience on an intuitive level. His chosen mode of expression, primarily clay, serves as the basis on which he sculpts his figures, breathing life into them with every subtle stroke and nuance of detail. Catteau then uses a variety of casting techniques, from plaster to polyester to bronze, to immortalize his creations in long-lasting materials that transcend time and space.

Central to Catteau's artistic spirit is the exploration of universal themes, which he articulates with a surprising combination of poignancy and authenticity. Through his sculptures, he delves into the depths of human emotion, depicting moments of triumph, struggle and everything in between.

Noé Poporté is a contemporary Belgian artist. He grew up in an artistic environment as the son and grandson of artists. The artist works freely on large surfaces and uses other materials in addition to canvas.

For the second criterion, the following results were obtained for 6 expert groups (Fig. 2).

According to the data in Fig. 2, the main trends in the countries of Eastern Europe are abstractionism and neo-expressionism in painting and sculpture. Postmodernism and the reflective direction are almost equally highly developed in painting and sculpture in Western Europe both in painting and in sculpture. Interestingly, in Germany and the Czech Republic, that is, in different parts of Europe, there is a tendency to continue the traditions of abstractionism. Within the framework of the analysis, it can be argued that it is in this direction that there are points of intersection between painting and sculpture in the very form of embodiment of religious subjects. Abstractionism is the only common trend between Western and Eastern Europe.

Based on the results of the expert survey, the following results were obtained: in the countries of Eastern Europe, the most popular genres are historical painting, mythological paintings, symbolism (Poland and the Czech Republic), for Hungary there is a tendency to develop the genre of historical painting on evangelical subjects. In the countries of West-

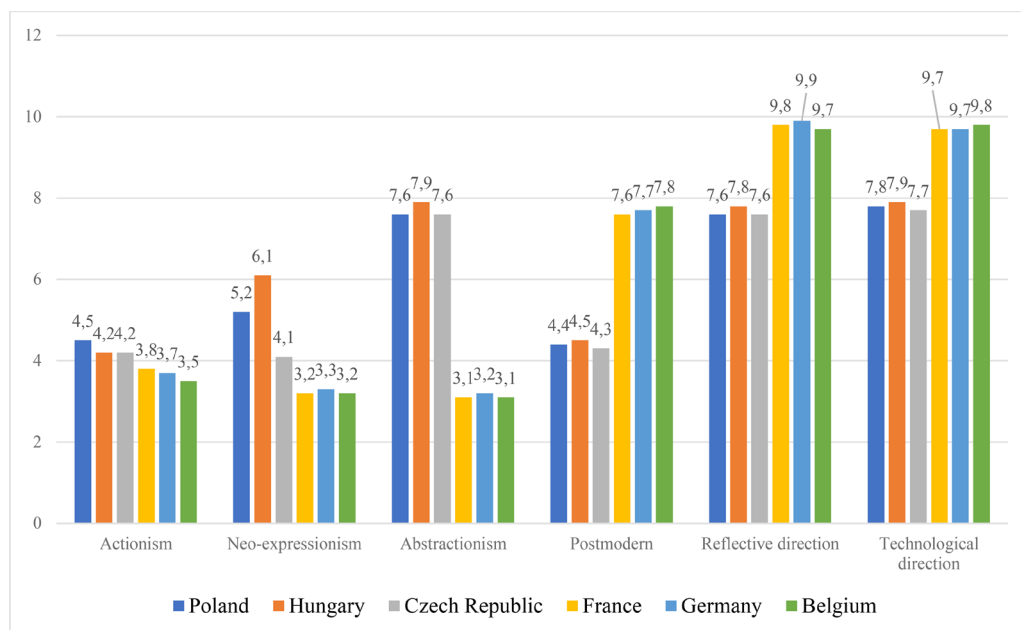

Fig. 2. Expert's assessment based on artistic direction criteria in sculpture and painting (Neural Designer program)

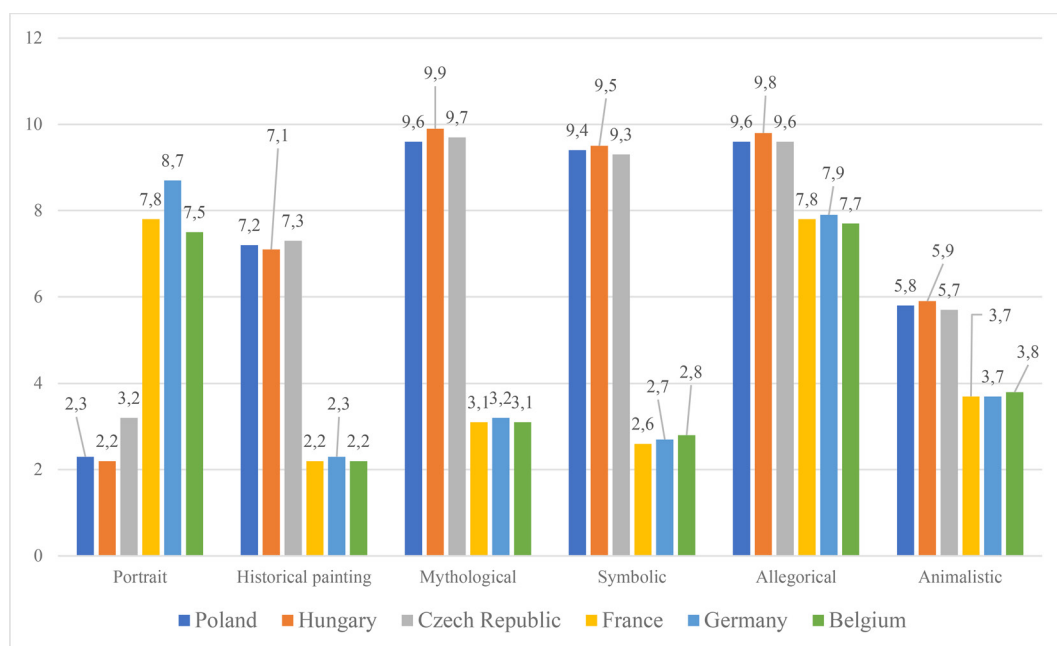

Fig. 3. Expert's assessment based on genre criteria in sculpture and painting (Neural Designer program)

ern Europe, the portrait (France) and allegory (Germany and Belgium) have the greatest particularity. Animalism is least represented in modern painting and sculpture, which contain references to religious subjects. At the same time, within the framework of the study, it was revealed that experts from Western Europe single out as the most frequent phenomenon the combination of the genre of historical portrait in the style of neo-expressionism with biblical subjects from the New Testament. Thus, in European countries, the most popular are biblical and evangelical (canonical)

Discussion

The results obtained are partially confirmed in the works of such authors as R. Patnayaka, R. Mishra, N. Bansal (Patnayaka, Mishra, Bansal, 2021), A. Pinkus (Pinkus, 2024), R. Poonam (Poonam, 2022), Roger Ling (Roger, 2022), K. Sarveshwaran (Sarveshwaran, 2022) et al. Sarychev (Sarychev, 2015), J. Smith (Smith, 2022), A. Snider (Snider, 2022), T. V. Volskaya (Volskaya, 2021), Wang Fuxin (Wang, 2022) draw parallels with the art of China and other religions, not only Christianity.

We can say that Christian motifs are realized in the works of modern artists and sculptors as biblical and evangelical subjects. The Old Testament is practically not quoted in the painting of Eastern Europe, sometimes appearing in the works of some artists from Western Europe, mainly in the direction of postmodernism.

At the same time, the results obtained that there is one correlating trend in the form of abstractionism in the works of Western and Eastern Europe are confirmed in the works of such authors as Wei Xiao (Wei, 2019), R. Winfield (Winfield, 2022), R. Winfield (Winfield, 2022), Yan Bao, Taoxi Yang, Taoxi Yang, Xiaoxiong Lin, Xiaoxiong Lin (Yan, Taoxi, 2016), Ya. S. Yaskevich (Yaskevich, 2015), N. A. Zolotukhina (Zolotukhina, 2021) et al.

The religious genre exists not only in painting, graphics, sculpture and architecture, but also in literature, music, choreography, cinema and various types of decorative and applied art. The main purpose of religious works is to convey deep moral messages to the viewer and strengthen a person's faith in God.

In religion, the world is divided into material and spiritual (mythology did not know such a rigid separation: in it, spirits and people lived in the same world). At the same time, the spiritual world has a greater value than the material one. The humanitarian picture of the world in the system of modern knowledge of life in the external space surrounding it, and the salvation of the soul. The main problem of the religious picture of the world, therefore, is the relationship not between man and the world, but between man and God. The world itself is secondary, but the true being is God. Religion in painting and sculpture orients a person in a special way: the basic needs in it are transferred from the object of activity to the subject and his inner world, which has a supernatural connection with the divine principle.

Conclusion

The study allows us to formulate the following conclusions:

1. In the countries of Eastern Europe, religious motifs and plots are realized mainly from the evangelical tradition. Painting is dominated by the genres of portraiture and historical themes, while in Western Europe, painters and sculptors pay attention to motifs from the New Testament. Among the trends of artistic creativity, neo-expressionism and postmodernism are dominant, while the general trend for both Western and Eastern Europe is a gravitation towards abstractionism in the embodiment of religious motifs from the New Testament and plots from the Gospels.

2. Within the research framework, it should also be noted that for the countries of Eastern Europe, symbolism in the development of plots from the Gospels is more typical, while for painting and sculpture of Western Europe, mythological and allegorical techniques are most often used. At the same time, it should be noted that within the framework of painting and sculpture, the motifs of the Old Testament are practically not realized. Nevertheless, in modern painting and sculpture there was a tendency to develop the traditions of postmodernism both in the forms and in the directions of painting and sculpture.

References

- Babaeva T.B. On the issue of connections between Gothic architecture and the «Gothic» subculture. *Forum of young scientists*. 2018. 5–1(21). 336–343.
- Barashkov V.B. Religion and art in the GDR: Christian churches as an alternative to official cultural policy. *State, religion, church in Russia and abroad*. 2024. 1. 35–78.
- Benjamin F., Schuwer O. Contemporary Christ in European painting from the second half of the nineteenth century. *Cultural Psychology*. 2022. 8. 28–39.
- Biasio E. Contemporary Ethiopian Painting in Traditional Style: From Church-based to Tourist Art. *African Arts*. 2019. 42(1). 14–25.
- Codrina L. Religious Themes in Contemporary Art. In book: *Multiculturalism and the Convergence of Faith and Practical Wisdom in Modern Society*. 2016. 4. 188–218.
- Debaene A. Painting and Presence: Why Paintings Matter. *The British Journal of Aesthetics*. 2023. 3. 102–116.
- Dulal L. Wall Painting of Pujari Math of Bhaktapur: An Exploration. *Contemporary Research An Interdisciplinary Academic Journal*. 2022. 6(2). 124–143.
- Efimov A. V. Architecture of the XX–XXI centuries and the art of pictorial abstraction. *AMIT*. 2020. 4(53). 9–32.
- Florkovskaya A., Markin A. Contemporary Russian Religious Art in the German Museum. *Project I. N. R. I.*, 2022. 124.
- Fomin M. V. Early Christian painting of late antique Chersonese. *Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region*. 2014. 6. 67–92.
- Frank M. Nationalism and Classicism: The Classical Body as National Symbol in Nineteenth-Century England and France (review). *Victorian Studies*. 2023. 43(1). 150–161.
- Gao Ming, Sun Fei. The Philosophical Fusion of the Primitive Aesthetics of Chinese and Western Religious Paintings and the Study of Contemporary Paintings. *European Journal for Philosophy of Religion*. 2022. 4. 67–79.
- González-García J. Spanish Religious Imagery and Post-Tridentine Theory. *Hispanic Research Journal*. 2019. 16(5). 441–455.
- Grishatova Yu.L. Interpretation of the Western European Renaissance in Russian philosophy of the 19th and 20th centuries: summary characteristics and cultural and philosophical context. *Culture and Art*. 2017. 3. 67–89.
- Hakim A., Dadvar A. Comparative Study of Religious Narration of Gothic and Coffee House Paintings. 2018. 7. 94–109.
- Hardiman L., Kozicharow N. *Modernism and the Spiritual in Russian Art*. Open Book Publishers. 2023. 3. 9–36.
- Hopkins R. Painting, Sculpture, Sight, and Touch. *The British Journal of Aesthetics*. 2023. 44(2). 22–38.
- Kulkarni V.K. Sculptures and wall Paintings of the Temples of the Folk Deities in Cheriya. 2023. 128.
- McNeal N. McNeal H. Review of «The Sculpture of Nanni di Banco» by Mary Bergstein. *CAA Reviews*. 2022. 3. 56–79.
- Nefedova L. K. Model of interaction of religion and art: ontological comparative of religion and art. *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*. 2021. 3(32). 203–228.
- Patnayaka R., Mishra R., Bansal N. Reflections of Socio-Cultural Significance in Painting and Sculpture of Indian Temples. Conference: *International Conference on Built Environment, Science and Technology. ICON-BEST*. 2021. 47–69.
- Pinkus A. Transformations in Wood: Between Sculpture and Painting in Late Medieval Devotional Objects. *Viator*. 2024. 48(3). 263–291.
- Poonam R. Feminine Beauty in Jain Manuscript Paintings. In book: *Feminine Beauty in Jain Manuscript Painting*. 2022. 7. 24–31.

- Roger Ling. Domestic Religious Themes in Pompeian Painting. *The Classical Review*. 2022. 43(01). 122–145.
- Sarveshwaran K. Arts in the Life of Sangam and Moral Ancient Tamils – A Research Based on Sculpture and Painting. *International Research Journal of Tamil*. 2022., 4. 120–136.
- Sarychev Yu.A. «New Man» as a sociocultural phenomenon of the 20th century. *Man. Culture. Education*. 2015. 4(18). 122–146.
- Smith J. Image and Imagination of the Religious Self in Late Medieval and Early Modern Europe. *African Arts*. 2022. 42(1). 14–25.
- Snider A. Sculpture and Religion. *New Science*. 2022. 3. 122–134.
- Volskaya T. V. Lives of saints as a source of subjects in Western European painting of the 14th-17th centuries. (using the example of the image of St. Jerome of Stridon). *Bulletin of St. Petersburg University. Art history*. 2021. 3. 12–39.
- Wang Fuxin. The Combination of Chinese and Western Sculpture Art and the Future Direction. *Economics Law and Policy*. 2022. 6(3), 55–79.
- Wei Xiao. The Technique of Creating Buddhist Polychrome Sculpture. *Scientific and analytical journal Burganov House The space of culture*. 2019. 15(3). 55–74.
- Winfield R. Painting and Artistic Style. In book: *Rethinking the Arts after Hegel*. 2022. 7, 143–155.
- Winfield R. The Unique Aesthetic Achievement of Sculpture. In book: *Rethinking the Arts after Hegel*. 2022. 5, 77–91.
- Yan Bao, Taoxi Yang, Taoxi Yang, Xiaoxiong Lin, Xiaoxiong Lin. Aesthetic Preferences for Eastern and Western Traditional Visual Art: Identity Matters. *Cultural Psychology*. 2016. 3, 58–89.
- Yaskevich Ya. S. Belarusian culture in the context of modern sociocultural space: the complexity of the historical path of development. *Space and Time*. 2015. 4(22), 45–69.
- Zolotukhina N. A. Features of modern religious painting in the temple architecture of Crimea (on the example of the Alexander Nevsky Cathedral in Simferopol and the Vladimir Cathedral in Chersonesos). *Culture and Art*. 2021. 12, 102–134.

EDN: AZUFTK
УДК 792.8

The Origins of Strategies for Working with Media Technologies in Choreographic Performances of the 1990s-2010s

Olga V. Gryzunova*

*Vaganova Ballet Academy
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 15.07.2024, received in revised form 15.02.2025, accepted 25.04.2025

Abstract. The choreographers and dance artists work with new media tools can be considered as a logical development of the artistic process within the context of the technical instruments' natural evolution. Such an approach is poorly represented in Russian art studies. The article's purpose is to identify the continuity between the artistic ideas of the avant-garde of the 1910–1920s, the neo-avant-garde of the second half of the 20th century and the methods of the choreographers to work with new technologies on the example the choreographic productions in the 1990–2010s period. Based on the historical, descriptive and analytical methods typical for the art critic approach, the relevance of some artistic strategies of the avantgardists in the modern period is proved. The performances “Biped” by Merce Cunningham (1999), “The Rite of Spring” by Klaus Obermayer (2006), “OUT/IN” by Anna Abalikhina (2009), not previously considered in Russian art studies, are analyzed. Based on the analysis and comparison of directors approaches with the ideas of the avant-garde of different periods, strategies of randomness, intermediality, and interactivity are identified. As a result, the lack of scientific materials on the represent topic has been partially filled. Problems provoked by the permanent updating of technical instruments are highlighted: the need for dramaturgical guidelines for selecting the necessary and sufficient set of expressive means; the technical “enslavement” of the viewer; the dependence of stage and performative spaces on technical equipment; authorship problem.

Keywords: media art, media technologies, avant-garde, neo-avant-garde, choreographic art, Cunningham, Obermayer, Abalikhina.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Gryzunova O. V. The Origins of Strategies for Working with Media Technologies in Choreographic Performances of the 1990s-2010s. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 991–1000. EDN: AZUFTK

Истоки стратегий работы с медиатехнологиями в хореографических постановках 1990–2010-х годов

О.В. Грызунова

*Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Приемы работы хореографов и танцхудожников с медиатехнологиями можно рассматривать как логичное развитие художественно-постановочного процесса в контексте закономерной эволюции технического инструментария. Подобный подход слабо представлен в отечественных искусствоведческих исследованиях. Цель исследования – выявление преемственности между художественными идеями авангарда 1910–1920-х гг., неоавангарда второй половины XX века и подходами постановщиков к работе с новыми технологиями при создании хореографических постановок в период 1990–2010-х гг. На основе характерных для искусствоведческого подхода исторического, описательного и аналитического методов доказывается востребованность некоторых художественных стратегий авангардистов в современный период. Проанализированы не рассмотренные ранее в отечественных искусствоведческих исследованиях постановки «Двуногие» Мерса Каннингема (1999), «Весна священная» Клауса Обермайера (2006), «OUT/IN» Анны Абалихиной (2009). На основе анализа и сопоставления подходов постановщиков с идеями авангарда разновременного периода выявлены стратегии случайности, интермедийности, интерактивности. В результате частично восполнена нехватка научных материалов об истоках стратегий работы с медиатехнологиями для танцевальных исследователей и постановщиков. Обозначены проблемы, спровоцированные перманентным обновлением технического инструментария: необходимость наличия драматургических ориентиров для отбора необходимого и достаточного набора выразительных средств; техническое «закрепощение» зрителя; зависимость сценических и перформативных пространств от технического оснащения; проблема исчезновения авторства.

Ключевые слова: медиаискусство, медиатехнологии, авангард, неоавангард, хореографическое искусство, Каннингем, Обермайер, Абалихина.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Грызунова О.В. Истоки стратегий работы с медиатехнологиями в хореографических постановках 1990–2010-х годов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 991–1000. EDN: AZUFTK

“Engineer, what have you done for the Beautiful?”

“Artist, how do you perfect the art instrument?”

From “The Manifesto of Russian kineticism”¹ (1966)

Introduction to the research problem

The entire history of art testifies to how instruments of artistic creation have appeared, improved, died out, and been revived in new forms throughout the centuries. Currently, the latest instruments of creativity are associated with the media environment, in particular, with the possibilities of digital technologies.

What explains the demand for media technologies in the arts, including such conservative academic genres as classical opera and ballet? A number of researchers talk about the “period eye” in the humanities, the very concept of “visual culture” being introduced into the discourse of art history studies by S. Alpers, M. Baxandall (Voevodina, 2022: 57). Thus, L.N. Voevodina, citing the works of S. Alpers, M. Baxandall, W. Benjamin, an article by V.I. Tolstykh on the artistic image in the “New Philosophical Encyclopedia”, etc., summarizes: “The new look at art leads to the fact that ‘...various ‘anti-image’ concepts of art arise, questioning or rejecting altogether the category of the artistic image as supposedly an apology for the ‘copyist’ attitude to reality, the bearer of “fictitious” truth and bare “reason (symbolism, imagism, futurism)” <...> ...The emergence of new technical means and their application for the creation of new art led to discussions among art theorists and practitioners about what constitutes a work of art, as new artistic practices no longer corresponded to the previous criteria of art. Consequently, it became necessary to reconsider the boundaries of art and the role of visual images, the production of which was characterized by an avalanche-like character in the 20th century” (Voevodina, 2023: 99, 101). Visuality and visual arts (photography, cinema,

graphic design, visual media images) – assume the function of the basic mode of existence of modern culture (Drozdova, 2014: 30).

In our opinion, the cult of visuality is result from the physiological characteristics of human perception. It is generally accepted that up to 80 % of information about the surrounding world comes through the sense of vision (Popov, 2016). Media technologies is needed to aim primarily at enhancing the spectacular element in contemporary art and in contemporary choreographic performances.

The study conceptual foundations

In the broad sense, media refers to the totality of technical means capable of performing the functions of a mass information channel. In this sense, the concept of “media” goes back to “medium” – an information’s translator. As civilization developed, information channels have been changing, having gone through a path of development from rock paintings, paper scrolls, books, from newspapers to radio, television, the Internet, mobile phones, GPS devices, social networks, etc. One of the first to outline the concept of the influence of the media environment on human existence and thinking was H.M. McLuhan in his classic work “Understanding Media: The Extensions of Man” (1963). More than half a century after the publication of this influential writing, researchers have come to the conclusion that “the periodic alternation of fragmentation and integration, centralization and decentralization of culture depends not only on the properties and content of various media, but also on the extra-cultural context dictated by the course of civilizational processes, including the intervention of economic, political and communicative factors, taking on constructive or destructive forms. It is in this combination of exclusive and inclusive factors of intermediality that the formation and reproduction of the sociocultural functions of old and new media in the 20th and 21st centuries takes place” (Kondakov, 2019: 12).

It is generally thought media art is fueled by constant technological progress, the improvement of media as carriers of information, as well as addressing socially topical issues and relying on the mass dissemination of artis-

¹ The manifesto’s typescript is available: Online catalog of documents on Russian contemporary art “Raan” Garage Museum of Contemporary Art: https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/D_2485 (access date 10 July 2024)

tic ideas through modern technologies. Thus, media art can be understood as any art created with the involvement of technologies of various formats, including media technologies (media technologies – a set of technical means for creating, processing, and transmitting information for its perception by all human senses (Gryzunova, 2023: 23).

A detailed terminological analysis of the concepts of “media”, “media art”, as well as concepts similar in meaning, is found in the article (Ugay, 2013). A number of materials consider the genesis of the concept of “media” in the discourse of social sciences (Berdnikova, 2023), interprets media and media art as a complex of information and communication means for spreading ethical and aesthetic complexes (Ignatova, 2022: 156). The concept of media art incorporates widely phenomena: digital art, computer art, multimedia art, interactive art, cyber art. As C. Paul notes in her monograph “Digital Art”, since the late 20th century, the term “digital art” is often used interchangeably with “new media art”. It was used mostly for film and video, sound art and hybrid forms. The inclusion of the word “new” emphasizes the process of constant renewal in this type of creativity. The researcher logically argues with the legitimacy of referring to novelty: “... What exactly is ‘new’ about the digital medium? Some of the concepts explored in digital art date back almost a century, and many others have been previously addressed in various ‘traditional’ art. What is in fact new is that digital technology has now reached such a stage of development that it offers entirely new possibilities for the creation and experience of art.” Paul also considers “digital art” as digital-born, computable art that is created, stored and distributed via digital technologies and employs their features as its very own medium (Paul, 2017: 7–8).

Today, the development of media art is already completely inseparable from the newest digital technologies. Perhaps for this reason, various concepts of “new media art” and “digital art” remain commonly used and interchangeable in the Russian researches. All these terms refer to a set of artistic quests involving the possibilities of media, including digital tools.

Some researchers introduce new authorial terms to characterize the contemporary artistic field. For example, S. Dixon speaks of a self-sufficient “digital representation” – a theatrical or performative event in which computer technologies play a key role in content, technical, aesthetic or form-building factors (Dixon, 2011: 41). The various interpretations of the theme and concept of media art that are relevant today in the domestic space, in combination with theoretical and project-methodological approaches, are presented in the collection “Media Art – XXI Century. Genesis, Artistic Programs, Educational Issues” (“Media Art – XXI Century”, 2023). The collection examines the concept of “post-digital art”, which is defined as creative activity aimed at humanizing computer technologies through interaction between digital, biological, cultural and spiritual systems (Sazikov, 2023: 206–207), a wealth of articles present authorial terms, a glossary of terms related to the mediatisation of art is proposed.

Most diverse manifestations media technologies are actively integrated into choreographic art today. This changes the dance familiar look, the artistic staging process understanding and the expression means, including the main ones – those related to corporeality, with the expressive potential of the human body.

The problem statement

The use of media technologies is possible at all stages of the staging work on a choreographic work, related to the development of the idea and script, the creation of musical accompaniment and scenography, the composition of choreography. In domestic studies, the artistic techniques of choreographers and dance artists in working with new media tools are just beginning to be considered as a logical development of the artistic production process in the context of technological progress. The focus of this article is to identify the continuity between the artistic ideas of the avant-garde of the 1910s-1920s, the neo-avant-garde of the second half of the 20th century, and the approaches of directors to working with new technologies in creating choreographic performances in the period 1990–2010s. Based on the historical and

descriptive-analytical methods typical of the art history approach, the study will demonstrate the demand for some artistic strategies of the avant-garde in the modern period.

Main content

It cannot be said that theatrical directors were distrustful of emerging media technologies at the time of their initial development. On the contrary, they responded readily and enthusiastically. As early as the first third of the 20th century, there are examples of the inclusion of modern media instruments at the time into the framework of theatrical performances. One of the first mentions of the idea of introducing a screen “window” into the theatrical space is found in the project of “total theater” by Erwin Piscator and Walter Gropius in 1927 that was not implemented: “A transformer stage that could rotate, rise up and down, and a screen could be hung on the back wall and the actors’ actions could be synchronized with what was shown on it. At this time, Piscator was looking for ways to expand the capabilities of the stage, so he was the first in the history of theater to start using screens and video” (Petrushanskaja, 2019: 103). In the Soviet drama theater and on the opera stage, the involvement of cinematic effects in the artistic canvas was not something exceptional. For example, in the staging of E. Kshenek’s opera “Johnny Plays” (Small Opera and Ballet Theater, 1928) on the domestic stage, for the first time, a whole series of technical solutions was implemented: the performance was “radiofied and cinematographed”, loudspeakers were used (Uchitel’, 2013: 81). With such technologically advanced performances, Soviet directors were ahead of Western European theatrical avant-garde. “Johnny Plays” marked a new path of development for scenography and anticipated modern video mapping, which took root in the academic ballet theater and became a replacement for the usual picturesque-illusory scenery (confirming examples of performances are described in the articles (Drobysheva, 2017: Devyatova, 2022)).

The genetic origins of media art are discussed in detail in Western and Russian monographs and studies (Paul, 2017; Ugay, 2018;

Friedman, 2023). Futurism, Dadaism, Surrealism are considered the starting point for the emergence of the aesthetics of media art, with outrageous tendency to transform the essence of painting through montage cinema techniques, through changing impressions and involving the audience in what is happening. In parallel, there is also a desire to study technical innovations – primarily through cinema.

At the time of its direct emergence in the 1950s-1960s, media art manifested in Western neo-avant-garde art: artistic experiments, actionism, performance. Taken to their extreme avant-garde ideas like concerts of sounds generated by the space and the audience, “exhibitions of emptiness” led art to its limit: the breakdown of norms took place, artistic mastery was reduced to the “zero level” (Moles, 1975: 48), art lost individuality and turned towards based not on the aesthetic but on the creative collective industries (Menshikov, 2017: 132). This opened the way to a new cult of the demand for techniques of randomness, intermediality and interactivity, declared in the first third of the 20th century.

The technological progress ideas came to the media art including thanks to kinetic art of the early 20th century. In contrast to Western experiments, the idea of “ultimate internal organization – in the sense of the interdependence of parts and the whole – and the proportionality of all elements or centers of tension of a work of art on a common – imaginative – basis for them” (Nussberg, 1966) continued to exist and develop in Soviet kineticism² of the 1960s-1970s. At the same time, dramaturgical precision incorporated the principles of synthe-

² Kineticism is a trend in the visual arts plays on the effects of real movement of the entire work or its individual forms. Elements of kineticism have existed since ancient times in the form of various kinds of manual or mechanical tricks that enlivened sculpture, architecture, applied arts (moving figures of clocks, etc.), especially in theatrical scenography. But only in the 20th century, primarily in the mainstream of constructivism, did it become completely isolated as a movement in individual sculptural objects set in motion by technology, manually or by natural elements (mobiles by A. Calder, designs by N. Schöffer), or in entire environments. Sound and light effects are often additionally used. By now, the previous electromechanical control principles have been replaced by software and computer ones, expanding the possibility of spectator co-creation.

sis of arts both with each other and with scientific and technological achievements. Kinetic artists gave an important place to interaction with the audience [1], occupies a key place in modern performative practices. We assume that the reasons for such a contrasting artistic manifestation of the same principles of synthesis of arts and their interactivity is in the different value orientations of artists, but this hypothesis requires separate consideration and collection of evidence, which is not within the scope of this article.

The history of the emergence of the concept of computer choreography and modern directions of its development are highlighted in the articles (Gryzunova, 2022; Gryzunova, 2023).

The active inclusion of new technologies in the form of computers in the creative process of creating design and choreography also dates back to the second half of the 20th century, when the possibilities of television, video recording and video editing are used and the reproduction of images on monitors is being improved (Gryzunova, 2022: 9).

The range of application of media technologies fluctuates between two poles: one part of artists advocates for the applied (auxiliary) application of media technologies with their partial integration into the process of human creativity, the other part seeks ways to delegate creative functions of a person to machines.

Let us consider examples of the use of media technologies in experimental dance, presented by Western and domestic artists of different years, in order to illustrate the dynamics of technical development, how media technologies determine the concept and structure of the production, and some points of intersection of production concepts with the techniques of avant-garde artists.

“Biped” by Merce Cunningham³

Merce Cunningham, according to him, planned to base the idea of the production on the idea of quickly switching television chan-

nels (“channel hopping”): “Dance gives me a sense of channel hopping on television” (Bryars, 2011). In accordance with the tradition established by Cunningham and John Cage, composer Richard Bryars and choreographer did not discuss a direct, unambiguous connection between music and choreography. Bryars⁴ began work, deciding to do without relying on the choreographer’s idea and based on the requirement of a forty-five-minute duration of the piece. However, there were still common conceptual points of intersection between the music and the choreography. Thus, the key to the design and choreography was Cunningham’s intention to combine digital moving projections with the dance of real performers. Accordingly, Bryars used this idea of “doubling” sound layers in the music. The narrative was set by traditional strings: violin, cello, double bass. Electronic instruments (electric guitar and keyboards) were mixed with traditional strings, percussion and pre-recorded sounds.

In the production, pre-recorded dancing avatars are projected onto a translucent screen from behind, creating the effect of direct interaction between physical and virtual bodies. Cunningham used “motion capture” technology in collaboration with digital artists Shelley Eshkar and Paul Kaiser. Seventy dance phrases were transferred to digital images. The dance of real performers, composed using the “Life-Forms” program, was a sequence of solos, duets, trios, ensemble interactions. Sometimes the dance of digital “shadows” arose by itself in the absence of dancers, sometimes it was superimposed on the dance of performers.

The boundaries of the bodily were shifted, being embodied in virtual moving figures. Eshkar’s hand-drawn abstract lines, figures, animated dancer movements were combined with the dance of real performers on stage. At the same time, the changing forms of computer abstractions, the dance of digital dancers and real ones remained independent of each other, just as the music and choreography were.

In Cunningham’s aforementioned performance, there is no yet the idea of an interactive mutual influence of all components on each

³ The premiere of the “Biped” took place at the University of California Concert Hall on April 23, 1999. Choreography – Merce Cunningham, music – Gavin Bryars, design – Shelley Eshkar, Paul Kaiser, costumes – Susan Gallo, light – Aaron Kopp.

⁴ Richard Gavin Bryars (born 1943) is a British composer. He studied with D. Cage and M. Feldman.

other in real time. But the strategy of introducing media technologies in composing music and choreography corresponds to the techniques of randomness and intermediality.

“The Rite of Spring” by Klaus Obermaier⁵

Klaus Obermaier (born 1955) is an Austrian media artist, choreographer, composer, and director. He seeks forms of interaction between various types of art with digital media. His creation of synthetic media projects continues the line of development of artistic and technological ideas set in the early 20th century by artists of the Western and Soviet avant-garde of the 1920s, who synthesized the possibilities of design, cinema, video, light and movement.

Obermaier calls his artistic experiments “intermedia”⁶ (Mocan, 2013: 250). It is intermediality that allows Obermaier’s art projects to be in demand by various festivals: theater, music, dance, new media festivals, exhibition projects. This same quality interests different audiences.

Obermaier’s creative activity in the fields of music and graphic design is supported by his independent mastery of programming and his research interest in the possibilities of combining different media.

In 2006, the Bruckner Festival in Linz premiered an interdisciplinary project: Igor Stravinsky’s score “The Rite of Spring”, played by the Bruckner Orchestra under the direction of conductor Dennis Russell Davies, was accompanied by a reproducible multimedia 3d-reading on the screen.

The latest media technologies at the time played a key role in translating Stravinsky’s music into a visual sequence.

The orchestra was located in the space of the concert hall, a large screen was placed be-

hind the orchestra, and to the right of the orchestra, out of the direct line of sight, was a modest dance space for performer Julia Mach. Through stereo cameras, the dancer’s figure was projected onto the screen in the form of a “digital double” in 3d space. Her figure on the screen was surrounded by various dynamic images: from letters to abstract lines and figures. In 3d space, the dancer’s “digital” body was deformed: either her arms were unnaturally elongated, wriggling like snakes, or separate limbs appeared on the screen instead of a whole body, or the dancer’s figure multiplied, generating a “corps de ballet” of clones. This project is dominated by the visual and sound component, but at the same time there is a desire of the author to provoke the audience to a direct kinesthetic reaction through the use of 3d glasses by the audience.

Thanks to thirty-two microphones, the sound of the orchestra was integrated into the interactive process: musical motives, individual voices of instruments influenced the movement of abstractions, the complexity of screen projections and the “digital” dancer. Thus, according to Obermaier’s concept, music also participated in the “choreography” of the 3d space.

Obermaier’s project is built on the idea of interactivity: the sound sequence influences the visual sequence. The powerful organizing principle of this experiment is the initially theatrical, dramatically precise score of Igor Stravinsky. It is she who gives the spectacle a dramaturgical backbone and becomes an important tool for retaining the attention of the audience.

The project reveals a tendency characteristic of the avant-garde of the 1960s to merge arts into a single synthetic form, where the performative nature prevails over the theatrical.

“OUT/IN” by Anna Abalikhina⁷

Choreographer Anna Abalikhina’s creative interest is focused on productions of an

⁵ The premiere of “The Rite of Spring” took place on September 10, 2006 at the Bruckner Festival (“Brucknerfest” – an annual series of musical events in Linz, Austria) in the Brucknerhaus Linz Hall. The choreographer himself, the Ars Electronica Futurelab media lab, sound engineer Elua Hammer (Alois Hummer), and lighting designer Wolfgang Friedinger participated in the creation of the effects.

⁶ Intermediality – the combination of artistic means of different types of art (visual, performative, sound). The term “intermedia” goes back to the neo-avant-garde of the 1950s-1960s and is associated with the name of Dick Higgins.

⁷ The premiere of the performance “OUT/IN” took place on December 12, 2009 at the “Tsekh” contemporary choreography festival, the “Assembly Hall” venue, Moscow. Choreographer Anna Abalikhina, video artist Nikita Tsymbal, programmer Sergey Komarov, costume designer Maria Smirnova.

interdisciplinary format. Her artistic concepts grow at the intersection of performance, bodily practices, media technologies, but at the same time they can be quite theatrical, if we mean theatricality as the presence of traditional dramaturgy and choreographic imagery. Consider the artistic solution of the performance “OUT/IN” (2009).

The performance “OUT/IN” (music by THE HET) is an interdisciplinary project, created with the participation of choreographer Anna Abalikhina, video artist Nikita Tsymlal, programmer Sergey Komarov, and costume designer Maria Smirnova. Using “motion tracking” technology, the camera captures the dance, and the video artist transforms the movement into an image.

The performance is based on the interaction of the dancer (Anna Abalikhina) with the white space of the floor, onto which light drawings are projected. The basis of the emerging drawings is simple geometry (lines perpendicular to each other, shapes of a rectangle and a circle). At the beginning, thin dark lines either cut through the entire stage space, or are superimposed on each other, or multiply, developing the architecture of space, or merge into a single segment. Part of the performance takes place in the dark – in these moments, the lines are light beams. Gradually, they are transformed into a rectangle, the sides of which periodically vary in size, creating the illusion of a constant struggle between light and darkness. In the final part, the main form becomes a circle, within the light space of which the dancer is enclosed.

The graphic image and the noise accompaniment of the performance arise from the dancer’s movements, which are built according to a certain dramaturgy. The first part is floor-based and meditative. The dancer, dressed in a white dress, slowly crawls along the forming lines, stretching out her arm strictly in the direction of the light projection. In the second part, the dancer provokes the transformation of space with dynamic slides, rises from the floor to the vertical, movement of the hands. The lines begin to dynamically either multiply or merge with each other. Then, on the contrary, the expanded light space to a rectangle begins to close up and limit the dancer, who, on the

contrary, strives to maintain as much range of motion as possible. The third part, marked by the emergence of a light circle, is again characterized by movement asceticism. From the dancer’s twists, either on the floor or on the vertical, “waves” diverge from the circle, the intensity of lighting constantly fluctuates. The performance ends with the destruction of geometry: the lines flicker randomly, then dark spots flicker instead of lines. The light “chaos” absorbs the dancer’s figure: her white dress merges with all the light effects. Her movements, whether dynamic or slow, are almost completely lost in the “raging” projection. Gradually, the flickering subsides, again there is a white floor space, to which the motionless dancer has fallen.

This high-tech “choreographic installation” is built on the combination of pure geometric forms with corporeality. The visual, sound, kinesthetic interaction of the dancer’s body with the geometry of space is interactive and inseparable from each other. It is difficult to say what it is: human intervention in the light projection, or intervention of the light projection in the bodily. Perhaps it is from this dilemma that the essence of the considered performance grows. Elementary geometric shapes, reacting to the dancer’s movements, play an important role in creating a “visual” rhythm. In essence, this is a “pure forms theater”, with which they experimented at the Bauhaus, only already in the digital “register”.

Discussion and conclusions

The productions considered illustrate two artistic trends:

- 1) constant renewal and improvement of technical tools as an artistic component;
- 2) the presence of artistic principles in productions: randomness, intermediality (the desire of all arts to merge into a single synthetic form), interactivity

Productions of different periods clearly show both the directions of technical development and the preserved avant-garde trends. Only the technical entourage changes, which becomes increasingly complex and sophisticated in its effects (see materials: “Old and new media: forms, approaches, trends of the XXI century”, 2019;

Gribov, 2023). The main characteristic of the considered performances is the intermediality of expressive means, the desire for an interactive interaction of various elements.

Obviously any new technology is with new possibilities also new limitations. Researchers of new media in art have already noted that high technologies entail specific forms of enslavement of the viewer. For example, in virtual space, a person himself becomes like a giant joystick: “The viewer must move to see the images, and at the same time is forced to remain tied to the machine” (Manovich, 2018: 152–153). A new enslavement becomes the dependence of stage spaces on additional technical equipment. The issue of “enslavement” of creative thought and the concept of authorship disappearance causes special discussions in the artistic community: creators enthusiastically delegate writing to computers, and recipients do not try to distinguish created by man from the artificial intelligence opuses (Lavrova, 2024: 155).

Technical innovations have another feature – over time, they inevitably become accustomed to, and the new no longer causes such a stir, being replaced by the latest trends. This quality of media technologies can also provoke the short-lived nature of modern works of media art: for some time, they are able to arouse

interest among the audience in themselves, but as a technological achievement, without following artistic goals, they will be short-lived.

Media technologies have already marked the onset of a new stage in the development of choreography. Supplementing the choreographer’s arsenal of expressive means, they simultaneously provoke a situation where it is increasingly difficult for directors to select the necessary means of influencing the audience and it is increasingly difficult to cope with them, in order to coordinate the potential of media instruments with artistic production goals. And yet, the directorial profession has long defined its main principle: “...it is necessary to select with the utmost rigor, discard the superfluous, refuse what does not belong to the essence” (Kozincev, 1973: 194). When working with media technologies in the context of dramaturgical tasks, the task inevitably arises – from the entire potential of expressive possibilities of media instruments, to use the necessary and sufficient minimum to reveal the idea. It is the coordination of the instruments with the artistic-dramaturgical idea that helps to get out of the contradictions brought about by media technologies. How artists seek aesthetic guidelines for coordinating new technologies with an artistic idea will be discussed in subsequent articles.

References

- «Media Art – XXI Century. Genesis, Art Programs, Educational Issues». *International Scientific and Practical Conference Proceedings of the International Scientific Conference*. 2023. 590.
- Berdnikova E. N., Ryzhova N. I. Transformation of The Concept of «Media» as an Information System in the Context of the Digitalization of Society. In: *Science and School*, 2023, (5), 76–88. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-76-88
- Bryars G. My meetings with Cage and Cunningham. OpenSpace.ru. 2011, June 6. Available at: <https://os.colta.ru/theatre/projects/106/details/23148/?expand=yes#expand> (accessed 11 July 2024)
- Devyatova O. L., Pichueva A. A. Dance Culture in the Digital Age. In: *Observatory of Culture*, 2022, 19(4), 372–380.
- Dixon S. Researching Digital Performance: Virtual Practices. In: *Research Methods for the Arts and Humanities: Research Methods in Theatre and Performance*. Edinburgh University Press, 2011, 41–62.
- Drobysheva E. E., Smekalov Yu. A. Modern technologies in the service of art: the new life of dance. In: *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2017, 3(50), 31–38.
- Drozдова A. V. Visualization as a Phenomenon of a Modern Media Society. In: *Discussion*, 2014, 10(51), 29–36.
- Friedman K., Díaz, L. Intermedia, Multimedia, and Media. In: *The Palgrave Handbook of Intermediality*, 2023, 1–27. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91263-5_43-1

- Gribov S. S. Multimedia technologies as a way of constructing a design code in a dance performance. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(4), 641–647.
- Gryzunova O. V. Analysis of strategies for the use of media technologies in choreography by a systematic literature review. In: *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, 2023, 2(85), 20–32.
- Gryzunova O. V., Petukhov Yu. N. The concept of computer choreography and modern directions of computerization of the staging process. In: *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, 2022, 6 (83), 6–18.
- Ignatova I. B. New media art as part of media culture. In: *Media-2022: theory and practice: to the 150th anniversary of the Moscow Pedagogic State University: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. M., 2022, 155–157.
- Kondakov I. V. Russian Media Revolution: Old and New Media in the Architectonics of Russian Culture. In: *Old and new media: forms, approaches, trends of the XXI century*, 2019, 12–50.
- Kozincev G. M. *The Space of Tragedy: The Director's Diary*. Leningrad, 1973, 231.
- Lavrova S. V. The Problem of Authorship in the Epoch of New Media. The Universal Digital Archive as a Source of Trans-Medial Transcriptions. In: *Music Scholarship*. 2024, no. 1, 145–156. DOI 10.56620/2782-3598.2024.1.145-156.
- Manovich L. *The New Media Language*. M., 2018. 399.
- McLuhan H. M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. M., 2007. 462.
- Menshikov L. A. The Types of the Creative Industries in the Action Art of the 1960th. In: *International Journal of Cultural Research*. 2017, 1 (26), 131–141.
- Mocan R. Klaus Obermaier: “My work is not simply visualisation. It’s a totally different thing!”. In: *Ekphrsis*, 2013, 2, 250–262.
- Moles A., Fuke V., Kassler M. *Art and computer*. M., 1975, 556.
- Nussberg L. V. Manifestos of the «Movement» group. In: *The Mirror*, 2019, 53. Available at: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2019/53/manifesty-gruppy-dvizhenie.html>
- Paul C. *Digital Art*. M., 2017. 272.
- Petrushanskaja E. M. Opera + Screen =? Prolegomena about the Existence of Opera Productions with Screen Spaces. In: *Old and new media: forms, approaches, trends of the XXI century*. 2019, 98–140.
- Popov V. O. Up to 80 % of the information about the world around us is given by sight. In: *Russian Newspaper: Special Issue “Science and Technology”*. 2016, 278 (7146), available at: <https://rg.ru/2016/12/07/vladimir-popov-do-80-informacii-ob-okruzhaiushchem-mire-daet-nam-zrenie.html>
- Sazikov A. V. & Evallyo V. D. Media Art – XXI Century: Genesis, Art Programs, Education Problems International Scientific Conference. In: *The Art and Science of Television*. 2023, 19(1), 201–223. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-201-223>.
- Uchitel’ K. A. Leningradsky “Jonny”. “Johnny is playing” by Ernst Krenek on the Maly’ Opera House stage. In: *The Musical Academy*. 2013, 4(744), 76–89, available at: <https://mus.academy/articles/leningradskii-dzhonni>
- Ugay I. I. Concept of Media in Art. In: *Issues of Cultural Studies*, 2013. 7, 93–97.
- Ugay I. I. Media art: origins, specifics, artistic strategies: dissertation ... Doctor of Art History. SPb., 2018, 341.
- Voevodina L. N. Visual Turnaround and New Cultural Practices. In: *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2023, 3(113), 97–103. DOI 10.24412/1997-0803-2023-3113-97-103.
- Voevodina L. N. Dynamics of Visual Studies and a New Discourse of Artistic Imagery. In: *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2022, 1(105), 54–62. DOI 10.24412/1997-0803-2022-1105-54-62

Cultural Studies Культурология

EDN: DIJKXA
УДК 93/94, 294.311.61

On the History of Buddhism in Tuva and the Formation of the Kamba Lama Institute in the Region

Olga M. Khomushku*

*Tuvan State University
Kyzyl, Russian Federation*

Received 06.02.2025, received in revised form 17.03.2025, accepted 25.04.2025

Abstract. The article examines the features of the arrival of Buddhism in Tuva in the context of sociocultural dynamics. The process of formation of the institution of Kamba Lama in Tuva is considered to be long and rather complex. The stages of institutionalization of Buddhism in the last century and up to the modern period are revealed. The author explores such historical events related to the development of Buddhism in the region in the last century as the Congress of the Buddhist clergy in 1917, the first All-Tuvan Congress of Lamas in 1928, and gives a description of the activities of famous Tuvan Lamas.

Keywords: Kamba Lama, All-Tuvan Congress of Lamas, Buddhist clergy, prayer yurt.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Khomushku O. M. On the History of Buddhism in Tuva and the Formation of the Kamba Lama Institute in the Region. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1002–1010. EDN: DIJKXA

Из истории проникновения буддизма и формирования института Камбы-ламы в Туве в контексте социокультурной динамики

О.М. Хомушку

*Тувинский государственный университет
Российская Федерация, Кызыл*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности прихода буддизма в Туву в контексте социокультурной динамики. Отмечено, что формирование института Камбы-ламы

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: hom17@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5280-4911

в республике – длительный и довольно сложный процесс. Раскрываются этапы институционализации буддизма в прошлом веке и до современного периода. Автор исследует исторические события, связанные с развитием буддизма в регионе в прошлом веке, – съезд буддийского духовенства в 1917 году, первый Всетувинский съезд лам в 1928 году, дает описание деятельности известных тувинских лам.

Ключевые слова: Камбы-лама, всетувинский съезд лам, буддийское духовенство, молитвенная юрта.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Хомушку О. М. Из истории проникновения буддизма и формирования института Камбы-ламы в Туве в контексте социокультурной динамики. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1002–1010. EDN: RBGZJO

Когда можно говорить о проникновении буддизма в Туву? Здесь необходимо, видимо, определиться, что имеется в виду – появление первых буддийских артефактов в виде текстов, образцов малой скульптуры – статуэток и т.д., или же осмысление местным населением мировоззренческих постулатов буддизма. И поскольку первое в большинстве случаев не оставляло следов дальнейшего широкого распространения, то в таком случае не удивительно, что исследователи отмечают несколько так называемых волн прихода буддизма в Туву. Так, «согласно данным китайских летописей первое знакомство с буддизмом конгломерата монголо-язычных и тюркоязычных племен, к которым относятся тувинцы, по-видимому, могло произойти еще на рубеже III–II вв. до н.э., в период хуннской державы, однако его сколько-нибудь широкого распространения среди кочевых народов центрально-азиатского региона не обнаружено, хотя отдельные буддийские идеи могли иметь ограниченное воздействие на незначительную часть кочевнической элиты» (Safronova, 2009). Документально же можно говорить о первом соприкосновении с буддийской религией среди кочевников, населявших территорию Тувы лишь в 6 в.н.э. (Abaev, Khomushku, Bicheldej, 2013).

Не слишком продолжительной, хотя и оставившей свои следы, была и следующая волна – в период Уйгурского каганата (8–9 в.н.э.).

На знакомство тувинских племен с буддизмом указывают изображения будды Амитабхи, впервые распространившиеся в Туве в уйгурский период (Mongush, 2015).

В XIV в. буддизм из Монголии уже основательно проник в Туву.

По словам М.В. Монгуш, «первоначально пропагандой буддизма занимались в основном представители местной правящей верхушки, стремившиеся шире и глубже внедрить его в тувинскую среду; распространение его здесь происходило исключительно «сверху». Попытки пропаганды его «снизу» практически не отмечены, так как эти слои общества по-прежнему продолжали оставаться во власти народных верований, в первую очередь шаманства» (Mongush, 2007).

В первую очередь буддизм ассимилировал наиболее социально значимые культы: неба, земли, огня, духов местности, промысловые (скотоводческие и охотничьи) и ряд других. Большинство из них восходили к древнетюркскому периоду (VI–VIII вв.), о чем свидетельствуют письменные источники: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву приносят лошадей, быков и мелкий скот» (Kyzlasov, 1969).

Таким образом, мы можем говорить не просто о приходе буддизма в Туву. Как видим, эти приходы были и ранее, но по-

степенное «врастание» буддизма в саму местную культуру, ее систему ценностей и представлений позволяет говорить о длительном, но поступательном процессе приспособления буддийских культов к культам местным, автохтонным, что в мировоззрении населения фиксировалось как единая синкретичная система, где добуддийские представления довольно органично сочетались с буддийскими воззрениями. Начинается строительство монастырей, дуганов, которые постепенно становятся своеобразными социокультурными центрами, включающими в себя не только распространение образования, но и оказания медицинских услуг, развития художественной культуры.

Интересно, что первоначально роль сооружений, в которых бы отпраздновались буддийские обряды, проходили богослужения, собирались ламы, выполняли обычные войлочные юрты, и только к концу 18 века стали появляться первые стационарные постройки, а первыми такими монастырями, построенными в Туве, были Эрзинский – 1772 г., Самагалтайский – 1773 г. Хотя на сегодняшний день есть свидетельства о том, что дата строительства Самагалтайского хурэ относится к более раннему времени – 1662 г.

Вслед за первыми монастырями стали строиться другие, постепенно они появились во всех кожуунах Тувы. В Бейсе кожууне были построены монастыри Бай-Кара (1809), Чаа-Хол (1811), Сарыг-Булун (1824); в Тоджинском – Овгон (1815); в Оюн-нарском – Нарын (1850); в Хемчикском – Коп-Соок (1857), Нижнечаданский (1873), Верхнечаданский (1907) и др.

В 1914 г. был установлен протекторат России над Тувой, при этом следует отметить, что ни буддийские монастыри, ни сами ламы не испытывали никаких притеснений со стороны российских чиновников. Более того, именно в это время впервые поднимается вопрос об организационном институциональном оформлении буддизма.

Так, в 1916 г. в Восточной Сибири обсуждалась идея «автономии ламаистского духовенства Урянхая». На тот период Петербург не поддержал данной инициативы,

в письме министра иностранных дел, направленном в начале 1917 г. в Иркутск, отмечалось: «Я принужден, однако, откровенно высказать Вашему Высокопревосходительству мои сомнения относительно возможности достигнуть этого результата таким административным приемом, как учреждение русской властью при Урянхайском крае должности Бандидо-Хамбо с правами Ширетуя» (Dacyshen, 2005). Таким образом, в период протектората отчасти созрели внутренние предпосылки к организационному оформлению автономии буддийской сангхи в Туве, однако руководство России, не желая осложнения Урянхайского вопроса в условиях Мировой войны, данных планов не поддержало (Mollerov, Samdan, 2022; Mollerov, 2014).

По материалам Национального архива Республики Тыва, «во исполнение поручения иркутского губернатора, 1–2 марта 1917 г. Комиссар В.Ю. Григорьев созвал съезд буддийского духовенства Тувы. Главной целью его было утверждение тувинским сообществом Лопсан-Чамзы в должности Пандидо Камбы-ламы», «объединение буддийского духовенства под властью одного лица, которое будет отстаивать их интересы», – Пандидо Камбы-ламы».

После революции 1917 г. вопрос о статусе Тувы вновь становится актуальным. Не последнее место в его решении занимает тема об автономии тувинского буддийского духовенства. Последующие события – гражданская война в России, установление власти Колчака в Сибири – способствовали тому, что в 1919 г. тувинская делегация во главе с духовным лидером Лопсаном-Чамзы встретила с министрами колчаковского правительства, после чего «Указом Верховного правителя России» Лопсан-Чамзы был утвержден духовным руководителем (Бандидо-Хамбы-лама) Урянхайского края, «был награжден орденом «Святой Анны» второй степени» (Mollerov, Samdan, 2022).

Дальнейшая судьба Лопсана-Чамзы трагична, поражение колчаковской армии не позволило ему вернуться домой, год он жил в Бурятии, затем переехал в Монго-

лию, в 1929 г. получил разрешение и вернулся в Туву. В 1930 г. был арестован и расстрелян по пути в Кызыл.

Сама история формирования института Камбы-ламы в Туве тесно связана с историческими событиями – Народной революцией и образованием Тувинской народной республики в 1921 г. И хотя на этот счет тоже идут определенные споры, нам представляется, что в любом случае определение Тувы как самостоятельного государства, выработка своих мировоззренческих ценностей и формирование своего ментального пространства и стали теми важными ориентирами, которые, сути, способствовали формированию такого важного духовного института – института Камбы-ламы, самостоятельного духовного лидерства в системе буддийских ценностей.

Именно поэтому важным событием для того времени стал Всетувинский съезд лам (Буддийский собор), состоявшийся весной 1928 г. Примечательным, раскрывающим специфику политической ситуации того времени является то обстоятельство, что в организации проведения собора, а также в его работе участвовали члены правительства и ЦК ТНРП. Причем это вполне объяснимо, поскольку практически все государственные деятели того времени получили образование либо непосредственно в тех или иных буддийских монастырях, либо получили домашнее образование, учителями при этом выступали те же ламы. (Khovaly, 2007).

Уже в 1927 г. на очередном заседании Совета министров тувинского правительства (зафиксированном в протоколе N 16, параграф 3, пункт 1) был поднят вопрос о ламаизме. Инициатором был Куулар Дондук, получивший в свое время образование в Монголии, по свидетельствам очевидцев, имевший ученую степень кандидата философии. Выступая на заседании, Куулар Дондук, бывший в то время председателем Совета министров, сказал: «В настоящее время мы, тувинский народ, являемся свободной республикой, но в силу некоторых обстоятельств и принятой нами Конституции, где говорится, что в целях обеспечения

за трудящимися свободы совести, церковь отделяется от государства и религия объявляется частным делом каждого гражданина (Конституция, раздел 2, глава I), то значительная часть населения как бы отделена и находится почти вне закона».

Результатом этого выступления явилось решение о создании комиссии по ламскому вопросу, которая должна была обсудить возможность проведения «всеобщего ламаистского» съезда в Туве. Для консультирования правительства по этим вопросам из Верхне-Чаданского хурээ был приглашен лама Джигмит. На заседании от 28 января 1928 г. Джигмит предложил, чтобы комиссия сама назначила делегатов, наиболее достойных среди лам.

Надо отметить, что съезд носил очень представительный характер: из 33 делегатов 12 были кандидатами богословия, остальные тоже имели образование, причем многие учились в Монголии. Специальное образование по астрономии имело 5 человек, по медицине – 9 человек. Владели языками: монгольским разговорным – 16, монгольским письменным – 7, читали по-тибетски – 33, тибетским разговорным владел один человек.

Проведение первого Всетувинского буддийского собора было, безусловно, знаменательным событием, которое могло бы в дальнейшем оказать значительное воздействие в вопросах, связанных с взаимоотношениями государства и религиозных организаций, с развитием духовной культуры. Съезд показал, что есть пути взаимодействия государства и духовенства, что духовенство готово сотрудничать с правительством по вопросам, связанным с воспитанием и образованием, с сохранением духовных традиций и обычаев. Но, к сожалению, эти возможности так и не были востребованы в дальнейшем, более того, о том, что в тридцатые годы в Туве была такая возможность – консолидации духовной и светской власти, впоследствии даже не говорилось ни в научной, ни в популярной литературе (Khomushku, 1998).

В последнее время в научной литературе стала оспариваться первичность буд-

дийского собора 1928 г., в ряде документов фигурирующего как первый Всетувинский съезд лам. Так, по мнению Н.М. Моллерова и А.А. Самдан (Mollerov, Samdan, 2022), «называть буддийский собор, прошедший в 1928 г., первым буддийским собором (съездом) в Туве неправильно, так как были более ранние съезды» (с. 125). Не оспаривая факт проведения более ранних собраний тувинских лам, хотелось бы отметить, что, пожалуй, только буддийский собор 1928 г. носил достаточно масштабный характер, имел под собой целью объединение светской и духовной власти, а также выработку направлений дальнейшего развития буддизма в Туве, кроме того, в подготовке съезда непосредственное участие принимали представители молодого правительства ТНР.

Г.Ч. Ширшин в своей работе говорил, что после съезда религиозная жизнь в Туве оживилась, увеличилось число монастырей, а количество лам вместе с их учениками составило около 3500 человек. Это, конечно, встревожило партийные органы, поэтому на январском (1929 г.) Пленуме ЦК ТНРП даются установки, ставшие поворотными к жестким репрессивным мерам против религиозных институтов, после чего было принято специальное постановление Президиума Малого Хурала, где церковь лишалась своей собственности, а духовенство – поддержки органов народной власти и прав юридического лица (Shirshin, 1972).

Волна репрессий прокатилась по всей Туве. Начались массовые закрытия почти всех монастырей и дуганов. Так, в Дзун-Хемчикском районе действовало два самых влиятельных хурээ, один из которых был построен в 1878 г., другой – в 1907 г., если в обоих монастырях в 1929 г. вело религиозную службу 350 лам, то через год (после принятия вышеприведенного специального постановления) их осталось только 36, в 1931 г. – трое, а в 1932 – не было уже ни одного ламы.

Ранее в работе О.М. Хомушку (1998) было отмечено, что «в апреле 1946 года вблизи г. Чадана Дзун-Хемчикского района была создана молитвенная юрта, где ламы

стали отправлять религиозные обряды (инициатором создания был лама Монгуш Чымба Амырты). На момент создания молитвенной юрты постоянно находящихся лам было всего шесть, к 1947 г. их число увеличилось до девяти. С 1946 по 1953 год настоятелем этого своеобразного дугана становится лама Хомушку Амырта (1893 г.р., уроженец и житель Барун-Хемчикского района, сын крупного ламы, обучался буддизму с 8 лет, первый духовный сан получил в 20 лет, в 1913–1926 гг. служил в одном из Улан-Баторских храмов)» (Khomushku, 1998).

В 1946 г. на Учредительном собрании буддистов СССР в г. Улан-Удэ руководитель делегации лам из Тувы Хомушку Амырта выступил с инициативой самостоятельного существования буддистов Тувы. Был избран одним из 4 заместителей председателя Центрального Духовного Управления буддистов России (ЦДУБ) с присвоением духовного сана Дид-Хамбы.

С 1947 г. при молитвенной юрте находилось уже около 20 лам, живущих здесь нерегулярно, поскольку многие из них имели семьи. Постепенно сюда стали съезжаться и более авторитетные ламы (например, лама Тюлюш Чульдун-Мунзук). Вообще период 1947–1950 гг. был периодом наиболее оживленной деятельности лам. Значительным было количество обращающихся за помощью, а также число пожертвований. После смерти ламы Хомушку Амырта настоятелем стал лама Чамдылай (Тюлюш Чамдылай Сюрюнович, 1912 г.р., уроженец и житель Чаа-Хольского района, в 1921–1928 гг. Обучался в хурээ, имел сан хелин). При Чамдылае ламы не разъезжались из юрты, но находились здесь постоянно, т.е. постепенно молитвенная юрта приобрела функции постоянно действующего культового места.

В январе 1958 г. настоятелем молитвенной юрты избирается Тере-Комбу (Тюлюш Тере-Комбу Дандар, 1897 г.р., уроженец Чаа-Хольского района, в прошлом имел сан кепши).

Рядом с молитвенной юртой было расположено несколько деревянных домов

и юрт, в которых жили ламы, что позволяет говорить о своеобразном приближении к деятельности буддийского монастыря. Несмотря на растущую популярность культовой деятельности среди населения и неоднократных просьб самих лам, молитвенная юрта официально не была зарегистрирована, хотя верующими в 1960 г. была собрана значительная сумма на постройку дугана – 45 тысяч рублей (по тем временам это были очень большие средства!). Кроме того, тувинское духовенство расширило свои контакты с бурятским духовенством, так, по распоряжению ЦДУБ в молитвенную юрту под Чаданом были переданы предметы культа, литература и т.д., а ламы Адья и Хомушку Кенден были направлены в Иволгинский дацан и зачислены в нем штатными ламами. Позднее Хомушку Кенден неоднократно приезжал в командировки в Туву, курируя работу местных лам.

Возрастающая активность буддийских священнослужителей не могла не вызвать беспокойства у государственных органов, поэтому в 1959 г., объявив о возможной регистрации буддийской общины, уполномоченный по делам религиозных культов в Туве Г.В. Иванов предложил составить список работающих в молитвенной юрте лам. Проблема заключалась в том, что из 20 лам нужно было оставить только 12, рекомендованных ЦДУБ России, остальным было предложено разъехаться по месту жительства, а с подобным решением ламы не могли согласиться. Обвинив последних в несоблюдении существующего законодательства о религиозных культах, партийными и советскими органами был проведен ряд агитационно-пропагандистских мероприятий «по разоблачению деятельности лам». 18 июля 1959 г. в газете «Шын» публикуется статья «Усилить борьбу с влиянием буддийской религии», затем в течение последующих месяцев в газете было напечатано около 25 писем в поддержку данной статьи. В самом Дзун-Хемчикском районе проведено «64 собрания, где присутствовало 9600 человек, выступило с осуждением деятельности лам 320 человек». Результатом подобной жесткой политики явилось

уменьшение числа людей, обращающихся к ламам молитвенной юрты близ Чадана. Так, если до 1959 г. количество посещающих юрту составляло 60–100 человек в месяц, то после 1959 г. – 25–30 человек в месяц (с нашей точки зрения, в данном случае интересен не сам факт уменьшения числа обращавшихся к ламам людей, это вполне закономерно, а то, что, несмотря на общую идеологическую направленность всех акций, определенная часть населения все же оставалась устойчива в своих мировоззренческих ориентациях и продолжала посещать молитвенную юрту, несмотря на запреты). Более подробно эти события описаны в ранее опубликованных работах (Khomushku, 1998, Khomushku, 2016).

На основании того, что «количество верующих значительно уменьшилось», а также ряда других причин (в частности, обвинений в несоблюдении законодательства), в феврале 1960 г. с ламами молитвенной юрты была проведена «беседа о невозможности регистрации, а также сделано предложение выехать на постоянное место жительства», в июне того же года было созвано собрание лам, на котором было сообщено о прекращении деятельности юрты. Все культовое и хозяйственное имущество было передано в местные колхозы, денежные суммы (общая сумма составила 41 тысячу 375 рублей) были переданы в областной бюджет (Khomushku, 1998).

Интересно, что параллельно с данным решением в ЦДУБ были даны соответствующие указания о том, что «впредь нежелательно командировать в Туву из Иволгинского дацана ламу Хомушку Кендена, поскольку его приезд будет только возбуждать часть лам к возобновлению деятельности».

Молитвенную юрту, на деятельность которой долгое время смотрели сквозь пальцы, прикрыли и имущество конфисковали. *Хомушку Кенден вынужден был сдать его в краеведческий музей в Кызыле, а затем окончательно переехать в Иволгинский дацан, где трагически погиб в 1980 г. – был застрелен в своей келье (точная дата его гибели в разных источниках звучит по-*

разному – 1979, 1980, 1985 гг.) (Khomushku, 2016).

На 1960 г. в Туве не было ни одной зарегистрированной религиозной общины или объединения. По данным информационных отчетов, в области насчитывалось около 50 лам и шаманов, наиболее активно действующих в западных районах Тувы (Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Овюрском). Из наиболее известных в тот период лам были – Монгуш Хорлуу, поселившийся на территории колхоза «Красный пахарь» Дзун-Хемчикского района и продолжавший свою деятельность, лама Кунзен, а также бродячий лама Баданчап.

В 1981 г. в Туве, по неполным данным, культовой деятельностью занималось 12 лам и 24 шамана, в 1984–11 лам и 38 шаманов. В основном они проживали в Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Улуг-Хемском и Овюрском районах. Ими проводились обряды, связанные с похоронами, поминками, свадьбами, в некоторых случаях с лечением и знахарством. Наиболее известными ламами были Куулар Шымбай-оол, Донгак Комбу, Монгуш Комбу из Дзун-Хемчикского района, Очурчап Александр, Монгуш Мактар. Лама Монгуш Комбу проводил гадание на «шо» (специальные гадательные косточки кубической формы), подобное гадание применялось при определении болезни людей, при потере животных. Кроме этого, ламы проводили обряды определения дня похорон, свадеб, определения направления выноса тела умершего (тув.– «чук айтыр» – «указать сторону горизонта»). Балдан Кунзат из Улуг-Хемского района, Куулар Шымбай-оол, Очурчап Александр постоянно поддерживали связь с Иволгинским дацаном в Бурятии, несмотря на все официальные препятствия этому.

Тем не менее, несмотря на столь разветвленную пропагандистскую систему, влияние традиционных религиозных верований все же было достаточно устойчивым, и это поразительно (!), хотя следует отметить, что из-за отсутствия базы воспроизводства буддийского вероучения

(школ, храмов и т.д.) лам, имеющих образование, становилось все меньше. В 1987 г. наиболее известными ламами были Очурчап Александр Дандарович (79 лет, родом из Кара-Тала, в свое время учился в Чаданском хурээ – четыре года и Тюлюштерском хурээ – четыре года, в 1938 г. окончил фельдшерские курсы) и Куулар Шымбай-оол Торлукович (88 лет, родом из Баян-Тала, учился в Чаданском хурээ). В основном верующие обращались с просьбами проведения обрядов семейно-бытового цикла – свадьба, похороны, поминки, иногда – обрядов лечебного плана.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на разрушение культовых буддийских сооружений, репрессии по отношению к буддийским священнослужителям, линия преемственности буддизма даже в эти годы не прекращалась, о чем свидетельствуют отчеты Уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров Тувинской АССР.

В 90-е годы прошлого века начался процесс возрождения буддизма в Туве. По мнению Ч.М.-Х. Тензин, «в 1990 году было создано первое буддийское общество «Алдын Богда», в том же году в сумоне Кызыл-Даг Бай-Тайгинского кожууна был построен первый (после долгого перерыва!) буддийский храм, инициаторами выступили известные художники-камнерезы Саая Когел и Сергей Кочаа, тогда же был открыт еще один буддийский храм в городе Кызыле – «Тувдан Чойхорлинг» (Tenzin, 2018).

Таким образом, анализируя сохранившиеся архивные документы, материалы археологических экспедиций, а также другие артефакты, можно говорить о том, что на территории Тувы буддизм как вероучение, исповедуемое местным населением, имеет достаточно давнюю историю, при этом факты институционализации верховного управления буддийскими монастырями, руководства тувинской буддийской сангхой, установление института Пандито-Хамбо-ламы имели место быть уже в начале 20 века, о чем свидетельствуют съезд лам в 1917 г., обращение об установлении института Пандидо-Хамбо-ламы к верхов-

ному правителю Сибири, Всетувинский съезд лам в 1928 г. Эта линия преемственности не была утрачена и в годы жестоких репрессий и атеизации населения в советское время и, хотя храмы были разрушены, тем не менее сами ламы продолжали работать, отправлять обряды, оказывать услуги по лечению, гаданию и др.

Более того, по мнению Е.С. Сафроновой, «государственность у тувинцев, как и среди монгольских народов (бурят, калмыков) России, формировалась под влиянием буддизма, который становился государственной идеологией и государственной

религией. Тыва, находясь под патронатом царской России, строила свою государственность на идеологической основе буддизма» (Safronova, 2009). Таким образом, подводя итоги, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что история институционального оформления буддизма не просто как религиозной системы, оказывающей влияние на культуру местного населения, но как важной идеологической составляющей всей государственной системы Тувы, составляет достаточно большой период, что подтверждают исторические документы и артефакты.

Список литературы \ References

Abaev N. V., Homushku O. M., Bicheldej U. P. *Buddizm v Central'noj Azii: istoriya, osnovy ucheniya i kul'tura (uchebnoe posobie)* [Buddhism in Central Asia: History, Fundamentals of Teaching and Culture (textbook)]. Kyzyl. Redakcionno-izdatel'skij otdel TuvGU, 2013. 131.

Dacyshe V. G. *Buddijskaya Sangha v Tuve v period protektorata* [Buddhist Sangha in Tuva during the Protectorate period]. Irkutskij MION. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/4_4.html.

Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka* [The history of Tuva in the Middle Ages]. M. Izd-vo Moskov. gos. un-ta, 1969. 212.

Mollerov N. M., Samdan A. A. *Kamby-lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): Osnovnye vekhi istoricheskoy biografii* [Russian protectorate over Tuva in 1914–1924 (historical and legal aspect)]. In: *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. 2022, 3, 113–116. DOI /10.25178/nit.2022.3.9.

Mollerov N. M. *Protektorat Rossii nad Tuvoj v 1914–1924 gg. (istoriko-pravovoj aspekt)* [The Russian protectorate over Tuva in 1914–1924 (historical and legal aspects)]. In: *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 2022, 3, 113–116. EDN: SKBCDP.

Mongush M. V. *Tradicionnye i netradicionnye konfessii v Tuve: istoriya i sovremennost* [Traditional and non-traditional confessions in Tuva: history and modernity] In: *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [East. Afro-Asian societies: history and modernity]. 2007, 1, 16–33. – EDN HYVICR.

Mongush M. V. *Belostennyj hram stoyal, tochno otlichitel'nyj mezhevoj znak (po sledam anglijskoj ekspedicii v Tuvu v 1910 g.)* [The white-walled temple stood like a distinctive boundary marker (following the footsteps of the English expedition to Tuva in 1910)]. In: *Kul'turologicheskij zhurnal*. [Cultural studies journal] 2015, (19): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belostennyj-hram-stoyal-tochno-otlichitelnyj-mezhevoj-znak-po-sledam-anglijskoj-ekspeditsii-v-tuvu-v-1910-g>

Safronova E. S. *K voprosu ob istokah gosudarstvennosti i rasprostranении buddizma u tuvincev* [On the origins of statehood and the spread of Buddhism among Tuvans]. In: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad.]. 2009, 223–229.

Tenzin C. M. *Buddizm v duhovnoj zhizni tuvinskogo obshchestva* [Buddhism in the spiritual life of Tuvan society]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2018, 3–1, 87–93. DOI 10.18101/1994–0866–2018–1–3–87–93. EDN UXAOYS.

Khovalys S. S. *Lichnost' v istorii: Mongush Buyan-Badyrgy (1892–1932)* [Personality in history: Mongush Buyan-Badyrgy (1892–1932)]. In: *Vestnik Evrazii*. [Bulletin of Eurasia.], 2007, 2, 42–71. EDN IAFIET.

Homushku O. M. *Homushku K.-S. E. – Vydayushchijsya vrach, prosvetitel', chelovek* [Khomushku K.-S. E. – an outstanding doctor, educator, person]. In: *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Social'nye i gumanitarnye nauki [Bulletin of Tuva State University. Social and Humanitarian Sciences]. 2016, 1, 184–187.

Homushku O. M. *Religiya v istorii kul'tury Tuvincev* [Religion in the history of Tuvan culture]. Moscow, Nauka, 1998. 177. EDN WTETWG.

Homushku O. M. *Religiya v kul'ture narodov Sayano-Altaya* [Religion in the culture of the peoples of Sayan-Altai]. Moscow, 2005. EDN QPBCRD.

Shirshin G. Ch. *Under the banner of Lenin*. Kyzyl, 1972. 147.

EDN: GXEIFZ
УДК 94:629.735.33(985)''1914/1917''

Pioneers of Polar Aviation in the Russian Empire in the Early 20th Century

**Ekaterina A. Sertakova^{a,*}, Yulia S. Zamaraeva^{a, b},
Anna A. Omelik^a and Maria S. Koptseva^a**

*^aSiberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

*^bDmitry Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 01.10.2024, received in revised form 17.03.2025, accepted 29.04.2025

Abstract. For the Russian Empire, the territories of the Arctic were strategically important politically and economically, the state sought not only to be present in the Arctic zones, but also to be able to create ice-free ports, gain access to the Arctic Ocean, and master the Northern Sea Route. Specially organized polar expeditions on ships and schooners could not fully fulfill state strategic tasks, therefore new technical ways of developing the northern polar and Arctic territories of Russia were needed.

This article is a study of the period of the origin of polar aviation in Russia and the role of historical figures who stood at these origins. The work focuses on the period from 1914 to 1917 – the historical time when the use of aviation equipment in the Far North was just beginning.

The materials for the study were new historical sources, including memoirs of polar aviators, articles and documents that allow us to reveal facts about one of the key episodes in the national history of science, technology, and state-building in the Arctic, which opened the possibility of its aerial conquest.

A textual analysis of a number of sources revealed the fundamental importance of the human factor – fearless Russian professionals, dedicated pilots and aircraft mechanics who put a lot of effort into fulfilling specific tasks corresponding to state strategic aspirations and for the first time in the world to create a unique unit of the Russian air fleet – polar aviation.

Keywords: Polar Aviation, Russian Empire, discoverers, Far North, Arctic, Y. Nagursky, E. Kuznetsov, D. Alexandrov.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Sertakova E.A., Zamaraeva Yu. S., Omelik A.A., Koptseva M. S. Pioneers of Polar Aviation in the Russian Empire in the Early 20th Century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1011–1021. EDN: GXEIFZ

Пионеры полярной авиации в Российской империи начала XX века

Е.А. Сертакова^а, Ю.С. Замараева^{а,б},
А.А. Омелик^а, М.С. Копцева^а

^аСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^бСибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Для Российской империи территории Арктики были стратегически важными в политическом и экономическом отношении, государство стремилось не только присутствовать в арктических зонах, но и получить возможность создавать незамерзающие порты, получить выход в Северный Ледовитый океан, освоить Северный морской путь. Специально организованные полярные экспедиции на кораблях и шхунах не в полной мере могли выполнить государственные стратегические задачи, поэтому необходимы были новые технические способы освоения северных полярных и арктических территорий России.

Данная статья представляет собой исследование периода зарождения полярной авиации в России и роли исторических деятелей, которые стояли у этих истоков. Работа сосредоточена на периоде с 1914 по 1917 год – историческом времени, когда использование авиационной техники на территории Крайнего Севера только начиналось. Материалами для исследования выступили новые исторические источники, включая мемуары полярных авиаторов, статьи и документы, которые позволяют раскрыть факты об одном из ключевых эпизодов отечественной истории науки, техники, государственного строительства в Арктике, открывших возможность ее воздушного покорения.

Текстологический анализ ряда источников выявил принципиальное значение человеческого фактора – бесстрашных российских профессионалов, целеустремленных пилотов и авиамехаников, которые приложили много усилий, чтобы выполнить конкретные задачи, соответствующие государственным стратегическим устремлениям, и впервые в мире создать уникальное подразделение российского воздушного флота – полярную авиацию.

Ключевые слова: полярная авиация, Российская империя, первооткрыватели, Крайний Север, Арктика, Я. И. Нагурский, Е. В. Кузнецов, Д. В. Александров.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Сертакова Е. А., Замараева Ю. С., Омелик А. А., Копцева М. С. Пионеры полярной авиации в Российской империи начала XX века. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1011–1021. EDN: GXEIFZ

Введение

В Российской империи вопросы освоения территорий Арктики и Крайнего Севера имели государственное стратегическое значение начиная с XVIII столетия, когда была организована Великая Северная экспедиция, в результате которой впервые в мире появились географические карты обширных территорий северного побережья Евразии. В дальнейшем проведение экспедиций на территории Крайнего Севера в Российской империи стало важным элементом государственной политики России по освоению своих северных и арктических территорий с целью создания новых ресурсов для экономического и социального развития державы.

Траектории исследовательских маршрутов пролегали по рекам и морям северных территорий, поэтому передвижения осуществлялись преимущественно на кораблях, фрегатах, позже – на пароходах. Благодаря экспедициям в историю российского освоения Севера и Арктики вошли такие имена выдающихся путешественников и исследователей, как Семен Дежнев, Федот Попов, Витус Беринг, Кондратий Мошков, Иван Крузенштерн, Федор Литке, Отто Коцебу, Фердинанд Врангель, Владимир Русанов, Георгий Седов и ряд других.

Исследователи Крайнего Севера как никто другой понимали сложности исследования и освоения суровых территорий: климат с экстремально низкими температурами и сильными холодными ветрами, скудная растительность и безлюдность, невозможность пополнить запасы продовольствия или даже питьевой воды на огромном протяжении, сложность коммуникаций и техническая неразвитость средств связи, недостаточность сведений о метеорологических прогнозах. Эти и другие обстоятельства сделали Российские Север и Арктику своего рода «лабораториями» для применения самых современных научных и технических разработок. История отечественной науки и техники, связанная с созданием, адаптацией и широким применением технических устройств, которые могли бы функционировать в условиях холодных температур и особых приполярных ланд-

шафтов, получает новый импульс в начале XX века, когда соответствующего уровня развития достигает российская авиация.

Впервые в мире полет над землями Арктики был осуществлен российским экипажем: пилотом Я.И. Нагурским, морским авиатором Российского императорского военно-воздушного флота, и авиамехаником Е.В. Кузнецовым, морским летчиком-истребителем, 8 (21) августа 1914 года. Их исторический подвиг – пример невероятного профессионализма и мужества – стал исходной точкой для появления отряда отечественных полярных авиаторов и рождения мировой и отечественной полярной авиации. Благодаря этим людям Россия закрепляет свое законное место в Арктике и приполярном Севере.

Материалы и методы

В качестве материалов в исследовании выступают новые исторические источники, мемуары авиаторов, статьи и документы. Это рапорты, отчеты и записки авиаторов и североведов Я.И. Нагурского, В.Н. Семенковича, современные монографии А.Н. Почтарева и Л.И. Горбуновой, Н.А. Кузнецова и ряда других.

Основным методом выступает текстологический анализ, примененный для обработки больших текстовых массивов и поиска необходимой информации и доказавший свою эффективность в ряде публикаций (Koptseva, Seredkina, 2021; Koptseva, Degtyarenko, Pchelkina, Menzhurenko, 2022; Luzan, 2023). Использовался метод систематизации (Koptseva et al, 2022; Zhigaeva, 2024; Borodina, 2024), позволяющий выявить закономерности истории российской науки и техники в контексте североведения и сделать обобщающие выводы об исторической роли России в создании и развитии полярной авиации.

Обсуждение

Архивные источники, связанные с полярной авиацией, как правило, остаются закрытыми, однако определенная их часть публикуется. Обращает внимание публикация части содержания вахтенных журналов

воздушного плавания (Vahtennye zhurnaly ..., 2011). Одним из ведущих исследователей и издателей этих материалов является А. О. Александров (Aleksandrov, 2000).

Первые исследования событий, связанных с появлением и развитием российской полярной авиации, датируются 1915 годом, когда генерал корпуса гидрографов, исследователь северных и дальневосточных морей М. Е. Жданко издал в Петрограде брошюру с фотографиями Я. И. Нагурского (Zhdanko, 1915) о первом гидроаэроплане в Северном Ледовитом океане. Исследований деятельности этого выдающегося летчика немного. Среди зарубежных работ можно выделить два польских источника: исторический обзор знаменитых путешествий Р. Бадовского «Открывая мир» (Badowski, 2011), где деятельность Я. И. Нагурского помещена в большой контекст истории географических открытий, а также исследование Е. Р. Конечного «Хроника польской авиации 1941–1945», где Нагурский включен в список знаменитых польских летчиков первой половины XX в. (Konieczny, 1984). На польском языке впервые вышли мемуары самого Нагурского: в 1958 году «Первый над Арктикой» (Nagórski, 1958) и в 1960 году «Над пылающей Балтикой» (Nagórski, 1960).

До недавнего времени подавляющее большинство источников, посвященных российской полярной авиации, было сосредоточено на советском периоде истории воздушного покорения Арктики, где 1930–1950-е годы рассматриваются как «золотой период». Однако эти события неразрывно связаны с предшествующими этапами становления полярной авиации в начале XX века.

В настоящее время наиболее масштабными работами по истории российской полярной авиации выступают книги, изданные к юбилеям авиаотрядов и воздушных линий Крайнего Севера, в том числе монография А. Н. Почтарева и Л. И. Горбуновой (Pochtarev, Gorbunova, 2011). Здесь приводятся изданные архивные документы, находившиеся долгое время под грифом секретности.

В современных изданиях чаще всего информация о первых авиаторах и полетах в Арктике рассматривается в комплексе хроник освоения Арктики. Книга А. Мармышева и В. Филиппова посвящена освоению Енисейской Арктики, и здесь отмечаются полеты Я. И. Нагурского, который помимо передвижений по морю и земле открыл возможность проведения арктических экспедиций в стихии неба (Marmyshev, Filippov, 2021).

Как правило, в обзорных исследованиях полярная авиация 1914–1917 гг. рассматривается либо с точки зрения политического аспекта освоения Севера (Stroko et al, 2013), либо как начальная точка последующей героической истории освоения Советской Арктики (Nalimov, 2016). Исключение составляет недавняя монография Н. А. Кузнецова «Ян Нагурский – первый полярный летчик» (Kuznetsov, 2024), где на обширных и впервые опубликованных архивных данных биография Нагурского раскрывается всесторонне и подробно. В приложении к биографии автор публикует ценный исторический источник «Рапорт начальника экспедиции поисков старшего лейтенанта Седова и его спутников капитана 1-го ранга И. И. Ислямова морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу» (Kuznetsov, 2024: 153–158).

В самом начале находится исследование истории жизни и деятельности других пионеров российской полярной авиации. Так, отсутствует отдельное жизнеописание Д. В. Александрова, упоминания о нем встречаются только в связи с экспедициями Б. А. Вилькицкого и его военной судьбой в период Первой мировой войны.

Таким образом, история российской полярной авиации 1914–1917 гг. находится в становлении. Учитывая ту роль, которую сыграла Российская империя в воздушном освоении северных и арктических территорий, исследований этого периода явно недостаточно. Содержание данной статьи направлено на выявление исключительной роли российских авиаторов, которые в краткий и сложный период истории смогли доказать возможность полетов над по-

лярными землями Арктики и Крайнего Севера и необходимость создания полярной авиации для дальнейшего освоения и исследования этих российских территорий.

Основная часть

1. Освоение Крайнего Севера

в Российской империи

во второй половине XIX – начале XX веков

История систематического освоения арктических территорий Россией начинается с XVII века в рамках присоединения Сибири и последующих исторических событий. В XIX веке Российская империя уже владеет большими территориями Арктики и инициирует там проведение географических, этнографических, экономических исследований (Koptseva et al., 2024).

Русский военный инженер и этнолог, выступающий за развитие русского Севера, В.Н. Семенович пишет о возрастающем интересе к русскому Северу как в Российской империи, так и в Великобритании, Швеции, Германии и Норвегии во второй половине XIX века (Semenkovich, 1894). Со стороны Российской империи интерес носит в первую очередь стратегический политический характер, тогда как со стороны европейских государств он обусловлен, скорее, практической экономической составляющей. Политический интерес России главным образом состоит в поиске свободного выхода ее военно-морского и торгового флота в открытое море, не ограниченного большую часть времени в году льдом. Стратегической задачей в становлении России как арктической морской державы в данном случае является создание незамерзающих морских портов. Автор приводит в доказательство этой идеи тексты из сборника дипломатической корреспонденции, изданного правительством Соединенных Штатов, где говорится о том, что «пока Россия не приобретет собственного морского значения, она не может считать свое всемирное положение упроченным и чувствовать себя в обладании всеми необходимыми условиями внутреннего развития и процветания» (Semenkovich, 1894: 50).

Важнейшей перспективной задачей как Российской империи к концу XIX века было открытие Северного морского пути через Арктику.

Начиная с 60-х годов XIX столетия предпринималось немало попыток организовать исследовательские экспедиции по Северному морскому пути. В 1862 году вице-адмирал Российского Императорского флота П. И. Крузенштерн совершил первую попытку организовать экспедицию в Карское море для проведения гидрографических исследований и изучения возможности достижения устья Енисея с целью создания морского пути между Сибирью и Европой. Экспедиция закончилась неудачей, так как возможности судна не соответствовали природным условиям Арктики.

Прорывом России в отношении исследования Северного морского пути стала экспедиция ледокольного судна «Ермак» в 1899–1901 гг. по инициативе С. О. Макарова, хотя Северного полюса в ходе экспедиции достичь не удалось.

В XX веке исследования Северного морского пути в России активизировались. В 1912 году было организовано сразу несколько полярных экспедиций, которые должны были освоить необходимый маршрут. К сожалению, экспедиции трех капитанов – В. А. Русанова, Г. Л. Брусилова и Г. Я. Седова – не смогли проложить навигацию, их участники погибли в суровых условиях Крайнего Севера. Возникла необходимость искать иные способы обеспечения доступа к незамерзающим портам и выходу в открытый океан, открытия Северного морского пути и расширения научных исследований Арктики.

2. Ян Иосифович Нагурский,

Евгений Владимирович Кузнецов:

начало истории российской полярной авиации

Становление полярной авиации в России связано с именем Яна Иосифовича Нагурского (1888–1976), первым совершившим арктические полеты севернее полярного круга, испытывавшим полеты на авиетке (самолет с двигателем малой мощности) над Баренцевым морем.

Нагурский родился в польском городе Влоцлавек (в то время территория Российской империи), там окончил прогимназию, в 18 лет поступил в Одесское юнкерское пехотное училище. В 22 года поступил в Санкт-Петербургское Высшее морское инженерное училище, где во время обучения совершил свой первый полет на самолете конструкции братьев Райт. В 1912 году Нагурского зачислили в авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы, которая располагалась в Петербурге. Окончив школу, он получил звание военного летчика (Pochtarev, Gorbunova, 2011: 20). Именно в тот год трагически закончились арктические экспедиции трех выдающихся полярных исследователей В. А. Русанова, Г. Л. Брусилова и Г. Я. Седова.

Для поисков старшего лейтенанта Седова и его команды полярных исследователей, отправившейся летом 1912 года на судне «Св. Фока» к Северному полюсу, Морское министерство летом 1914 года снарядило спасательную экспедицию под руководством капитана 1 ранга Исламова на судне «Герта». Также была приготовлена зверобойная шхуна «Андромеда» – вспомогательное судно для обследования северо-западного берега Новой Земли, где можно было обнаружить следы пропавшей экспедиции. В офицерский состав экспедиции входили: начальник экспедиции, его помощник, врач и авиатор. Уже 5 июля, обследуя западный берег Новой Земли от Маточкина Шара до Панкратьевых островов, где экспедиция Седова провела зиму с 1912 на 1913 год, капитан «Андромеды» Поспелов нашел записку Седова о том, что «он в августе 1913 года ушел на своем судне «Св. Фока» на Землю Франца-Иосифа с тем, чтобы оттуда идти далее к Северному полюсу. Было необходимо срочно усилить поиски, поскольку, несмотря на летний период, наименьшая температура воздуха в августе была минус 8 по Цельсию, что способствовало образованию за ночь льда толщиной до двух дюймов.

К операции поиска пропавших полярников в районе Новой Земли и Земли Франца-Иосифа был привлечен 26-летний

поручик по Адмиралтейству пилот Я. И. Нагурский. Генерал-лейтенант М. Е. Жданко, выполнявший поручение Главного гидрографического управления, доверил молодому летчику начать операцию по подготовке к полету на аэроплане в Арктике. Ян Нагурский, не имевший полярного опыта, обращался за советами к известному норвежскому полярному исследователю Р. Амундсену, который в своих письмах давал молодому пилоту необходимые сведения о северных условиях. Для поиска летательного аппарата, подходящего к полетам в арктических широтах и полярных экспедициях, Ян Иосифович был командирован во Францию на завод фирмы «Фарман», где в течение месяца прошла сборка и тренировочные полеты будущей полярной машины «Морис-Фарман». По возвращении Нагурский был откомандирован в распоряжение Главного морского штаба, где шла разработка будущего полярного исследования.

В 1914 году летом из порта Норвегии в сторону Александровска-на-Мурмане вышло поисковое судно «Герта» с разобранным гидроаэропланом «Морис-Фарман». В полярную экспедицию был назначен опытный авиамеханик морской авиации Евгений Владимирович Кузнецов – матрос-доброволец, прибывший из Севастополя. Это был первый выход самолетов в Арктику для совершения полярного исследования. Из Александровска команда выдвинулась к берегам Новой Земли на пароходе «Печора» для выполнения обследования береговой линии от Крестовой губы до Панкратьевых островов.

В журнале «Записки по гидрографии» от 1914 года опубликована статья о спасательной экспедиции на судне «Герта». В тексте подробно изложен процесс поиска пропавших, в котором на втором судне «Печора» принимал участие экипаж Нагурского. Целью экспедиции Нагурского было не только обследование территории вокруг Северного полюса, но и обустройство в губе Крестовой и на Панкратьевых островах двух продовольственных складов (Spasatel'naya ekspeditsiya..., 1914: 616). В течение 3 дней (4–6 августа 1914 года) ги-

дросамолет был перевезен на берег к становищу Ольхино и собран русским экипажем в составе пилота Я.И. Нагурского и моториста Е.В. Кузнецова для совершения первого в мире авиационного полета в арктическое небо. Уже 8 августа экипаж вылетел на экспериментальное обследование западного берега Новой Земли и пробыл в воздухе 4 часа 20 минут. Экипаж впервые фиксировал уникальные особенности северного воздухоплавания.

На следующий день Нагурский с Кузнецовым снова поднялись в воздух, чтобы совершить второй дальний полет для обследования положения льдов у Горбовых островов и поиска места для выгрузки склада продовольствия для пропавших без вести экспедиций. Пришвартовав самолет у острова Заячьего, Нагурский и Кузнецов стали дожидаться в промысловой избушке прихода вспомогательного судна «Андромеда». Именно там Нагурским был обнаружен рапорт с дневником экспедиции Г.Я. Седова в Морское министерство. Находка стала одним из важных результатов выполнения правительственного задания. Чуть позже на мысу «Флора» на Земле Франца-Иосифа капитан Исламов и моряки судна «Герта» нашли еще одну записку, из которой узнали, что Седов умер на Земле Франца-Иосифа и похоронен на острове эрцгерцога Рудольфа, выжившие на судне «Св. Фока» ушли в Архангельск.

Перед Нагурским стояла задача обследовать берега Новой Земли, вылетая в море на запад на расстояние до 150 верст, чтобы заметить судно «Св. Фока». 12 августа экипаж вновь вылетел на обследование острова Панкратьева и для рекогносцировки льдов. Следующий полет, в связи с болезнью Кузнецова, Нагурский совершил в одиночестве, направляясь в сторону Земли Франца-Иосифа. Затем взял с собой Г.И. Поспелова, капитана парохода «Андромеда», штурмана промысловых судов Севера, для обследования на гидроплане Русской Гавани – северной части Новой Земли. В своих воспоминаниях Нагурский писал: «Я довольно подробно обследовал северную часть Новой Земли, ее топографию и распределение

льда в прибрежной зоне моря. Оказалось, что очень много топографических деталей в районе острова расходятся по сравнению с имевшейся у меня картой» (Marmyshev, Filippov, 2022: 136).

Почти каждый вылет оканчивался ремонтом и отладкой работы воздушной машины, но Нагурский продолжал совершать вылеты для обследования островов и положения льдов, уточняя карту береговых линий для будущих полетов. 1 сентября Нагурский совершил последние два полета с пассажирами над Крестовой губой. На следующий день он получил приказ капитана «Печоры» П.А. Синицына разобрать гидроаэроплан, погрузить его на судно и завершить экспедицию.

Полярная экспедиция, составившая порядка десяти вылетов общей протяженностью около 110 километров на высотах от 800 до 1200 метров у западных берегов Новой Земли, стала первой в истории авиационного освоения северного региона. Российский экипаж обеспечил своим опытом возможность применения авиации в полярных исследованиях. Продолжить поисковую экспедицию помешали события Первой мировой войны. Аэроплан был разобран и 23 сентября экипаж возвратился в Архангельск. Ян Нагурский отправился в Санкт-Петербург, чтобы отчитаться в Главном гидрографическом управлении о проделанной работе. В итоговом «Рапорте морского летчика, поручика по Адмиралтейству Нагурского начальнику Главного гидрографического управления» от 1 октября 1914 г., Ян Иосифович писал о необходимости развития полярной авиации в трудных условиях арктических стран и утверждал, что «летать в арктических странах хотя и тяжело, но вполне возможно, и авиация в будущем может оказать гидрографии большую услугу в следующих случаях: при рекогносцировках льдов, в открытии новых земель, нахождении и нанесении на карту подводных преград, препятствующих судоходству...» (Raport ..., 1949: 226).

Как полевой исследователь, Нагурский зафиксировал ряд важных особенностей для совершения воздушных полетов:

«в воздушных условиях температура также изменчива в отрицательную сторону по сравнению с низкими слоями», «в Северном Ледовитом океане очень часты изменения направления ветров, а также изменения ветров на небольшом расстоянии», «часты туманы и облачность», «в летнее время полеты возможны круглые сутки ввиду полного света ночью» (Raport ..., 1949). Также Нагурский предположил, что в полярных исследованиях необходимо применять гидроаэропланы как более портативные, быстрые для сборки и разборки; иметь запас крепких поплавков и винтов; окрашивать гидроаэроплан в красный цвет как более заметный среди белого; летчику иметь теплую и непромокаемую одежду; в полет брать дымные ракеты с парашютами. Он серьезно задумывался о полете к вершине планеты.

Опыт Яна Нагурского изучали в России и за рубежом. О полетах российского экипажа в 1915–1916 гг. появились публикации в журналах «Воздухоплавание» и «Записки по гидрографии», где анализировались возможности применения авиации в полярных исследованиях.

3. Вторая воздушная экспедиция.

**Дмитрий Васильевич Александров –
второй российский летчик в Заполярье**

В одно время с полетами Яна Нагурского в Арктике работала еще одна экспедиция – Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО). Она продолжалась в период с 1910 по 1915 г. на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» под руководством полковника корпуса флотских штурманов И. С. Сергеева, а затем капитана 2-го ранга, гидрографа Б. А. Вилькицкого.

Целью ГЭСЛО было освоение Северного морского пути, включающее в себя его полное прохождение от Тихого океана до Архангельска, с единовременным описанием северного побережья и его островов.

Официально ГЭСЛО началась в июне 1910 года, когда ледоколы «Вайгач» и «Таймыр» были переправлены во Владивосток. Задачей экспедиции было прохождение и обследование Берингова пролива, с оста-

новками на Камчатке, на мысе Дежнева. В 1911 году суда прошли от мыса Дежнева до устья р. Колымы. В ходе плавания были составлены подробные карты побережья и акватории Чукотского моря. В 1912 году планировалось пройти от Владивостока до восточного побережья Таймыра.

В 1913 году был получен приказ идти от Владивостока до Архангельска, то есть пройти весь Северный морской путь. Пароходы вышли в очередной поход в июне 1913 года. С этого времени экспедиция начала встречаться с рядом значительных трудностей, включая проблемы с ориентированием в ледовом пространстве и выбором наиболее безопасного маршрута. Об этом пишет С. А. Советов: «...В то время как вся Европа была объята военным пожаром, небольшая кучка отважных русских моряков, затертая в полярных льдах, терпеливо ждала того момента, когда настанет малейшая возможность двинуться вперед и завершить великое русское дело, пробив тот путь, о котором мечтали европейцы с XVI столетия и на отыскание которого было истрачено столько сил и энергии» (Sovetov, 1915: 625). Экспедиция несколько раз вставала на зимовку на ближайших островах вследствие непроходимости льда, из-за чего исследователи зачастую оказывались в бедственном положении, с минимумом ресурсов и провизии.

В поисках путей решения проблем с ориентированием Б. А. Вилькицкий обратился к идее использовать авиацию в пространстве северных льдов. Эту задумку поддержало Морское министерство, приобретя французский поплавок-гидросамолет Farman HF.16 весной 1914 г. Самолет доставили на ледокол «Таймыр» вместе с летчиком, инженером-механиком, капитаном 2-го ранга Д. В. Александровым.

Дмитрий Васильевич Александров родился 21 января 1877 года. Служил в армии с 1897 года, участвовал в обороне Порт-Артура. Пилотированию обучался в авиашколе во Франции, окончил ее в 1911 году и был прикомандирован к авиашколе при Отделе Воздушного флота. Его описывали как «образованного человека, отличного

механика с большим опытом и знаниями» (Pochtarev, Gorbunova, 2011: 32).

Несмотря на простоту пилотирования, в ходе экспедиции с аэропланом Farman HF.16 неоднократно происходили несчастные случаи. 12 июля 1914 года разобранный и помещенный в контейнеры аэроплан пострадал от последствий шторма. Сборка самолета после таких повреждений заняла значительное время и не принесла положительных результатов – в один из полетов оторвался хвост. Несмотря на все трудности, именно эти неудачные попытки ознаменовали второй полет российского летчика в небе Арктики.

В 1914 году маршрут экспедиции был изменен для подхода к острову Врангеля. После этого связь с экспедицией была потеряна вплоть до января 1915 года. Как выяснилось из телеграммы от 6 января, с 20 августа экспедиция была вынуждена встать на одну из вышеупомянутых зимовок после прохода мыса Челюскин, на западном побережье Таймырского полуострова. Положение экспедиции было достаточно бедственным – при прохождении через льды на обоих суднах сломались лопасти, а на «Таймыре» – переборки. Несмотря на это, даже во время тяжелого зимовья исследователи продолжали свою деятельность.

Именно во время этой зимовки Д.В. Александров решил использовать неудачный аппарат в качестве аэросаней, во время одной из вышеупомянутых вынужденных зимовок экспедиции у западного побережья Таймырского полуострова. В последующем он несколько раз разбираал и ремонтировал аппарат, несмотря на многочисленные неудачи и аварии, и, в конце концов, решил использовать имеющиеся части для создания агрегата из самодельных саней и аэропланного мотора. Благодаря этому эксперименту по итогу была обследована большая часть залива Гафнера – аэросани, вместе с прицепом, развивали скорость вплоть до 20 км/час. Впоследствии Д.В. Александров стал руководителем береговой партии из 39 членов экипажа ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», которая отправилась в селение Гольчиха,

пешком пройдя более 700 км (Pochtarev, Gorbunova, 2011: 34).

Поскольку положение экспедиции осложнялось невозможностью использовать большую часть угля для обогрева людей, так как он был необходим в качестве топлива при трогании льда, Морское министерство приняло решение вывести часть экипажа на ближайшую к ним базу «Эклипс», которую снабжали из г. Красноярска пароходами, а также при помощи доставки ресурсов на оленях.

Несмотря на все трудности, 16 сентября 1915 года экспедиция прибыла в Архангельск, ознаменовав тем самым полное достижение своей цели – доказательство возможности сквозного плавания по Северному морскому пути (Северному восточному проходу) из г. Владивостока в г. Архангельск.

Заключение

Арктика для Российского государства всегда представляла стратегический интерес. Поэтому, начиная с XVII столетия, иницируются экспедиции для освоения и исследования дальних территорий. В конце XIX – начале XX века государство видело необходимость не только присутствия страны в арктических зонах, но важность выхода в открытый океан, открытия Северного морского пути. В силу суровости климата и рельефа, безжизненности пространства и других причин некоторые экспедиции пропадали, и их поиск был практически невозможен в тогдашних технических условиях.

Текстологический анализ ряда исторических источников показал, что в связи с развитием технологий и испытаниями первых летательных аппаратов рядом известных исследователей были высказаны предположения о возможности воздушного покорения Севера. И когда пропала экспедиция Г.Я. Седова, было предложено попробовать обследовать громадные территории полярных льдов с помощью авиатехники. Пилотом был приглашен Ян Нагурский, о котором говорили как о смелом и способном летчике.

Личные качества летчиков впоследствии станут самыми важными в сложном деле полярной авиации: включенность в процесс (от сборки самолета до его починки), невероятная смелость и выносливость в самых экстремальных условиях (сильные ветра, туманы, метели, дождь со снегом и холод – частые явления в Арктике), добросовестное выполнение поставленных задач.

Очень важно и то, что первые полеты в условиях Арктики подробно фиксировались и осмысливались. Помимо традиционных рапортов начальству составлялись аналитические статьи для печати в журналах «Записки по гидрографии» и «Воздухоплавание», где рассматривались проблемы и перспективы воздушных полярных исследований, без чего была бы невозможна дальнейшая «славная» история полярной авиации.

Список литературы \ References

Aleksandrov A. O. *Pobedy. Poteri... Zadachi, podrazdeleniya, nachal'stvuyushchij sostav, letatel'nye apparaty i voорuzhenie morskoy aviacii i vozduhoplavanija Rossii, a takzhe spisok pobed i poter' s 1894-go po 1920 g.* [Victories. Losses... Tasks, units, command staff, aircraft and weapons of naval aviation and aeronautics of Russia, as well as a list of victories and losses from 1894 to 1920]. Sankt-Peterburg, 2000. 182.

Badowski R. *Discovering the world [Odkrywanie świata]*. Bielsko-Biała, 2001. 318.

Borodina M. A. Ispol'zovaniye istoricheskikh syuzhetov v proizvedeniyakh krasnoyarskikh khudozhnikov kak protsess regional'noy identifikatsii [The use of historical subjects in the works of Krasnoyarsk artists as a process of regional identification]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(2), 81–95. EDN HWPFFUV.

Galperin Yu. M. *On byl pervym. Byl' o polyarnom letchike Yane Nagurskom [He was the first. A tale of polar pilot Yan Nagursky]*. M., 1958.

Konieczny J. R. *Chronicle of Polish Aviation 1941–1945 [Kronika lotnictwa polskiego 1941–1945]*. Warszawa, 1984. 153.

Koptseva N. P. et al. Kul'turnaya dinamika korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraja v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh [Cultural dynamics of indigenous peoples of the North of Krasnoyarsk Krai in paintings and graphic works]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, 15(6), 840–852. DOI 10.17516/1997–1370–0889.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Kolesnik M. A., Ermakov T. K. The Significance of the Scientific Activity of Mikhail Sidorov (1823–1887) for the Development of the Northern Territories of the Russian Empire. In: *Bylye gody*, 2024, 19(3), 1189–1199.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century. In: *Bylye gody*, 2022, 17(2), 867–875. DOI 10.13187/bg.2022.2.867.

Koptseva N. P., Seredkina N. N. Magazine “North” (1903) as a historical source: on the issue of educational reform in the Russian Empire. In: *Bylye gody*, 2021, 16(1), 343–356. DOI 10.13187/bg.2021.1.343.

Kuznetsov N. A. *Yan Nagurskiy – pervyj polyarnyj letchik [Jan Nagursky – the first polar pilot]*. M.: Paulsen, 2024. 176.

Luzan V. S. Spetsifika kontsepta “sotsial'noye vremya”v kontekste realizatsii kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Specifics of the concept of “social time” in the context of the implementation of the cultural policy of the Russian Federation]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(4), 75–84. EDN DKUEAP.

Marmyshev A., Filippov V. *Yeniseyskiy Sever: khroniki osvoyeniya Arktiki, pervoprokhodtsy, konets XVII – 1919 god [Yenisei North: Chronicles of Arctic exploration, pioneers, late 17th – 1919]*. Krasnoyarsk, 2022. 191.

Nagórski J. *First over the Arctic [Pierwszy nad Arktyką]*. Warszawa, 1958. 116.

Nagórski J. *Over the burning Baltic Sea [Nad płonącym Bałtykiem]*. Warszawa, 1960. 106.

Nalimov P. A. Polyarnaya aviatsiya Rossii: ot zarozhdeniya k tekushchemu sostoyaniyu [Polar aviation of Russia: from inception to current state]. In: *Processes of the global economy: Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference, St. Petersburg, October 25–26, 2016*. St. Petersburg Polytechnic University, 2016, 219–231.

Pochtarev A. N., Gorbunova L. I. *Polyarnaya aviatsiya Rossii. 1914–1945 gg. [Polar aviation of Russia. 1914–1945]*. M.: Paulsen, 2011. 589.

Raport morskogo letchika, poruchika po Admiralteystvu Nagurskogo nachal'niku Glavnogo gidrograficheskogo upravleniya. 1 oktyabrya 1914 g. [Report of naval pilot, Admiralty Lieutenant Nagursky to the Chief of the Main Hydrographic Directorate. October 1, 1914]. In: *Letopis' Severa*, 1949, 1, 221–307.

Semenkovich V. N. *Sever Rossii v voenno-morskoy i kommercheskoy otnosheniyah: morskoe pis'ma Chernomoria [The Russian North in Naval and Commercial Relations: Sea Letters of Chernomores]*. M., 1894, 146.

Sovetov S. A. Meropriyatiya Morskogo ministerstva po okazaniyu pomoshchi v 1914–1915 gg. russkim polyarnym ekspeditsiyam [Measures of the Naval Ministry to provide assistance in 1914–1915 to Russian polar expeditions]. In: *Zapiski po gidrografii*, 1915, 39(4), 625–638.

Spasatel'naya ekspeditsiya na sudne «Gerta» dlya poiskov leytenanta Sedova i yego sputnikov [Rescue expedition on the ship “Gerta” to search for Lieutenant Sedov and his companions]. In: *Zapiski po gidrografii*, 1914, 38(4), 615–620.

Stroko D. E., Shemelev E. D., Sidorov I. T. Politicheskiye aspekty osvoyeniya polyarnykh prostranstv i sozdaniya krosspolyarnykh vozdushnykh trass v Rossii [Political aspects of polar exploration and creation of cross-polar air routes in Russia]. In: *Actual problems of aviation and cosmonautics*, 2013, 388–389.

Vahtennyye zhurnaly vozdušnogo plavaniya. Voennno-morskoe vozduhoplavlaniya i voennno-morskaya aviatsiya v Rossii. Nesvoevremennyye mysli po povodu nesvoevremennoy istorii. Svodnaya letopis'. Kniga 2. Zarozhdenie i razvitiye voennno-morskoy aviacii v 1911–1914 godah. Ot vozduhoplavitel'nogo parka do aviacii Sluzhby svyazi. Tetrad' 3: V polyarnykh moryakh i Dal'nem Vostoke. Plany, plavaniya, polity [Logbooks of air navigation. Naval aeronautics and naval aviation in Russia. Untimely thoughts about untimely history. Summary chronicle. Book 2. The origin and development of naval aviation in 1911–1914. From the aeronautical fleet to the aviation of the Communications Service. Notebook 3: In the polar seas and the Far East. Plans, voyages, flights]. Sankt-Peterburg, 2011. 116.

Zhdanko M. E. *Pervyy gidroaeroplan v Severnom Ledovitom okeane [The first hydroaeroplane in the Arctic Ocean]*. Petrograd, 1915. 12.

Zhigaeva A. A. Kul'turnyy povorot kak metodologicheskiy podkhod pri izuchenii khudozhestvennoy kul'tury (na primere vizual'nogo iskusstva) [Cultural turn as a methodological approach in the study of artistic culture (on the example of visual art)]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(2), 126–132. EDN KSLTUF.

Ethnology
Этнология

EDN: LLKIAW
УДК 015:811.511.24

The Enets Sub-Fund of the Department of National Literatures of the Russian National Library as a Material for the Study of the Problems of the Formation of the Enets Written Tradition

Maksim Yu. Kuznetsov*

*Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Received 04.12.2024, received in revised form 10.02.2025, accepted 30.04.2025

Abstract. The article discusses the range of books in the Enets language available in the Department of National Literatures of the Russian National Library (St. Petersburg). The analysis of the Enets sub-fund of the Department of National Literatures of the Russian National Library makes it possible to identify a number of features characterizing the young Enets bookishness and to draw conclusions about the repertoire of book publishing in it. Book publishing in Enets has only recently begun, but in its written tradition it is already possible to trace fluctuations in its alphabet. For the first time, the study of transformations in Enets language graphics at the initial stage of its formation is carried out, which determines the relevance of this work. Using the material of other small languages of the Uralic language family related to Enets (Votic, Ingrian, Beserman), the thesis is substantiated that fluctuations of the alphabets of small languages at the initial stage of their existence are a common phenomenon that does not detract from the contribution of linguists and language activists to their preservation.

Keywords: Enets language, young-written languages, alphabets of young-written languages, formation of written tradition, Department of National Literatures of the Russian National Library.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Linguistics

Citation: Kuznetsov M. Yu. The Enets Sub-Fund of the Department of National Literatures of the Russian National Library as a Material for the Study of the Problems of the Formation of the Enets Written Tradition. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1024–1032. EDN: LLKIAW

Энецкий подфонд Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки как материал для исследования проблем становления энецкой письменной традиции

М.Ю. Кузнецов

*Казанский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, Казань*

Аннотация. В статье рассматривается ассортимент книг на энецком языке, доступных в Отделе национальных литератур Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Анализ энецкого подфонда ОНЛ РНБ позволяет выявить ряд особенностей, характерных для молодой энецкой книжности, и сделать выводы о репертуаре книгоиздания на нём. Книгоиздание на энецком языке началось лишь недавно, но в его письменной традиции уже можно проследить колебания в графике. Исследование трансформаций в графике энецкого языка на начальном этапе становления его письменности проводится впервые, что обуславливает актуальность работы. С привлечением материала родственных энецкому других малых языков уральской языковой семьи (водского, ижорского, бесермянского) обосновывается тезис о том, что колебания алфавитов малых языков на начальном этапе их существования являются обычным явлением, не умаляющим вклада лингвистов и языковых активистов в дело их сохранения.

Ключевые слова: энецкий язык, младописьменные языки, алфавиты младописьменных языков, становление письменной традиции, Отдел национальных литератур Российской национальной библиотеки.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Кузнецов М. Ю. Энецкий подфонд Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки как материал для исследования проблем становления энецкой письменной традиции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1024–1032. EDN: LLKIAW

Введение

Отдел национальных литератур Российской национальной библиотеки (РНБ) – уникальное общедоступное хранилище книг на языках народов России, стран СНГ и Балтии (а также словарей, учебников и лингвистических трудов по этим языкам на русском языке), «редкий феномен библиотеки в библиотеке» (Zhabko, 2013). Как указывает заведующая отделом Ш. С. Жабко, «за время своего существования ОНЛ накопил и содержит издания более чем на 100 языках (с XVII в. до нашего времени), содержит

около 1,5 млн ед. хр., ежегодно пополняясь в среднем на 3,5 тыс. новых поступлений» (Zhabko, 2013). При этом необходимо отметить, что в фонде ОНЛ хранятся не только собственно книги, но и газеты и журналы на национальных языках. Фонд отдела разбит на подфонды по языковому принципу, и некоторые из них насчитывают тысячи (удмуртский, чувашский) или даже десятки тысяч изданий (татарский), тогда как другие содержат всего несколько десятков книг (ижорский) или даже всего одну (негидальский). Очевидно, что это в первую очередь

зависит от того, насколько богата национальная книжность каждого конкретного народа и какова численность говорящих на каждом языке, насколько активна государственная и общественная поддержка сохранения и развития того или иного языка в каждом конкретном случае. Энецкий подфонд ОНЛ РНБ в этом плане представляет собой достаточно показательное и интересное явление, в том числе и потому, что он позволяет проследить историю колебаний энецкой письменной традиции на этапе её зарождения.

Результаты исследования

Предпринятый в конце сентября – начале октября 2023 г. сплошной просмотр карточного каталога (отдельного ящика по малым народам Севера) и заказ изданий показали, что в энецком подфонде ОНЛ содержится 15 книг на энецком языке (а также один труд по общей фонетике самодийских языков), из которых доступны оказались 13, причём 6 из них на тот момент не были учтены в Электронном каталоге на сайте rimo.nlr.ru. Ниже предлагается их список; при названиях изданий также указывается их шифр, по которому можно получить соответствующие издания, при всех изданиях (где он приводится) дополнительно указывается также их тираж. Отметим, что было бы ошибочным полагать, что составление подобного списка представляет собой операцию, которую мог бы самостоятельно проделать любой человек, интересующийся энецкой книжностью или самим энецким языком на любительском или профессиональном уровне. Электронный каталог РНБ, к сожалению, неполон, но известно это далеко не каждому его пользователю; навыками поиска книг на конкретном языке в этом каталоге обладают тоже лишь немногие. При этом навык работы с карточными каталогами (с появлением электронных каталогов) постепенно уходит в прошлое. Наконец, далеко не все лица, интересующиеся тем или иным языком из числа языков народов Севера, имеют возможность прибыть в Санкт-Петербург, чтобы лично ознакомиться с карточными каталогами РНБ, что и побуждает нас привести этот список в статье.

1. Болина Д.С. Букварь: 1 класс: Учебное пособие на энецком языке для общеобразовательных организаций / под ред. М.Я. Бармич. – СПб.: Алмаз-Граф, 2017.– 135 с.

50 экз. **Энец./3–9**

2. Болина Д.С. Диреда бодуй’ дя = Живая тундра: Книга для чтения в ДОУ. – СПб.: Алмаз-Граф, 2015.– 144 с.

50 экз. **Энец./4–1**

3. Болина Д.С., Рослякова С.А. Каяку’ бинэ = Лучик солнца: Книга для чтения в ДОУ. – СПб.: Алмаз-Граф, 2015.– 232 с.

50 экз. **Энец./4–3**

4. Болина Д.С., Рослякова С.А. Кая биньку = Лучик солнца: Пособие по развитию речи на энецком и русском языках для дошкольных образовательных учреждений. – СПб.: Алмаз-Граф, 2020.– 231 с.

50 экз. **Энец./3–11**

5. Болина З.Н. Энецкий картинный словарь (лесной диалект). Дудинка: Таймырский дом народного творчества, 2012.– 214 с.

300 экз. **Энец./5–2**

6. Онай энчу” сюдобичу”, дёречу” = Энецкие сказки (на энецком и русском языках). – СПб.: Лема, 2012.– 54 с.

20 экз. **Энец./3–6**

7. Родное слово: Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы = Керна” базаба”: Онай энчу” бари”, сюдобичу”, дёречу” / авт.-сост. К.И. Лабанаускас; ред. эн. текстов Д.С. Болина. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002.– 339 с.

500 экз. **Энец./5–1**

8. Роса энчу шузбичу” = Русские народные сказки: Книга для чтения на энецком языке / пер. на эн. яз. Г.С. Болиной. – СПб.: Алмаз-Граф, 2016.– 192 с.

50 экз. **Энец./3–8**

9. Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. – СПб.: Наука, 2009.– 488 с. **Энец./3–2**

10. Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецко-русский и русско-энецкий словарь: Учебное

пособие для общеобразовательных учреждений. – 2-е изд. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2011. – 319 с.

520 экз. **Энец./3–5**

11. Сорокина И. П., Болина Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий: 5–9 кл.: Пособие для общеобразовательных организаций. – СПб.: Алмаз-Граф, 2017. – 319 с.

50 экз. **Энец./3–7**

12. Чарушин Е. Сама” нэон эза дёри” = Рассказы о животных: Книга для чтения в начальной школе / пер. на эн. яз. Г. С. Болиной. – СПб.: Алмаз-Граф, 2015. – 175 с.

50 экз. **Энец./4–2**

13. Чарушин Е. Сама” базыта дёри” = Рассказы о животных: 1–4 классы: Пособие по развитию речи на энецком языке для общеобразовательных учреждений / пер. на эн. яз. Г. С. Болиной; науч. ред. и консульт. А. Б. Шлуинский. – СПб.: Алмаз-Граф, 2020. – 175 с.

50 экз. **Энец./3–10**

Учтены в карточном (и электронном) каталогах, но не были доступны во время проведения исследования следующие издания:

14. Сорокина И. П. Энецкий язык. – СПб.: Наука, 2010. – 410 с. (книга была на выставке к Дню коренных народов мира) **Энец./3–4**

15. Сорокина И. П., Болина Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. Пособие для учащихся начальной школы. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2001. – 311 с. (возможно, словарь хранился отдельно от остального энецкого фонда вместе со словарями других языков) **Энец./3–1**

Выявленные черты энецкой книжности

Внимательный анализ перечисленных выше энецких изданий в сочетании с изучением открытых источников позволил сделать ряд интересных выводов.

1. Большинство изданий вышло в свет не в регионе проживания энцев (Таймырский Долгано-Ненецкий район Красноярского края), а в Санкт-Петербурге, который (ко всему прочему) вполне можно

считать столицей книгоиздания на языках народов Севера (и центром подготовки специалистов по ним – Институт народов Севера РГПУ им. Герцена); это отличает книжность на ряде языков народов Севера от крупных республиканских языков, подавляющее большинство изданий на которых выходит в регионах проживания их носителей (Татарстан, Удмуртия, Чувашия и др.).

2. Все издания, кроме одного, связаны с авторами, составителями и переводчиками, носящими одну и ту же фамилию Болина (Д. С. Болина, З. Н. Болина, Г. С. Болина); информация о том, что они являются близкими родственниками, подтверждена у Д. С. Болиной. Это говорит о том, что среди энцев сложилось небольшое, но тесное и во многом родственное сообщество национальной интеллигенции, поддерживающей развитие своего языка и культуры; однако по данным открытых источников можно заключить, что это сообщество сконцентрировано на поддержке родного для него лесного энецкого языка, тогда как у тундрового энецкого таких активистов нет. В этой связи важно пояснить, что в последние десятилетия учёные-лингвисты говорят о двух энецких языках, заметно отличающихся друг от друга, – лесном энецком и тундровом энецком. Как разные эти языки учитываются Институтом языкознания РАН на портале «Малые языки России»: <https://minlang.iling-ran.ru/langs> (Дата обращения: 13.05.2024). По данным этого портала, носителей лесного энецкого насчитывается 25, тундрового – 15. В переписи населения 2020 (2021) г. знание энецкого языка отмечено для 97 человек¹. При этом самих энцев, по данным той же переписи, 201; из них 195 проживали в Красноярском крае и лишь 3 – в г. Санкт-Петербурге². Отмечается, что две территориальные группы энцев (лесные и тундровые), между ко-

¹ Всероссийская перепись населения. 2020 г. Том. 5. Таблица 4. Владение языками и использование языков населением. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (Дата обращения 13.05.2024).

² Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5. Таблица 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_Samonazvan_VPN-2020.xlsx (Дата обращения 13.05.2024).

торыми 400 км, «развиваются в условиях относительной изоляции друг от друга» (Krivonogov, 1998).

3. Все доступные в библиотеке энецкие издания вышли в XXI в.; это значит, что процессы ревитализации энецкого языка, его поддержка со стороны государства начались лишь несколько десятилетий назад. Это отличает энецкий язык от ряда других малых языков России (ижорский, нивхский, ительменский и др.), печать на которых (в основном для школьных нужд) началась в эпоху языкового строительства в СССР в 1930-е гг. (Alpatov, 2000: 74). Как указывают исследователи энецкого языка (Shluinskii, Hanina, 2016: 590), впервые проект энецкого алфавита был опубликован в 1986 г. (Tereshchenko, 1986), но тогда он не получил использования.

4. Почти все энецкие издания ориентированы на работу в дошкольном образовательном учреждении (детском саду) или начальных классах школы. Это свидетельствует о некоторой замкнутости энецкой книжности в рамках нацеленности на преподавание языка маленьким детям; представляется, что для её успешного развития эта замкнутость должна быть преодолена.

5. Почти все энецкие издания вышли чрезвычайно малыми тиражами и лишь несколько – просто малыми. Это говорит о том, что они издаются исходя из числа их потенциальных пользователей – преподавателей энецкого языка и детей, которым он преподаётся в детском саду и школе пос. Потапово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края. Однако интерес к таким изданиям может возникнуть и у представителей власти, и у отдельных языковых активистов, даже живущих далеко от Таймыра, также по закону об обязательном экземпляре книги должны поступать в Российскую книжную палату, что говорит о том, что 50 экземпляров может быть мало. Возможное решение проблемы – распространение книг в электронном виде (этот путь уже намечен: так, некоторые издания на энецком и других местных языках доступны онлайн на сайтах Таймырского дома народного творчества tdnt.

org и Проектного офиса развития Арктики porarctic.ru).

Колебания энецкого алфавита на начальном этапе становления энецкой письменной традиции

Представленные в ОНЛ энецкие книги позволяют в общих чертах проследить историю трансформаций графики энецкого языка на начальном этапе становления его письменности. Но перед тем, как к этому перейти, необходимо указать на то, что в 2018 г. Проектным офисом развития Арктики (ПОРА) в партнёрстве с Сибирским федеральным университетом (СФУ, г. Красноярск) и другими заинтересованными специалистами был начат проект под названием «Создание энецкой письменности как способа сохранения уникального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера» (учитывая, что к моменту начала реализации этого проекта энецкая письменность уже существовала, название проекта вызывает недоумение, однако его результаты для сохранения и развития языка представляются весьма ценными и полезными)³. В рамках этого проекта была проведена экспедиция представителей СФУ в пос. Потапово (в результате этой экспедиции был выпущен ряд статей и коллективная монография (Novye perspektivy dlia entsev, 2020)), был создан видеокурс энецкого языка (преподаватель – Д. С. Болина)⁴ и проводились семинары специалистов и преподавателей энецкого языка в г. Дудинке⁵, в рамках одного из которых в октябре 2019 г. был принят «наиболее новый вариант алфавита и орфографических рекомендаций»⁶; последнее означает, что до этого в книгах на энецком языке использовался некоторый иной вариант алфавита, что и подтверждается в ходе анализа энецких изданий.

Так, в новом энецком букваре 2019 г. «Энчуу» букварь» (отсутствующем в ОНЛ)

³ <https://энцы.пф/towardsentsam> (Дата обращения 13.05.2024).

⁴ <https://энцы.пф/kurs> (Дата обращения 13.05.2024).

⁵ <https://goarctic.ru/news/kak-zagovorit-po-enetski/> (Дата обращения 13.05.2024).

⁶ https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_ency_all.html (Дата обращения 13.05.2024).

есть буква *Ôô* и нет знака *'* (одиночного апострофа) (Bolina D., 2019: 92)⁷, а в букваре 2017 г. «Энчу букварь» (Bolina D., 2017: 3) буквы *Ôô* нет, но знак *'* (наряду с *”*) был. При этом в «Русско-энецком разговорнике» 2022 г., видимо, по ошибке приводится энецкий алфавит образца 2017 г. (без *Ôô*, но с двумя знаками для гортанных смычных *'* и *”*) (Bolina D., 2022: 5), но по факту используется алфавит образца 2019 г. (с *Ôô* и лишь одним знаком *”*). Этот (новейший) алфавит выглядит так:

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж Зз Ии Йй Кк Лл Мм Нн Њњ Оо Ôô Пп Рр Сс Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щщ Ъ ъ Ыы Ь ѣ Ээ Юю Яя ”

В более ранних изданиях использовалась и буква *Ѕс*, роднившая энецкий алфавит с чувашским и башкирским (входит в алфавит в словаре (Sorokina, Bolina D., 2001: 11) и в других словарных изданиях тех же авторов; используется и в книге «Родное слово» (Rodnoe slovo, 2002), однако в «Энецком картинном словаре» 2012 г. она отсутствует (заменена на *Щщ*) (Bolina Z., 2012: 3). Буква *Њ* (Sorokina, Bolina D., 2001: 11; Bolina Z., 2012: 3) в некоторых более поздних изданиях выглядит как *Њњ* (Charushin, 2015: 3), но в букварях Д. С. Болиной 2017 и 2019 гг. – как *Њц* со скошенной ножкой (то есть эта буква по начертанию, видимо, нетождественна татарской и башкирской *Њц*, хотя на страницах этой буквы (Bolina D., 2017: 52; Bolina D., 2019: 56) ножка прямая). Отметим, что самый первый вариант энецкого алфавита 1986 г. предполагал и наличие отдельной буквы *з*, обозначающей «переднеязычный звонкий плоскощелевой» звук, в то же время графема *с*, которая, если говорить точнее, выглядит там как буква *с* с косой чертой, перечёркивающей нижнюю часть буквы по направлению влево и вниз, по-видимому, считается вариантом буквы *С* и отдельно в алфавит не входит; вместе с тем в алфавите 1986 г. присутствует буква *ô* (только в строчном варианте), обозначающая «у-образный звук» (Tereshchenko, 1986: 51–52). Приводим этот алфавит ниже:

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж Зз Ии й Кк Лл Мм Нн Њњ Оо ô Пп Рр Сс з Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щщ ъ Ыы ь Ээ э Юю Яя ’ ”

Как видим, алфавит энецкого языка за недолгое время своего существования пережил целый ряд трансформаций, однако подобные колебания в графике иногда встречаются при возникновении письменности на том или ином языке и на начальных этапах её становления, так что ничего необычного в этом нет. Эту ситуацию можно сравнить с ситуациями с алфавитами водского и ижорского языков – языков коренных малочисленных народов Ленинградской области, относящихся к прибалтийско-финской языковой группе, которые так же, как и энецкий язык, входят в уральскую языковую семью (Haidu, 1985: 12, 78). Так, в пособии по ижорскому языку 2014 г. (Kon'kova, D'iachkov, 2014: 1) ижорский алфавит насчитывает 27 букв (Аа Вв Сс Дд Ее Фф Гг Нн Ии Ъ ъ Ыы Ь ѣ Ээ Юю Яя ”), а в пособии 2022 г. (Agranat, Beleshko, 2022) – 26, причём есть серьёзные отличия и в порядке букв, и в начертании (Аа Ää Вв Сс Čč Дд Ее Фф Гг Нн Ии Ъ ъ Ыы Ь ѣ Ээ Юю Яя ”); этот алфавит приведён в статье (Agranat, 2022: 154). В пособии по водскому языку 2014 г., подготовленном в России (Kon'kova, D'iachkov, 2014: 1) водский алфавит насчитывает 31 букву (Аа Вв Сс Дд Д'д' Ее Фф Гг Нн Ии Ъ ъ Ыы Ь ѣ Ээ Юю Яя ”), а в пособии 2015 г., подготовленном в Эстонии (Heinsoo, 2015), – 27/28 (А В D E F G H I J K L M N O P R S Š Z Ž T (Tš) U V Ö Ä Ö Ü; входит ли в алфавит диграф *tš*, обозначающий звук [ч], неясно; есть и другие варианты водского алфавита). Колебания в графике отмечаются и в возникшей совсем недавно бесермянской письменной традиции (Maksimov, 2024: 14), основанной на речи бесермян, ранее однозначно считавшейся частью удмуртского диалектного континуума («Под термином “язык бесермян” мы понимаем язык особой этнической группы удмуртского народа» (Tepliashina, 1970: 35)). Так, колебания в новой бесермянской письменности в предисловии к пе-

⁷ https://porarctic.ru/upload/Eneskiy_Bukvar.pdf (Дата обращения 13.05.2024)

реводу «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери на бесермянский язык отмечает австрийский финно-угровед К. Пишлёргер: «Наверное, будут еще дискуссии по поводу орфографии перевода. Бесермянское правописание пока еще окончательно не утвердилось, но нужно заметить, что для сохранения языка в будущем сегодня не столь важно, какие буквы используются (Щ или С, Ж или З и т.д.). В конце концов, это пока лишь вопрос личного вкуса» (Sent-Ekziuperi, 2022: 3).

Возвращаясь к энецкой книжности, добавим, что часть представленных в ОНЛ энецких изданий представляет собой переиздания более ранних книг из того же фонда (а именно там представлены два издания «Лучик солнца», два издания «Рассказов о животных» Е. Чарушина в переводе Г.С. Болиной); эти издания также дают ценный и интересный материал для изучения трансформаций энецкой письменной традиции (различаются даже их названия на энецком: «Каяку' бинэ» и «Кая биныку», «Сама' нэон эза дёри'» и «Сама' базаыта дёри'»). Для наглядности можно сравнить хотя бы заголовок первого рассказа и первый абзац из разных изданий «Рассказов о животных»:

Самеку

Могахан самеку эда но дириби. Ёб дери эза кадяшь каниби. Самеку ань энчид ноорабиз, маре ми наарабиз, городуд када-рабиз. Самекусай маре комната дёдан мока-тарибиз.

(Charushin, 2015: 3)

Самику

Могахан самику эда но" дирибихи". Ёбкутун эза кадяшь каниби. Самику ань энчид ноорабиз", мариэ ми" наарабиз", го-родуд кадарабиз". Самикусай мариэ комна-та дёдаан мокатарибиз".

(Charushin, 2020: 6)

Этот же текст на русском языке⁸:

Волчишко

Жил в лесу волчишко с матерью. Вот как-то раз ушла мать на охоту. А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и при-нёс в город. Посреди комнаты мешок поло-жил.

Можно заметить, что различия между вариантами одного и того же энецкого текста разных годов не укладываются только лишь в вопросы графики, но их подробный анализ требует отдельной статьи.

Изучение доступных списков литерату-ры по энецкому языку и Электронного каталога РНБ показало, что как минимум четыре издания, содержащие текст на энец-ком языке, хранятся не в Отделе националь-ных литератур, а в Русском книжном фонде (ранее начатая нумерация будет продолже-на):

16. Барболина А. А. Паспорт безопасно-сти юного тундровичка: 1–4 классы: Учеб-ное пособие на русском и энецком языках для общеобразовательных организаций / пер. на эн. яз. Д. С. Болиной. – СПб.: Алмаз-Граф, 2017. – 47 с.

17. День Победы на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: Сборник пере-водов песни / сост. Н. Г. Вейсалова, М. А. Ра-чинская, С. Л. Чернышова. – М., 2021. – 128 с.⁹

18. Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 4. Томск, 1982. – 188 с.

19. Фольклор народов Таймыра: вып. 1. (энецкий фольклор) / сост. К. И. Лабана-ускас. – Дудинка: Таймырский окружной центр народного творчества, 1992. – 22 с.

Кроме того, путём поиска данных по спискам литературы и открытым источ-никам установлено, что в фонде ОНЛ от-сутствует ещё 11 изданий, имеющих пря-мое отношение к энецкой книжности (среди них есть и библейские тексты, об одном из таких изданий см. статью (Onishchenko, 2015); отсутствующие по состоянию на ко-нец 2023 г. в библиотеке издания перечисле-ны в приложении к отдельной публикации

⁸ Взят без сохранения разбивки на абзацы со следующей страницы: <http://charushin.lit-info.ru/charushin/rasskazy/volchishko.htm> (Дата обращения 13.05.2024).

⁹ Издание доступно онлайн: <https://raipon.info/upload/iblock/2d0/tu3p7uzm3d6hxyvz973vjqjbzocjiryg.pdf> (Дата обращения 13.05.2024).

автора (Kuznetsov, 2023: 25). Это, к сожалению, означает, что энецкий подфонд ОНЛ неполон, но и указывает конкретное направление по пополнению этого подфонда. Отметим, что некоторые из отсутствующих изданий доступны онлайн на сайтах *tdnt.org* и *porarctic.ru*.

Подводя итог, следует сказать, что книжность на энецком языке, несмотря на недавнее начало своего развития, некоторые трудности становления и ограниченный репертуар изданий, вполне заняла своё место в ряду национальных книжных культур народов России, которые и призван ак-

кумулировать и сохранять для нынешних и будущих поколений такой уникальный в мировом масштабе книжный центр, как Отдел национальных литератур Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга. Материалы энецкого подфонда Отдела национальных литератур позволяют в общих чертах проследить особенности формирования энецкой письменной традиции на начальном этапе её становления, в частности отметить колебания в графике энецкого языка в изданиях, выпущенных в разные годы, что и было продемонстрировано в настоящей работе.

Список литературы \ References

Agranat T.B. Reinkarnatsia izhorskoi pis'mennosti [The Reincarnation of Ingrian Writing]. In: *Rodnoi iazyk. Lingvisticheskii zhurnal [Native Language. Linguistic Journal]*, 2022, 2, 146–157. DOI: 10.37892/2313–5816–2022–2–146–157

Agranat T.B., Beleshko, N.G. Ižorin bukvari. *Izhorskii bukvar' [Ingrian Primer]*. SPb., Inkeri. 2022

Alpatov V.M. *150 iazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva. Izd. 2-e, dop. [150 Languages and Politics. 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space. 2nd edition, suppl.]*. M., 2000, 222.

Bolina D.S. *Enchu bukvar'. Bukvar'. 1 klass: uchebnoe posobie na enetskom iazyke dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii [Primer. 1st grade: a Textbook in the Enets Language for General Education Organizations]*. SPb., 2017, 134.

Bolina D.S. *Enchu' bukvar'. Bukvar'. 1 klass: uchebnoe posobie na enetskom iazyke (lesnoi dialekt) dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. Pod red. M. Ia. Barmich; nauch. konsul't. A. B. Shluinskii. 2-e izd. [Primer. 1st grade: a Textbook in the Enets Language (Forest Dialect) for General Education Organizations. Ed. by M. Ya. Barmich, scient. consult. A. B. Shluinsky. 2nd ed.]*. SPb., 2019, 143.

Bolina D.S. *Russko-enetskii razgovornik. Pod red.k. filol. nauk. A. B. Shluinskogo [Russian-Enets Phrasebook. Ed. by Cand. of Philol. Sciences A. B. Shluinsky]*. SPb., 2022, 91.

Bolina Z.N. *Enetskii kartinnyi slovar' (lesnoi dialekt) [Enets Picture Dictionary (Forest Dialect)]*. Dudinka, Taimyrskii dom narodnogo tvorchestva, 2012, 121.

Charushin E. *Sama'' neon eza deri''*. *Rasskazy o zhivotnykh: Kniga dlia chteniia v nachal'noi shkole. Per. na en. yaz. G. S. Bolinoi [Stories about Animals: A Book for Reading in Elementary School. Transl. in Enets by G. S. Bolina]*. SPb., 2015, 175.

Charushin E. *Sama'' bazyta deri''*. *Rasskazy o zhivotnykh: 1–4 klassy: Posobie po razvitiu rechi na enetskom iazyke dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. Per. na en. yaz. G. S. Bolinoi; nauch. red. i konsul't A. B. Shluinskii [Stories about Animals: Grades 1–4: A Manual on the Development of Speech in the Enets Language for General Education Institutions. Transl. in Enets by G. S. Bolina, scient. ed. and consult. A. B. Shluinsky]*. SPb., 2020, 175.

Haidu P. *Ural'skie iazyki i narody. Per. s veng. iaz. kand. filol. nauk E. A. Helimskogo; pod red. dokt. filol. nauk K. E. Maitinskoi; pred. akad. B. A. Serebrennikova [Uralic Languages and Peoples. Transl. from Hungarian cand. of philol. sciences E. Helimski, ed. doct. of philol. sciences K. E. Maytinskaya, foreword by acad. B. A. Serebrennikov]*. M., 430.

Heinsoo H. *Vad'd'a sõnakopittõja [Votic Piggy Bank of Words]*. Tartu, Helsinki, Mooses Putron muistosäätiö, 2015, 182.

Kon'kova O.I., D'iachkov N. A. *Inkeroin keel: Uchebnoe posobie po izhorskomu iazyku* [A Textbook on the Inghrian Language]. SPb., 2014, 83.

Kon'kova O. I., D'iachkov, N. A. *Vad'd'a ceeli: Uchebnoe posobie po vodskom u iazyku* [A textbook on the Votic language]. SPb., 2014, 84.

Krivosnogov V. P. Etnicheskie protsessy u entsev [Ethnic processes among the Enets]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review], 1998, 2, 46–57.

Kuznetsov M. Iu. Enetskaia knizhnost' v ONL RNB [Enets Bookishness in the Department of National Literatures of the National Library of Russia]. «*Prioritety natsional'noi knizhnosti: fondy ili chitatel'?*» (k 70-letiiu ONL). 5-ia mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaya konferentsia Otdela natsional'noi literatury RNB. 24–25 noiabria 2023 g. Tezisy dokladov. Otv. red. A. V. Andronov, Sh. S. Zhabko, M. D. Lyublinskaia [“Priorities of National Book Culture: Funds or the Reader?” (on the 70th Anniversary of the Department of National Literature). 5th International Scientific and Practical Conference of the Department of National Literature of the Russian National Library. November 24–25, 2023. Abstracts of the Reports. Ed. by A. V. Andronov, Sh. S. Zhabko, M. D. Lyublinskaya]. SPb., 2023, 23–25.

Maksimov S. A. *Leksika besermian: nasledie T. I. Tepliashinoi* [Besermians' vocabulary: the legacy of T. I. Tepliashina]. Izhevsk, UdmFITS UrO RAN, 2024, 816.

Novye perspektivy dlia entsev: issledovatel'skie i prikladnye proekty: monografiya. Nauch. red. N. P. Koptseva [New Perspectives for the Enets: Research and Applied Projects: Monograph. Scient. ed. N. P. Koptseva]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2020, 194.

Onishchenko A. G. Prosветitel'skaia deiatel'nost' kharizmaticheskikh tserkvei sredi malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraia [Educational Activity of Charismatic Churches among the Small Peoples of the Krasnoyarsk Krai]. In: *Mezhkonfessional'naya missiia. Missiia konfessii* [Interfaith mission. The mission of the confessions], 2015, 2(6), 45–52.

Rodnoe slovo: Enetskie pesni, skazki, istoricheskie predaniia, traditsionnye rasskazy, mify. Kerna” bazaba”: Onay enchu” bari”, çudobichu”, derechu”. Avt.-sost. K. I. Labanauskas; red. en. tekstov D. S. Bolina [Generic Word: Enets Songs, Fairy Tales, Historical Legends, Traditional Stories, Myths. Comp. by K. I. Labanauskas, Enets Texts ed. by D. S. Bolina]. SPb., 2002, 337.

Sent-Ekziuperi A. de. *Pichi prints. Beshcherma kole berektüz: R. Diukin; malpamez no uzhez rad-dian: K. Pishleger* [The Little Prince. Transl. in Beserman R. Dyukin; Author of the Idea and Organizer of the Work Ch. Pischlöger]. Neckarsteinach, Edition Tintenfaß, 2022, 94.

Shluinskii A. B., Hanina O. V. Enetskii iazyk [Enets language]. In: *Iazyk i obshchestvo. Entsiklopediia* [Language and Society. Encyclopedia]. M., 2016, 588–593.

Sorokina I. P., Bolina D. S. *Slovar' enetsko-russkii i russko-enetskii. Posobie dlia uchashchikhsia nachal'noi shkoly* [Enets-Russian and Russian-Enets Dictionary. A Manual for Elementary School Students]. SPb., 2001, 309.

Tepliashina T. I. *Iazyk besermian* [The Language of Besermians]. M., 1970, 288.

Tereshchenko N. M. Alfavit enetskogo iazyka [Alphabet of the Enets language]. In: *Paleoaziatskie iazyki* [Paleoasiatic Languages]. Leningrad, Nauka, 1986, 50–52.

Zhabko Sh. S. Otdel natsional'noi literatury za 60 let [Department of National literature for 60 years]. *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaya konferentsiia «Sto i odin iazyk: narod, kul'tura v prostranstve biblioteki»* (K 60-letiyu Otdela natsional'noi literatury RNB). 8 noyabrya 2013 g. Tezisy dokladov. Otv. red. A. V. Andronov, Sh. S. Zhabko [International Scientific and Practical Conference “One Hundred and One: Language, People, Culture in the Library Space” (Dedicated to the 60th anniversary of the Department of National Literature of the National Library of Russia). November 8, 2013. Abstracts of the Reports. Ed. by A. V. Andronov, Sh. S. Zhabko]. SPb., 2013, 11–12.

EDN: IWUFAV
УДК 39(=512.211)

Problems of Fishing on the Taz River: History, Modernity, and Solutions

Olga B. Stepanova*

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 14.02.2025, received in revised form 17.03.2025, accepted 30.04.2025

Abstract. The article examines the problematic situation that has developed in the fisheries on the Taz River, its causes and solutions are named. This topic has not been considered by scientists before. The article is based on the author's field materials collected over the past 20 years. The following conclusions were made as a result of the study. The largest problem of the Taz fisheries is the reduction of the Taz fish resources, primarily valuable whitefish, which has resulted from its overfishing by fishing enterprises. Technical and logistical capabilities for overfishing were provided by the state as part of supporting the traditional way of life of the indigenous peoples of the North. Overfishing was also facilitated by the untimely introduction of amendments to the Law on Fisheries, imperfect systems for distributing catch volumes, poaching, the lack of an effective fisheries protection structure and natural disasters. The plan to save the Taz fishery is based on strict compliance with the established rules by all its participants.

Keywords: Taz Selkups, Taz Nenets, traditional economic activities, fishing, overfishing, state support for indigenous peoples of the North.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Ethnography; History.

Citation: Stepanova O. B. Problems of Fishing on the Taz River: History, Modernity, and Solutions. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1033–1042. EDN: IWUFAV

Проблемы рыболовства на реке Таз: история, современность, пути решения

О.Б. Степанова

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье исследуется проблемная ситуация, сложившаяся в настоящее время в рыболовстве на р. Таз, называются ее причины и пути решения. Тема эта учеными до сих пор не рассматривалась. В основу статьи легли полевые материалы автора, собиравшиеся в течение последних 20 лет. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Самой масштабной проблемой тазовского рыболовства является сокращение рыбных ресурсов Таза, в первую очередь ценной рыбы сиговых пород, к чему привел ее перевылов рыбодобывающими предприятиями. Технические и логистические возможности для перевылова были обеспечены государством в рамках поддержки традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Перепромыслу способствовали также несвоевременность внесения поправок в Закон о рыболовстве, несовершенство систем распределения объемов вылова, браконьерство, отсутствие эффективной рыбоохранной структуры и природные катаклизмы. План по спасению тазовского рыболовства основывается на неукоснительном соблюдении всеми его участниками установленных правил.

Ключевые слова: тазовские селькупы, тазовские ненцы, традиционные хозяйственные занятия, рыболовство, перевылов, государственная поддержка коренных малочисленных народов Севера.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.6.4. Антропология, этнология, этнография.

Цитирование: Степанова О. Б. Проблемы рыболовства на реке Таз: история, современность, пути решения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1033–1042. EDN: IWUFAV

Введение

За последние пятнадцать лет произошло значительное оскудение рыбных ресурсов р. Таз, что не могло не внести свои коррективы в способы рыболовства и образ жизни коренных жителей тазовских берегов – селькупов и ненцев. Изучение изменений, происходящих в тазовском рыболовстве, – важная научная задача настоящего времени, поскольку рыба по-прежнему остается основой питания коренного населения, а рыболовство – одним из главных хозяйственных занятий. Поддержка рыбодобывающего направления хозяйства р. Таз уже много лет является частью социального государственного проекта помощи

коренным народам Севера по сохранению ими традиционного образа жизни; редактирование механизмов этого проекта, связанное с исчезновением рыбы, тоже требует постоянного наблюдения со стороны ученых.

Материалы и методы

Исследование базировалось на полевых материалах автора, наиболее значимую информацию по теме дали несколько бесед с учеными-ихтиологами. В 2018 г. автором было взято интервью у Е. Б. Дедкова, директора Верхне-Тазовского государственного заповедника, в 2022 г. – у Я. А. Кижеватова, к.б.н., сотрудника

екатеринбургского Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, проводящего свои изыскания в Красноселькупском районе на базе того же заповедника. Во время полевой работы 2024 г. на рыбугодье Надо-Мара в Тазовском районе была записана на диктофон беседа представителей окружной администрации ЯНАО, администрации Тазовского района и рыбаков-ненцев с П. А. Кочетковым, заместителем заведующего лабораторией рыбохозяйственной экологии Тюменского филиала ВНИИ рыбного хозяйства и океанографии. Ихтиологи в течение нескольких последних десятилетий мониторят состояние ресурсов Таза, от выводов ученых и принятых ими решений по восстановлению рыбных богатств реки, а также реализации этих решений государством, напрямую зависят изменения в способах рыболовства и социальном положении тазовских рыбаков. В исследовании также использовались сведения, полученные от директора Верхне-Тазовской рыбодобывающей компании, учредителя агрофирмы «Толькинская» и бывшего директора Пуровского рыбзавода С. В. Бельцева, они датированы 2016 г., и информантов-рыбаков Красноселькупского и Тазовского районов, собиравшиеся в разные годы последнего пятнадцатилетия.

Кроме записей бесед с ихтиологами и промысловиками источником исследования послужили архивные материалы Е. Д. Прокофьевой по истории тазовского рыболовства в 1920–1960-х гг., хранящиеся в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН (Stepanova, 2021), ряд статей автора, посвященных тазовскому рыболовству (Stepanova, 2019, 2020a, 2020b), и общие работы по традиционному хозяйству аборигенного населения Таза, включающие обзор рыбных промыслов (Golovnev, 1993; Golovnev, Tuchkova, 2005). Помимо архивной и полевой работы (проводимой в том числе методом глубинного интервью) в исследовании использовались методы анализа, описания и исторической ретроспективы.

Результаты

Катастрофический масштаб сегодняшнего экологического кризиса на реке Таз в доказательствах не нуждается, о нем вам расскажут все жители Таза без исключения, имеющие отношение к лову рыбы или потребляющие ее. В рыбацкие сети практически перестали попадать муксун, нельма и тугун, вслед за ними исчезают сырок (пелядь), пыжьян, щекур (чир) и ряпушка – кризис постиг главным образом белую рыбу сиговых пород. Рыбодобывающие предприятия переориентировали свой промысел с белой рыбы на черную (щуку, язя, плотву, карася, налима, ерша, леща), но и количество черной рыбы тоже заметно уменьшилось.

По общему мнению информантов-рыбаков, причина обезрыблывания местной экосистемы носит техногенный характер. На правом берегу Таза и в междуречье Таза и Енисея находится несколько месторождений углеводородного сырья, в частности, гигантское Ванкорское месторождение, они соединены трубами с Западно-Сибирской системой трубопроводов. Трубы эти идут через Таз. Например, на территории Красноселькупского района таких труб пять – две, старые, проведены по дну реки, и три, новые, проложены под дном методом горизонтального бурения. Не меньшее количество труб пересекает Таз в низовьях, в Тазовском районе. Информанты считают, что трубы своей вибрацией затрудняют рыбе проход вверх по Тазу. По данным из того же источника, за последние пятнадцать лет было несколько крупных аварий на трубопроводах, когда в реку попадал газоконденсат, и огромное количество погибшей рыбы выбрасывало на берег; небольшие утечки из труб случаются регулярно и не всегда фиксируются экологическими службами.

Однако ученые-ихтиологи опровергают мнение рыбаков и указывают на социальные корни кризиса. Они утверждают, что истощение рыбных ресурсов произошло в результате перепромысла. В доказательство этого вывода они приводят данные своих наблюдений за ихтиофауной Таза, свидетельствующие об уменьшении

размерного состава маточного стада всех видов рыб и отсутствии у них старшей возрастной группы, к чему может привести только перевылов. Техногенную причину они предполагают лишь в одном случае, связанном с исчезновением тугунка в верховьях р. Тольки, правом притоке Таза. П. А. Кочетков допускает, что был какой-то разовый выброс в реку Толька с Хомского месторождения, расположенного выше пос. Верхняя Толька, Я. А. Кижеватов подозревает, что микровыбросы происходили многократно. Но при этом ни подтвердить, ни опровергнуть свои предположения ученые не могут – наблюдения за водой на р. Толька за последние пятнадцать лет не производились. Есть также один факт, который служит опровержением техногенного воздействия на экосистему Таза в этом месте: в р. Тольке пропал только тугун, другая рыба никак не пострадала.

Критическое оскудение рыбных запасов в результате перевылова для Таза не ново, похожая ситуация здесь уже случалась в 50-х годах XX в. Причиной кризиса тогда послужил сверхинтенсивный лов рыбы тазовскими колхозами во время войны и сохранение высоких плановых показателей после ее окончания. Возможности для интенсификации лова появились вместе со становлением на реке Таз отрасли промышленного рыболовства и оснащения ее техническими средствами, которые работали на двигателе внутреннего сгорания. Причем колхозы стали одновременно виновниками и заложниками ситуации: выполнение планов по вылову рыбы в итоге оказалось сорвано. Кризис 1950-х гг. тоже коснулся главным образом белой рыбы – самой ценной из всех видов тазовских рыб. С начала 1960-х гг. на р. Таз начал действовать ряд мер, принятых на основе исследований и рекомендаций ученых-ихтиологов и направленных на восстановление рыбных ресурсов. В первую очередь к ним относились: запрет ловить рыбу на магистрали Таза (компенсируемый освоением отшнурованных водоемов, развитием подледного лова и запорного рыболовства на подъемную рыбу), запрет использования сетей

с мелкой ячейкой (чтобы в них не попадала молодь) и создание для надзора за соблюдением новых правил специальной организации – рыбоохраны (Stepanova, 2021). Новые правила рыболовства, которых тазовские рыбодобывающие предприятия строго придерживались до начала 1990-х гг., позволили экосистеме Таза выйти из пике и восстановить рыбные ресурсы до прежнего уровня.

Начиная с 1990-х гг. антикризисные меры, принятые в советское время, постепенно перестали соблюдаться. Рыбодобыча вернулась на магистраль Таза, следом был упразднен рыбнадзор, его функции были переданы полиции, пограничникам, Росгвардии, местным нефтегазодобывающим предприятиям, а затем службе по охране биоресурсов, однако действия этих организаций в рыбоохранной сфере не были сколько-нибудь эффективными. В 2004 г. появился федеральный Закон о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов, позже получивший региональную детализацию, которая постоянно расширялась, однако в полном объеме он не выполнялся, потому что некому было за следить за его соблюдением.

Новое сокращение запасов рыбы сиговых пород на реке Таз стало очевидным в начале 2010-х гг. С. В. Бельцев считает, что в сокращении численности ее популяции не виноваты крупные тазовские сельхозпредприятия (образованные из бывших совхозов). Он аргументирует это тем, что ни его компания, ни другие такие же предприятия не ловили рыбу после 20 августа, когда сиговые идут на нерест. По словам Бельцева, причиной беды стал неумный вылов белой рыбы местными частниками, которые добывали ее в период хода на нерест в верховьях Таза, на участке между реками Толька и Ратта.

По мнению Е. Б. Дедкова, в перепромысле и истощении рыбных запасов Таза виноваты именно сельхозпредприятия, применяющие новые высокоэффективные средства рыбодобывающего производства, и также недостаточность рыбоохранных мер. В интервью он отметил, что рыболов-

ные предприятия вылавливают молодь ценных видов рыб, так как дотацию им платят за общий вес пойманной рыбы, а не за ее размерный и видовой состав. Нужно пояснить, что в рамках окружных программ по поддержке традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера все рыбодобывающие предприятия Таза дотируются по ряду позиций, в частности, дотации начисляются за каждый килограмм улова – без этих дотаций деятельность будет нерентабельной. В первое десятилетие XXI в. государство создало для этих предприятий мощную материально-техническую базу, включавшую в первую очередь холодильники (плавучие и береговые), а также транспортирующие их и готовую продукцию катера и автомобили. Скороморозильные установки, холодильные камеры объемом по несколько десятков тонн каждая и связанные с ними транспортные средства произвели в рыбодобывающей отрасли Таза революцию и в десятки раз повысили ее продуктивность. Значительно упростили доставку добываемой рыбы к покупателям построенная в 2006 г. круглогодичная автомобильная дорога пос. Тазовский – Тюмень и ежегодно оборудуемые зимники, которые выходят на эту дорогу из пос. Красноселькуп и Толька.

Большая часть тазовской (черной) рыбы с мая по август нерестится и нагуливает жирок в сорах, затем она, скатываясь с соров, скапливается перед устьями тех притоков Таза, в которые заходит на зимовку. Участки, где она собирается перед поворотом в притоки, называют урожайными песками, здесь есть возможность вылавливать рыбу в огромных количествах, и промысловики в полной мере эту возможность используют – обеспеченность холодильным оборудованием им это позволяет; все урожайные пески закреплены за рыбодобывающими предприятиями. Самые урожайные участки находятся в нижнем течении Таза, где ширина соровой системы в десятки раз шире, чем в верховьях, и может достигать 50 километров. Поэтому рыбаки Красноселькупского района, расположенного выше по течению Таза, обвиняют в пере-

промысле рыбаков Тазовского района (они считают также, что последние используют электронные устройства – электрозавески, не дающие рыбе идти вверх по Тазу, т.е. в Красноселькупский район).

Белая рыба зимует в Тазовской губе, весной она заходит в Таз и нагуливает жир в соровой системе и связанных с Тазом водоемах; в августе начинается ее массовый ход в верховья Таза, где расположены притоки, в которых у нее происходит нерест, – это речки Худосей, Печалька, Толька, Каралька, Поколька и Ратта; отметав икру, в сентябре-ноябре, часто уже подо льдом, рыба скатывается обратно в губу. Законом о рыболовстве – сейчас для ЯНАО это «Правила рыболовства Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна» – давно запрещен вылов сиговых в период нереста на реках, которые служат для сигов роддомами, в данный момент запрет действует с 1 сентября по 5 ноября. Но до 2023 г. закон не ограничивал добычу белой рыбы на магистрали Таза (на песках Нижнего Таза) во время ее подъема на нерест. Рыбодобывающим предприятиям лов проходной белой рыбы приносил основной доход, именно тогда ими осваивались квоты, выполнялись планы, и тогда же происходил скрываемый документально перевылов, наносящий урон тазовским ресурсам.

В ходе встречи окружного и районного начальства, ихтиологов и тазовских рыбаков на песке Надо-Мара в августе 2024 г. П. А. Кочетков объяснял всем собравшимся действующий уже второй год запрет на бросание невода в течение 20 дней, с 10 по 31 августа, когда белая рыба идет на нерест в верховья Таза. Рыбаки были вынуждены подчиниться запрету, так как плавучие платформы с морозилками и холодильниками, куда они сдают пойманную рыбу, закрыли или отбуксировали в Тазовский, вывезли всю рыбу и со складов Тазовского рыбокомбината. Компенсацию за потерю заработка, связанную с вынужденным простоем, начальство рыбакам даже не пообещало. Однако нужно заметить, что участниками встречи обсуждался также вопрос о сокращении срока запрета на будущие

годы: «до разумных пределов». Ихтиологи выступили с инициативой сократить его до десяти дней, взятых в разбивку – только по субботам и воскресеньям: «чтобы рыбаки по двадцать дней не простаивали, но вместе с тем, чтобы и необходимое для нормального воспроизводства количество рыбы прошло, только так можно обеспечить стабильные уловы в будущем» (ПМА, 2024). Изменение сроков запрета ихтиологи предполагали внести в действующие правила рыболовства к 2025 г. Кроме запрета на лов в определенный период времени на Нижнем Тазу уже несколько лет действуют ограничения по размеру неводов, так как полукилометровый невод перекрывает реку от берега до берега и не дает проходить рыбе дальше по реке.

Однако не надо думать, что запрет на вылов рыбы в течение двадцати дней августа является полным и абсолютным. Для коренного населения существуют нормы разрешенной добычи рыбы, используемой в целях собственного потребления. И даже если коренные жители добывают рыбу сверх нормы, кураторы закрывают на это глаза, если рыба только потребляется, а не продается. По словам Я. А. Кижеватова: «Крупное стойбище выедает до тонны рыбы в сутки. Просто кушают, собак кормят. Ну, как же им такое запретить. Без цели продажи, правило у нас такое выработалось, народ не трогать, если только на еду добывается, для ведения хозяйства» (ПМА, 2022).

Жаркие споры у собравшихся на песке Надо-Мара заинтересованных лиц вызвали действующие в настоящее время системы распределения квот («рыболовных усилий») на добычу рыбы, основная цель которых – не допускать перевылова. Ихтиологи выказали уверенность, что применяемая сейчас во многих районах ЯНАО система ОДУ (общий допустимый вылов) совершенно неверна и требует замены. По этой системе общий разрешенный объем вылова делится между заявившимися предприятиями. Распределение вылова по ОДУ дает предприятиям лазейку ловить больше разрешенного объема и скрывать реальные

цифры, подделывая отчеты; разницу между фактическим и разрешенным выловом рыбы ценных пород предприятия прячут под другими видами рыбы, перепродают – схем мошенничества много, а эффективно-го надзора за тем, кто сколько ловит, нет.

Системе ОДУ ихтиологи противопоставляют олимпийскую систему, которой отдают предпочтение: «Одуемая система это, по сути дела, теневая статистика, громадная, они отчитываются, как хотят, попробуй, поймай там. Пишут эти тонны, а ловят гораздо больше. Вот когда люди по олимпийской системе ловят и отчитываются, там я хоть вижу, что поймали. Они друг с другом в быстроте освоения соревнуются, они не прячут эту статистику» (ПМА, 2024). При олимпийской системе устанавливается общая квота вылова, и рыбаки осваивают ее «наперегонки», пока не исчерпывают выделенный лимит. Но олимпийская система, по мнению П. А. Кочеткова, тоже нуждается в совершенствовании. Минус ее состоит в слишком больших сроках отчетности по вылову: если отчетность сдается ежедневно, как происходит на Чукотке и Дальнем Востоке, то можно отслеживать объемы и вовремя перекрывать вылов. Если отчетность поступает к ихтиологам спустя две недели, еще сколько-то времени уходит на рассмотрение, и правильно отреагировать они уже не успевают, происходит перевылов, часто на 30–50 %. П. А. Кочетков считает оптимальным пятидневный срок подачи отчетности.

Присутствовавший на Надо-Мара директор департамента АПК ЯНАО А. Н. Рубашин, наоборот, выступил в защиту системы ОДУ и против олимпийской. Он объяснил это тем, что из-за растянутого подъема белой рыбы до предприятий, находящихся выше по реке, рыба не доходит, ее вычерпывают низовские предприятия. «Если говорить о приписках, те, кто находится в устье реки, могут сразу показать большие уловы, а потом, имея документальный задел, они будут под него в дальнейшем рыбу ловить или скупать ее у местного населения и легализовывать. То есть они сразу по олимпийской системе отку-

сили себе большой кусок, и это практика. А ОДУ – определенная гарантия, то есть предприятия имеют свою квоту, никто на нее больше не претендует, в рамках этой квоты они спокойно отрабатывают в этом сезоне и не переживают, что внизу на месяц раньше начали ловить» (ПМА, 2024). По сообщению А.Н. Рубашина, в Тазовской губе, где применяют олимпийскую систему, сейчас имеют свои участки предприятия из других районов ЯНАО, «зажатые в рамки одуемой системы», например из Шурышкарского района, и рыбу с реки просто записывают за этими участками, хотя никто из рыбаков сюда не приезжает.

Вместе с тем есть бригады чужих рыбаков из других районов, которые в Тазовской губе присутствуют реально. Получив квоты на вылов рыбы в Тазовском районе, они рассматривают их как разрешение на ничем не ограниченную рыбодобычу. Часть этих рыбаков занимается ловом там, где находятся зимовальные ямы, в которых зимует основное поголовье тазовской белой рыбы. Они продолжают лов в губе и по окончании срока запрета лова на магистральной Таза, когда рыбаки с песков уже увезены. Или, например, чужие рыбачат на Мессояхе, «где только ленивый, кто доползти не смог, не рыбачит» (ПМА, 2024). Подобная деятельность чужих предприятий в Тазовском районе наносит ощутимый урон тазовским запасам рыбы и усугубляет местный экологический кризис.

У В. Югая, главы Тазовского района (он занял этот пост два года назад), ситуация с чужими рыбаками в губе вызвала много вопросов, также он не доволен олимпийской системой, потому что объемы вылова, установленные для округа, например по ряпушке, вылавливают в других районах, а Тазовскому району, где ряпушка начинает идти на месяц позже, квота уже не достается. Защищая интересы коренного населения своего района, В. Югай заявил о своем намерении применить в решении экологических проблем Таза меры социального регулирования, а именно: оформить для рыбодобывающих предприятий Тазовской губы статус системообразующих

(градообразующих), то есть тех, которые обеспечивают трудоустройство основного населения поселков, и получить для них приоритет в рыбодобыче – при выделении квот «и всего прочего». Подобная практика, по словам В. Югая, в ЯНАО уже существует. Исполнение этого плана фактически будет означать изгнание из Тазовской губы чужих бригад и браконьеров.

В числе факторов, принесших большой вред тазовским запасам белой рыбы, следует назвать также запоры на подъемную (черную) рыбу, которые еще в 2010-х гг. ставились на сиговых нерестовых реках в период ската сегов. Для лова, например, по официальному разрешению, запорного налима на Худосеев речка перегораживалась полностью, от берега до берега, и налим добывалось много, сразу до 70 тонн. Но в то же время сверху спускались после икромета обессиленные сиговые, а поскольку официально спусковую рыбу ловить не разрешалось, и котцов на нее здесь не стояло, сегоги погибали: они замерзали метровым слоем на сто метров выше запора, и вычерпать их не было никакой возможности – ни физической (никакому человеку не под силу разорубить сто метров льда), ни законной. И такая картина наблюдалась на всех сиговых нерестовых речках (кроме р. Ратта, ставшей в 1986 г. территорией Верхне-Тазовского заповедника). Немало усилий к внесению поправки о запрете подобных запоров в закон о рыболовстве приложил Е.Б. Дедков. Поправкой запрещалось сплошное перекрытие реки и разрешалось перекрытие двух третей речного русла, но только не в замок (не с разных берегов, «по порядку можно, в замок нельзя»), чтобы оставался проход для сиговой миграции. Когда благодаря оснащению современными средствами эффективность тазовского рыболовства повысилась, использование запорного метода, на подъемную рыбу, заметно сократилось, и необходимость в нем практически отпала (ПМА, 2018).

П.А. Кочетков поделился рассказом о том, как был уничтожен тазовский муксун. По его словам, нерестилища местного муксуна, никогда не отличавшегося много-

численностью, находились, как и у прочих сигов, в верховьях Таза и были разбросаны по речкам. От других сигов муксуна отличала одна особенность: при ходе на нерест он концентрировался в определенных ямах. В 1990-е гг. некие люди это вычислили и вычерпали всего муксуна, «выдолбили» на этих ямах всех производителей: зная места концентрации, ставили бригады, вылавливали его и вывозили, и длилось это порядка десяти лет. По сведениям Е. Б. Дедкова, местное население также добывало муксуна в продажных количествах на его зимовальных ямах в Тазовской губе.

В 2012 г. А. П. Кочетков подписывал с департаментом АПК администрации ЯНАО документ о сохранении муксуна в реке Таз и открытии в Красноселькупе завода по его разведению. Вместе с проводниками ученый прошел тогда триста километров в поисках ям его концентрации, чтобы поставить базу сбора икры «и от остатков муксуна еще что-то получить». ВНИИРО г. Тюмени, где работает А. П. Кочетков, начал делать проект рыборазводного завода, «но ничего не прошло». То есть тазовский муксун числится пропавшим с 2012 г. Сейчас ниже пос. Тазовский уже пять лет работает садковое хозяйство от Собского завода, оно выпускает в Таз муксуна и чуть-чуть чира, но общее количество выпускаемых в Таз мальков рыбы очень мало. Как охарактеризовала рыборазводное производство в Тазовском Л. Н. Охман, заместитель директора департамента АПК ЯНАО: «Сиговых на Тазу мы стараемся восстановить» (ПМА, 2024). Однако очевидно, что усилий данного хозяйства совершенно недостаточно, чтобы надеяться на сколько-нибудь ощутимый результат.

Нельзя не сказать, что не только переувлов стал причиной кризиса экосистемы Таза – на сокращение местной популяции рыб периодически влияет сама природа. Например, по сообщению Я. А. Кижеватова, зимой 2016–2017 гг. на Таз рано пришли сильные морозы, и существенный снежный покров тогда еще не успел образоваться. Это привело к тому, что перемерзли основные нерестилища белой рыбы – замерзли

все мелкие перекаты и родники, на речках случился загар. Потом все восстановилось, и часть рыбы даже смогла это пережить, но погибло много развивающейся сиговой икры: на р. Худосей погибло все и на р. Ратта – на нижнем и верхнем нерестовых притоках Таза, ихтиологи Верхне-Тазовского заповедника это зафиксировали. В 2021 г. поколение белой рыбы 2017 года рождения в реке Таз должно было бы отсутствовать, однако в сезон 2021 г. по техногенной причине нагульная рыба из Обской губы не смогла зайти в Обь в каких-то значимых количествах и свернула в Таз, чем спасла положение тазовской сиговой популяции и подняла показатели.

Похожие природные перипетии за последние пятнадцать лет переживал также тугун. В 2012 г. была малая вода, что нанесло по нему удар, и он произвел малое пополнение. Ихтиологи за этим следили и ждали малого количества тугуна в следующие годы, но в 2014 г. он вообще пропал. Как отметил П. А. Кочетков, тугун короткоцикловая рыба, и до недавних пор считалось, что она быстро восстанавливается из небольшого количества икры, однако в последние годы вышло несколько научных статей, в которых описываются сбои, происходящие с рыбой подобных видов: прежде чем войти в определенную ритмику восстановления, ее может несколько лет «слихорадить».

Ученые питают надежды на самостоятельное возрождение не только популяции тугуна. П. А. Кочетков дал самый благоприятный прогноз на восстановление численности щуки. «Щука имеет смесь популяционных реакций, поэтому у нее громадная воспроизводительная способность, ни у какого другого частика такой способности нет. Есть показатель, коэффициент воспроизводительной способности «по Полякову», так вот у язя на одну самку восстановление идет шесть-восемь экземпляров, у ельца повыше, девять-десять, у плотвы тоже в этих пределах, а у щуки восемнадцать-сорок восемь! Но в неблагоприятный год, как на Оби был в прошлом году, у нее все в минус уходит. Поэтому

у нее такие вот могут быть провальные периоды, но при этом происходит мгновенное восстановление. Два года проходит, и у нее выстреливает поколение совершенно обалденное. Там у нее и каннибализм, и все, но сразу восстанавливается. Раньше промысел держался в значительной степени, в Ханты-Мансийском округе особенно, на сигалетках щуки. Их вылавливали там десятками миллионов, и она прекрасно справлялась. Вот за счет этой ее способности, то есть она восстанавливается махом. Это вот редкий вид такой» (ПМА, 2024). Ученый посоветовал собеседникам ни при каких обстоятельствах не отказываться от мелиоративного лова по щуке, поскольку она поедает мальков сига, и не допускать чрезмерного роста ее популяции.

П. А. Кочетков также заметил, что налим, которого на Оби в зиму 2023–2024 гг. сильно ударило замором, будет приходить в себя в течение пяти-шести-семи лет. Тазовчанам, по его словам, очень повезло – у них в районе не бывает таких страшных заморозов, как в Обской губе, где периодически погибает сумасшедшее количество рыбы. В Таз рыба всегда возвращается, и с сырком ситуация не безнадежная – два года ограничений на его вылов в августе скоро должны дать хорошую отдачу. Жители Таза также находятся в более благоприятном положении, потому что их река, с запасами сиговых рыб, целиком расположена в ЯНАО – одном субъекте РФ, и не надо, распределяя лимиты и прописывая правила рыболовства, устраивать бесконечные разборки между несколькими субъектами, как это происходит на Оби, протекающей по территориям Томской области, ХМАО и ЯНАО. П. А. Кочетков верит, что с рыбой на реке Таз все наладится, просто надо навести здесь порядок.

Заключение

Итак, главной сегодняшней проблемой тазовского рыболовства является истощение рыбных ресурсов р. Таз, приведшее к кризису рыболовства и сохранения коренным населением традиционного образа

жизни. Кризис породил череду других проблем, связанных с восстановлением рыбной популяции и спасением рыболовной отрасли. Основной причиной сокращения тазовских запасов ценной рыбы сиговых пород, на добыче которой всегда держалась рыболовная отрасль Таза, стал перевылов. Подобную ситуацию рыболовство Таза уже переживало в конце 1950-х гг. И тогда, и сейчас к перепромыслу привел неумеренный лов рыбы главным образом рыбодобывающими предприятиями, получившими такую возможность благодаря оснащению новыми техническими средствами, и в меньшей степени частниками. Отличия первого кризиса от второго состоит лишь в том, что в середине XX в. технические новшества были представлены механизмами, работающими на двигателе внутреннего сгорания, а в век нынешний государство, по программам поддержки коренных малочисленных народов Севера и сохранению ими традиционного образа жизни, обеспечило рыбаков Таза скороморозильными агрегатами, холодильными камерами большой вместимости и транспортом, способным доставлять это оборудование непосредственно к местам промысла. Значительную роль в формировании современного кризиса сыграло открытие круглогодичной дороги пос. Тазовский – Тюмень, облегчившей сбыт готовой продукции. Перепромыслу способствовали также недостаточная детализация Закона о рыболовстве, несвоевременность внесения в него нужных поправок, нарушения действующих норм закона всеми участниками рыбного лова, несовершенство существующих систем распределения объемов вылова между рыбодобывающими предприятиями, отсутствие должного надзора за соблюдением правил рыболовства, а также природные катаклизмы. Ихтиологи уже выработали план по спасению тазовского рыболовства, и успех в этом процессе зависит лишь от дисциплинированности заинтересованных в нем лиц.

Список сокращений

ПМА – полевые материалы автора

Список литературы \ References

Golovnev A. V. Istoricheskaya tipologiya khoziaistva narodov Severo-Zapadnoi Sibiri [Historical typology of farming peoples of the North-Western Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 1993. 204.

Golovnev A. V., Tuchkova N. A. Sel'kupy. Khoziaistvo [Sel'kups. Economy]. Narody Zapadnoi Sibiri [The peoples of western Siberia]. Ed. by I. N. Gemuev, V. I. Molodin, Z. P. Sokolova. Moscow: Nauka, 2005, 317–328.

Stepanova O. B. Energeticheskiy faktor razvitiya sovremennogo promyshlennogo rybolovstva severnykh sel'kupov [Energy factor of development of modern industrial fishing of northern Selkups]. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2019, 1, 184–196.

Stepanova O. B. Rybolovstvo i kochevoy tsikl severnykh sel'kupov [Fishing and nomadic cycle of northern Selkups]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Herald]. 2020, 1, 96–106.

Stepanova O. B. Promyshlennoye rybolovstvo severnykh sel'kupov: k istorii stanovleniya [Industrial fishing of northern Selkups: on the history of formation]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Herald]. 2020, 2, 95–106.

Stepanova O. B. Rukopis' Ye. D. Prokof'yevoy «Rybolovstvo tazovsko-turukhanskikh sel'kupov» iz arkhiva MAE RAN kak istochnik po istorii i etnografii Sibiri [Manuscript of E. D. Prokofieva "Fishing of Taz-Turukhan Selkups" from the archive of the MAE RAS as a source on the history and ethnography of Siberia]. In: *Vestnik Arkhivista* [Herald of an Archivist]. 2021, 1, 168–181.

EDN: JGWPLN
УДК 397

Means of Transportation of the Okhotsk Evenks: Local Peculiarities, Traditional Technologies and New Materials

Victoria B. Malakshanova*

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 27.11.2024, received in revised form 19.02.2025, accepted 03.04.2025

Abstract. The article is a generalization of the field materials on means of transport collected by the author among the Evenks of the Khabarovsk Krai in 2015–2024. Means of transportation are an integral part of the way of life of the peoples of the North. They are especially important in remote areas with harsh landscape conditions and with the lack of developed infrastructure as well. Despite the emergence of high-tech machines, the indigenous peoples of the North also use traditional time-tested means of transportation. Despite the emergence of high-tech machines, the indigenous peoples of the North do not deny the use of traditional means of transportation, proven by time. Depending on geographical, climatic and historical conditions, the development of means of transportation has local peculiarities. For the inhabitants of the Okhotsk coast, pack saddles, riding saddles, sleds, boats and skis are indispensable for reindeer herding, hunting, fishing and sea fisheries. Okhotsk Evenks introduce new materials, master other technologies of mobility, combining them with traditional ones, adapting to the ongoing changes.

Keywords: Okhotsk Evenks, Khabarovsk Krai, means of mobility, life support system.

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23–18–00637) “Changing materiality of the Arctic and Siberia: technologies, innovations, infrastructure” (PI–V.N. Davydov). Funding source – MAE RAS.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Ethnology, anthropology and ethnography.

Citation: Malakshanova V.B. Means of Transportation of the Okhotsk Evenks: Local Peculiarities, Traditional Technologies and New Materials. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1043–1050. EDN: JGWPLN

Транспортные средства охотских эвенков: локальные особенности, традиционные технологии и новые материалы

В.Б. Малакшанова

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье представлен анализ и обобщение материалов, собранных в полевых условиях во время экспедиций 2015–2024 гг. в местах компактного проживания эвенков Хабаровского края, населяющих побережье Охотского моря. Транспортные средства являются неотъемлемой частью жизненного уклада народов Севера. Особую важность они приобретают в труднодоступных территориях с суровыми ландшафтными условиями и с отсутствием развитой инфраструктуры. Несмотря на появление высокотехнологичных машин, народы Севера используют и традиционные средства передвижения, проверенные временем. В зависимости от географических, климатических, исторических факторов развитие средств передвижения имеет локальные особенности. Для жителей Охотского побережья выючные, верховые седла, нарта, лодка, лыжи незаменимы в занятии оленеводством, охотой, рыбалкой и морским зверобойным промыслом. Адаптируясь к происходящим изменениям, охотские эвенки внедряют новые материалы, осваивают иные технологии мобильности, совмещая с традиционными.

Ключевые слова: охотские эвенки, Хабаровский край, средства передвижения, система жизнеобеспечения.

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (грант № 23–18–00637) «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (руководитель – В. Н. Давыдов). Источник финансирования МАЭ РАН.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.6.4. Этнология, антропология и этнография.

Цитирование: Малакшанова В.Б. Транспортные средства охотских эвенков: локальные особенности, традиционные технологии и новые материалы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1043–1050. EDN: JGWPLN

Введение

В условиях социально-экономических, экологических изменений с учетом специфических географических, климатических факторов каждый этнос создаёт свою уникальную модель адаптации к окружающей среде с применением традиционных технологий, новых материалов, возможностей инфра-

структуры и мобильности. В этом отношении эвенки – один из возможных примеров создания множества локальных вариантов системы жизнеобеспечения. Исторически в ходе расселения каждая территориальная группа эвенков сформировала отличные от других стратегии жизнеобеспечения. Многие из локальных сообществ недостаточно изучены.

С этой точки зрения исследование адаптации охотских эвенков актуально. Статья является попыткой выявить и проанализировать региональные особенности внедрения новых технологий и нетрадиционных материалов для улучшения характеристик средств передвижений.

Охотские эвенки:

территориальные особенности

В научной литературе эвенков, проживающих в Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах Хабаровского края, принято именовать «охотскими» (Tugolukov, 1958: 11). Они входят в состав дальневосточных эвенков восточной территориальной группы. Общая численность населения двух районов составляет 3644 человека. В Тугуро-Чумиканском районе 1859 жителей, из них 1426 эвенки, в Аяно-Майском – 1785, из них 968 эвенки¹. Таким образом, более 65 % населения – представители коренных малочисленных народов Севера.

Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы расположены на севере края. Граничат на юго-востоке с Николаевским и Ульчским районами, на юге – с районом имени Полины Осипенко, на западе – с Амурской областью и Республикой Саха (Якутия). Общая площадь составляет 263,7 тыс. кв. км, преобладают разновидности горно-таёжных и гольцово-горно-тундровых ландшафтов, непроходимые болота и мари. Это одни из самых труднодоступных в Хабаровском крае территорий, отнесенных к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера. Основным средством сообщения является авиатранспорт. В летний период топливо, строительные, продовольственные материалы, большие грузы доставляются морским путем из г. Хабаровска, г. Николаевска-на-Амуре, порта Ванино в села Чумикан, Аян, Тугур. Предприниматели района в зимний период на короткий промежуток времени прокладывают незарегистрированные «дороги-зимники» для автомашин высокой про-

ходимости. Местные жители признают, что доставка продуктов и материалов первой необходимости этими маршрутами сопряжена с большим риском и опасностью для жизни и здоровья человека, но это вынужденная мера (Malakshanova, 2018: 147).

В связи с отсутствием налаженной инфраструктуры сохранение, усовершенствование и модернизация традиционных средств передвижения становится неотъемлемой частью системы жизнеобеспечения местного населения.

Вьючно-верховой транспорт

Для охотских эвенков было характерно использование оленя и собак в качестве вьючно-верхового и упряжного транспорта. Собачьи упряжки применялись вплоть до середины XX века. Самая известная упряжь была у жителя села Удского В.И. Сафронова, перевозившего почту из районного центра Чумикана (Тугаев, 2004: 123). На сегодня олень не утратил транспортную функцию, а собака сохранила только сторожевое и промысловое предназначение. Процесс исчезновения упряжного собаководства начался еще в первой половине XX в. в силу ряда причин. С ростом товарности рыбы возникла острая нехватка сырья для прокорма большого количества собак, и уже появление первых снегоходов и буранов полностью вытеснило упряжное собаководство (Ermolova, 1995: 191). Среди охотников крайне редко встречаются собаки, обученные ходить в упряжке, приученные к тягловой работе.

Эвенки-оленьеводы и охотники для перевозки грузов и переколёвки по тайге активно используют верховые, вьючные седла и нарты. Верховое седло было максимально выработано и приспособлено к оленю. Оно состояло из двух роговых луков и деревянных полоков (ленчиков), к середине которых вертикально привязывали «крылышки» в виде дугообразно изогнутой и колышком подпертой дощечки. Ленчики вьючных седел почти целиком вкладывали в мешок из шкуры оленя мехом внутрь, набивая оленьей шерстью. К седлу сверху прикрепляли шкуру с головы лося или оленя, при-

¹ Данные 2024 г. предоставлены Ассоциацией коренных малочисленных народов Хабаровского края.

этом переднюю луку оставляли открытой, а у задней открытым был только овал ее верхней части, к которому прикреплялись ремешки для привязывания вещей. В связи с этим на олене ездили без стремян, а седло лежало на лопатках, такое устройство седла было очень удобным. Садилась на него с наскока или находясь на определенной высоте, на пне или бревне. Всадник при посадке правой рукой опирался на низкую палку, левой на переднюю луку седла. На верховом седле ездили мужчины, женщины и подростки.

Конструкция вьючного седла отличалась от верхового только отсутствием «крылышек». На спину оленя под седло стелили старую шкуру. При вьючении груза сумы по бокам оленя должны быть одинаковыми по весу и не превышать 15–20 кг каждая (ПМА Хабаровский край, 2017–2022). Это необходимое условие для обтягивания седла и вьюков одним ремнем – подпружным. Для вьючных седел ремень был несколько длиннее, чем для верховых. Его длина составляла от 1,5 до 2,5 м, шириной ок. 4 см. (D’jachenko, Ermolova, 1994: 55).

В настоящее время у эвенков-оленьеводов Охотского побережья конструкция седел практически не изменилась. Деревянные луки орнаментируются менее обильно или же просто отмечаются символом в качестве знака принадлежности. Чаще всего используют луки от старых седел или оленьи рога. В качестве обтяжки используют шкуру с головы оленя. На вьючных седлах встречается обтяжка из плотной брезентовой хлопчатобумажной ткани, набиваемая шерстью оленя. Из полотна брезента также шьют вьючные сумы и используют в качестве ковра-кумалана, которым покрывали и защищали груз от влаги и мусора (ПМА Хабаровский край, 2017–2022).

В вьючно-верховом транспорте важное место занимают упряжи, недоуздки, уздечки, поясные ремни, ошейники. Традиционно их изготавливали из сыромятной кожи и оленьей, лосиной шкуры, выделанной в ровдугу. Охотские эвенки применяли нерпичью шкуру как наиболее прочную и долговечную. Сегодня всё чаще стали

использовать более доступные синтетические материалы, однако, как отмечают сами оленеводы, качество таких изделий низкое и недолговечное. Причина замены заключается в трудоёмкости выделки шкуры. Кроме того, данный процесс занимает большое количество времени.

Для изготовления упряжи и недоузdkов у охотских эвенков стало распространяться использование корабельных канатов, судовых тросов, оставленных на берегу моря, близ стоянок оленеводов (ПМА Хабаровский край, 2017–2022). Канаты тщательно промываются, просушиваются и разделяются на более мелкие нити, которые впоследствии сплетаются в необходимую толщину и длину. А в качестве подпружного ремня чаще всего используют плотные брезентовые ремни, сшиваемые друг с другом или соединенные отрезки мягких ремней от рюкзаков, сумок (ПМА Хабаровский край, 2017–2022).

Зимний упряжный транспорт

Езда на нартах для эвенков была нехарактерной, ее появление зарегистрировано у некоторых групп в XVIII–XIX вв. (Vasilevich, 1969: 101). Исследователи считают, что распространение у восточных эвенков нартово-упряжного транспорта связано с влиянием культуры близко соседствующих чукчей, коряков (Historical-ethnographic atlas of Siberia, 1961: 15–16; Vasilevich, 1969: 101). Во второй половине XIX в. у охотских эвенков нартенный транспорт стал повсеместным в связи с открытием Аянского и Якутско-Охотского трактов (D’jachenko, Ermolova, 1994: 56) В это время нартенная упряжь подверглась влиянию якутов и культуры народов нижнего Амура (Ermolova, 1995: 185). Таким образом, среди дальневосточных эвенков сформировался тунгусо-якутский тип нарт – прямокопильный, с бараном на передке; крепление ременное при помощи щипов, с парной упряжью, которая состоит из простого недоуздка, простой лямки (Historical-ethnographic atlas of Siberia, 1961: 23).

Грузовая и ездая нарты по конструкции не имели существенных различий. Для

полозьев нарт использовали березу с естественным изгибом. После просушки дерево с нижней стороны стёсывали, затем выдалбливали в полозьях по 4 гнезда, куда вставляли копылья, устанавливали перекладыны, настил из досок. Копылья размещали несколько наклонно внутрь верхними концами, для устойчивости конструкции. К выступающим над настилом верхним концам копыльев с двух боков прикрепляли тонкие жердочки. К передним слегка загнутым концам полозьев привязывали баран в виде дуги из березового бруса или черемуховой ветки, фиксируя их к передней паре копыльев. Длина грузовой нарты была в среднем около 2,5 м, ширина – 60 см, высота – 30 см. (Historical-ethnographic atlas of Siberia, 1961: 23). Ездовая нарта была немного выше и короче.

У эвенков был отмечен еще один вид ездовой нарты, отличающейся по размерам и конструкции от традиционной. Её изготавливали с разными типами копыльев: 2–3 изогнутые, крайние прямые или все прямые; баран привязан к нижним концам передней пары копыльев (Ermolova, 1995: 184). Изогнутые копылья позволяли, сидя верхом на нарте, ставить ноги на полозья. Если все копылья делали прямыми, то по бокам средней части делали выемки для ног. По мнению Г.М. Василевич, в этой нарте прослеживаются элементы собачьей ездовой нарты народов нижнего Амура (Historical-ethnographic atlas of Siberia, 1961: 16–17; Vasilevich, 1969: 24). Подобные нарты бытовали и в советское время, их использовали в соревнованиях на оленьих упряжах. Сейчас применяют для перевозки лёгких грузов летом и зимой, для езды женщин и детей.

Представленные виды нарт продолжают бытовать у охотских эвенков, не подвергшись конструктивным изменениям. В изготовлении оленьих нарт используют легкое дерево с естественным изгибом, для скрепления деталей – сыромятные лосинные, нерпичьи ремни, веревки, которые придают всей конструкции прочность и эластичность при езде по неровной поверхности, смягчая удары. Преимущество природных материалов заключается в его

быстром ремонте и замене. Грузоподъемность нарты до 200 килограммов, срок службы около 5 лет. Такая нарта используется также и в летний период (ПМА Хабаровский край, 2015) при перекочевке на небольшие расстояния для перевозки между стоянками крупногабаритных предметов и тяжелых для навьючивания на оленя вещей (бензогенераторов, ёмкости с топливом), а также для подвоза пресной воды к стоянке на морском побережье (ПМА Хабаровский край, 2017–2022).

Наряду с традиционным использованием в оленьей упряжи нарты стали применяться в качестве саней к снегоходам и буранам. В этом случае вся конструкция тяжелее, длиннее и в три раза массивнее. Все элементы фиксируются связкой веревок, проволокой. Баран заменяется на дугу из металла, крепят металлическими креплениями к технике. Нижняя сторона полозьев для лучшего скольжения и меньшего износа прошивается полосой из резины или полипропиленовой трубы. С помощью саней удастся перевозить до 500 килограммов, срок эксплуатации от 2 до 5 лет в зависимости от частоты пользования (ПМА Хабаровский край, 2017–2022).

Для перевозок на буранах в зимний период используют «пену» – бесполезные сани полностью из пластмассы или металла фабричного производства (ПМА Хабаровский край, 2017–2022: 2015). В отличие от нарт они плохо поддаются быстрому ремонту, легко ломаются и недолговечны. Пластик очень ломкий при низких температурах. Они не получили широкого распространения среди жителей Охотского побережья.

Лыжи

В прошлом и в настоящее время лыжи остаются незаменимым зимним средством передвижения охотника на промысле. Широкие лыжи, подклеенные шкурой лося или оленя (камусом), необходимы для передвижения в тайге по глубокому снегу. Лыжи-голицы, изготовленные из березы, ольхи, пихты, лиственницы, нужны для скольжения по весеннему насту.

Камусные лыжи делали чаще всего из ели, учитывая ее природную гибкость, лёгкость и прочность. Традиционно эвенкийские лыжи были короткими (ниже роста человека), тонкими (2 см в месте крепления и по концам – 1 см) и широкими (26–28 см) (Vasilevich, 1969: 66). Деревянные заготовки для придания выгиба помещали в специальную раму, в которой она высыхала в течение всего лета в амбаре, после чего ей придавали окончательную форму и оклеивали камусом. При этом обязательно ворс на камусе должен идти от носа к задку. Такое направление ворса позволяет притормаживать при подъеме на склонах. В контактных зонах с якутами использовался также камус коровы (Evenki, 2014: 11). Для подклейки шкуры применяли рыбий клей. В бассейнах лососевых рек клей делали из кожи кеты, налима, ленка, в других районах – из рога важенки. Его рубили на мелкие кусочки и варили (обычно в течение двух дней) до тех пор, пока они не превратятся в массу (D’jachenko, Ermolova, 1994: 46). Остывшей массой смазывали поверхность лыжи и камус, давали подсохнуть и мазали во второй раз. Обклеивается не только скользящая часть, но и нос, выполненный в форме плоского шара. Такое окончание необходимо для облегчения переноски лыж по снегу с помощью веревки, которая обвязывается вокруг шара. Через неделю такими лыжами можно пользоваться. Под ступню раньше охотники подклеивали кусок бересты или лопатку лося, чтобы не прилипал снег (Evenki, 2014: 11). Ременные крепления изготавливали из шкуры оленя или лося.

Современные охотники старшего поколения сами изготавливают себе лыжи, с учетом личных параметров, традиционной формы и с применением оленьей шкуры. Бересту под ступней заменяют резиной, ремешки изготавливают из плотных брезентовых ремней, куска толстой кожи, если оленья шкура недоступна. Молодые охотники в качестве деревянных заготовок для камусных лыж используют лыжи, купленные в специализированных магазинах, самостоятельно модернизируют – обклеивают камусами с использованием рыбьего клея, закругленный

нос при крайней необходимости заменяют сквозным отверстием, реже меняют ширину лыж (ПМА Хабаровский край, 2023–2024).

Лодка

В условиях ограниченного наземного сообщения между населенными пунктами и развития рыболовного промысла самым востребованным видом транспорта в теплое время года является водный.

Вплоть до начала XX в. все водные средства передвижения подразделялись на плоты, паромы, лодки. Среди последних по конструкции и способу изготовления выделяют три вида: дощатые плоскодонки, долбленые оморочки и лодки-берестянки. Самыми распространенными были берестяные лодки, вышедшие из употребления во второй половине XX в. (Tugaev, 2004: 123). Эвенки использовали их во время перекочевок и для охоты, где требовались быстрходность и легкость. Быстрота необходима для того, чтобы можно было догнать переплывающего через реку зверя, а легкость – чтобы без особых усилий переносить лодку сухим путем от одного водоёма к другому (D’jachenko, Ermolova, 1994: 74). Долбленная лодка имела острый нос и срезанную под прямым углом корму, использовалась для перевозки грузов и большого количества пассажиров. Такие лодки были в применении до начала 2000-х годов. Для их изготовления выбирали прямой тополь, рубили и делали заготовку нужных размеров – от 7 до 12 м. Выдалбливали сердцевину, толщина борта достигала до 1,5 см, затем выкапывали яму по форме лодки, размещали ее туда. Разводили рядом костёр, куда бросали камни. Лодку наполняли водой с грязью, размешивали и помещали внутрь раскаленные камни, вызывая кипение воды. Процесс занимал весь день. Затем из лодки убирали камни, добавляли воду и оставляли ее на два дня замачиваться. После снова кипятили воду, и распаренную лодку вытаскивали из ямы, осторожно распирая борта палочками, придавая окончательную форму. Вставив постоянные распорки, оставляли лодку сохнуть (D’jachenko, Ermolova, 1994: 76). Изготов-

лением долбленых лодок до начала 2000-х гг. активно занимались в селе Удском Тугуро-Чумиканского района (Turaev, 2004: 124–125). Это был один из способов заработать или обменять готовую лодку на дрова для отопления печи в зимний период (ПМА Хабаровский край, 2017–2022). Следует отметить, что в селе Удском продолжают традиции изготовления лодок (не долбленых, а дощатых). Местные жители называют это село «столицей» лодочного производства в Тугуро-Чумиканском районе (ПМА Хабаровский край, 2023–24).

Широкое распространение получили дощатые лодки (плоскодонки, дощанки). Жители района повсеместно называют её «гилячка» (ПМА Хабаровский край, 2017–2022). Традиционно дощанки делали из 3–4 досок (1–2 донные и 2 бортовые). Для плавания на больших реках количество досок увеличивали. На носу и корме боковые доски соединяли под острым углом. Внутри ставили 3–5 поперечин-распорок; сидели на дне или на дощечке, положенной на дно, гребя двулопастным веслом. Плоскодонки имелись только у эвенков, которые жили на одном месте в деревянном доме и летом постоянно занимались рыболовством (Vasilevich, 1969: 107).

Сейчас лодочные мастера изготавливают дощанки с учетом применения подвесных лодочных моторов разной мощности. Для закупоривания зазоров в стыках между досками вместо рыбьего клея, еловой смолы стали использовать строительный или кровельный битум. Нос, как и корму, конструируют под прямым плоским срезом, но в зависимости от глубины и необходимой скорости угол сгиба изменяют. Острые носы делают для мелких горных речек. Чем меньше угол на носу, тем больше мелкоходность; на корме угол влияет на скорость и манёвренность. Лодки небольшой длины, 4–5 м, имеют в дне одну доску шириной от 35 см до 50 см. Их изготавливают для движения по мелким речкам. Для более крутых поворотов на горных полноводных водоемах длина лодок достигает 6–8 м, дно и борт конструируют из пар досок. В этом случае лодка погружается в воду глубже

и легче поворачивается. Такие лодки необходимы для грузоперевозочных работ.

В теплое время года доставка грузов до населённых пунктов осуществляется в большинстве случаев водным транспортом: по морю на барже до районного центра Чумикана, далее на лодках по рекам Уда, Мая, Тором. Большая грузоподъёмность дощанок позволяет перевозить строительные материалы, предметы мебели, технику и нескольких пассажиров (всего до 1 тонны). Спрос на дощанки возрастает с их широким применением на рыболовном промысле, и они могут составлять достойную конкуренцию лодкам заводского производства. Стоимость изготовления небольшой лодки начинается от 65 000 рублей². Основным достоинством считают практичность в эксплуатации, простой ремонт, большую грузоподъёмность, доступность, в отличие от заводских моделей.

Применение и изготовление лодок-дощанок наблюдается только в Тугуро-Чумиканском районе, в других районах Хабаровского края используются фабричные моторные лодки.

Заключение

Полевые материалы свидетельствуют, что появление моторизованного транспорта не вытеснило полностью использование традиционных средств передвижения. Во многом это связано с отдалённостью от крупных центров, отсутствием налаженной инфраструктуры и дороговизной доставки. Опыт показал, что любая техника служит только при условии доступности топлива и запчастей, тогда как выючно-верховой олений транспорт, нартенная упряжь, лодка на веслах, лыжи работают в любых условиях.

Охотские эвенки творчески подходят к совмещению высокотехнологичных механизмов с традиционными (нарты для бурана, дощатая лодка с мотором), при этом не меняя конструкцию последних и улучшая эксплуатационные особенности посредством применения новых материалов – резины, пластмассы, брезента, ме-

² Стоимость 2024 г.

талла, синтетических нитей, битума. Они находятся в постоянном поиске материалов и разработке идей для применения старых или вышедших из употребления вещей – пластиковых труб, резиновых колес, корабельных канатов.

Таким образом, применение новых материалов и техники способствует сохранению оленеводства, освоению охотниками и рыбаками обширных промысловых угодий, что обеспечивает население основными продуктами питания – мясом и рыбой. Но в то же время современные технологии вытесняют традиционные знания и навыки.

Список источников

ПМА Хабаровский край, 2017–2022 – Полевые материалы автора из экспедиций в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края. Полевые дневники. 2017–2022 г.

ПМА Хабаровский край, 2015 – Полевые материалы автора из экспедиции в Аяно-Майский район Хабаровского края. Полевые дневники. 2015 г.

ПМА Хабаровский край, 2023–2024 – Полевые материалы автора из экспедиций в район имени Полины Осипенко Хабаровского края. Полевые дневники. 2023–2024 г.

Список литературы \ References

Vasilevich G. M. *Jevenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII-nachalo XX v.)* [The Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIIIth-early XXth century)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304.

D'jachenko V. I., Ermolova N. V. *Jevenki i jakuty juga Dal'nego Vostoka XVII–XX vv.* [Evenks and Yakuts of the South of the Far East XVIIth-XXth century]. SPb., 1994. 160.

Ermolova N. V. Tradicionnye sredstva peredvizheniya u narodov severnoj Sibiri. Olenyj transport i uprjzhnoe sobakovodstvo [Traditional means of transportation among the peoples of northern Siberia. Reindeer transportation and sled dog breeding]. In: *Jekologija jetnicheskih kul'tur Sibiri nakanune XXI veka* [Ecology of ethnic cultures of Siberia on the eve of the XXI century], 1995, 166–197.

Istoriko-jetnograficheskij atlas Sibiri [Historical-ethnographic atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad, 1961. 498.

Malakshanova V. B. Sovremennaja social'no-jekonomicheskaja i kul'turnaja situacija u ohotskih jevenkov (po materialam jekspedicii v Tuguro-Chumikanskij rajon Habarovskogo kraia v 2017–2018 gg.) [Socio-economic and cultural situation among the Okhotsk Evenks (based on the materials of the expedition to the Tuguro-Chumikan district of Khabarovsk Krai in 2017–2018)]. *Devjatyje Grodekovskie chtenija. Materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii "Dal'nij Vostok Rossii na perelome jepoh"* [The Ninth Grodekov's readings. Materials of the Interregional scientific and practical conference devoted to the 100th anniversary of the beginning of the Civil War in Russia "The Far East of Russia at the turn of the centuries"]. Khabarovsk, 2018, 146–151.

Tugolukov V. A. Ohotskie jevenki [The Okhotsk Evenks]. In: *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], 1958, 1, 11–23.

Turaev V. A. Ohotskie jevenki v XX veke: ot jetnokul'turnoj jevoljucii k social'noj degradacii [The Okhotsk Evenks in the twentieth century: from ethno-cultural evolution to social degradation]. In: *Jetnos i kul'tura v uslovijah obshhestvennyh transformacij* [Ethnos and culture in the conditions of social transformations]. Vladivostok: Dal'nauka, 2004, 212.

Evenki. Katalog kolekcii iz sobranij Habarovskogo kraevogo muzeja imeni N. I. Grodekova [Evenki. Catalog of the collection from the collections of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekova]. Avtor-sostavitel' V. B. Malakshanova. Khabarovsk: Khabarovskiy krajevoj muzej im. N. I. Grodekova, 2014. 260.

EDN: JONPKU
УДК 391.9

Traditional Clothing as an Indicator of Self-Identification and a Factor of Cultural Preservation in the Context of Industrial Development of Ancestral Lands (Using the Example of the Evenki of Syuldyukar)

Izabella Z. Borisova*

North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

Received 15.02.2025, received in revised form 14.04.2025, accepted 05.05.2025

Abstract. The aim of this research was to investigate the socio-cultural significance of traditional clothing as a marker of ethnic identity. The research employs a variety of methods, including analysis and review of scientific literature, surveys, focus groups, and an examination of social media posts. A small ethnic group, which has managed to maintain its core identity and ethnic identity despite the processes of change in ethnic identification, is an example of how ethnicity can develop in the face of industrial exploitation of ancestral lands. The features of the transformation of traditional Evenki clothing and the phenomenon of maintaining the ethnic distinctiveness of the Evenki in Syuldyukar were examined. The ethnic community of the nasleg, with great perseverance, defends the right to preserve their identity. The activities of the local administration, cultural center “Birikan”, secondary school, and population, as well as the creation of creative teams, contribute to supporting the ethnic self-identification of this group. Vestimentary culture has become one of the main unifying factors for the small Evenki ethnic group in Syuldyukar. Contrary to the belief that the display of traditional costumes by creative groups and as festive attire is a sign of folklorization, it is an integral part of community life. In the challenging circumstances of the survival of an ethnic group, vestimentary culture serves to distinguish them from others.

Keywords: Syuldyukar, collective memory, cultural preservation, Evenki culture, ethnic self-identification, symbol, traditional clothing, new forms, transformation, ethnic self-identification, symbol.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Ethnology, anthropology and ethnography.

Citation: Borisova I.Z. Traditional Clothing as an Indicator of Self-Identification and a Factor of Cultural Preservation in the Context of Industrial Development of Ancestral Lands (Using the Example of the Evenki of Syuldyukar). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(5), 1051–1071. EDN: JONPKU

Традиционная одежда как индикатор самоидентификации и фактор сохранения культуры в условиях промышленного освоения исконных земель (на примере эвенков Слюдюкара)

И.З. Борисова

Северо-Восточный федеральный университет

Российская Федерация, Якутск

Аннотация. Целью исследования стало социокультурное изучение роли традиционной одежды как одного из показателей идентичности этнической группы. В ходе исследования применены методы анализа и изучения научной литературы, анкетирование, фокус группы, анализ публикаций в социальных сетях. Компактная этническая группа, которая, несмотря на процессы трансформации этнической идентификации, сумела сохранить единый стержень самости и этнического самосознания в условиях активной промышленной эксплуатации исконных земель, является наглядным примером теорий развития этничности. Изучены особенности трансформации традиционной одежды и феномен сохранения этнической дифференциации эвенков Слюдюкара. Этническое сообщество наслег с большим упорством отстаивает право оставаться самим собой. Деятельность администрации, местного дома культуры «Бирикан», средней общеобразовательной школы, населения, созданные творческие коллективы способствуют поддержке этнической самоидентификации группы. Вестиментарная культура становится одним из основных реальных сплачивающих факторов малочисленной этнической группы эвенков Слюдюкара. Вопреки мнению, что демонстрация традиционного костюма творческими коллективами и в качестве праздничной одежды является признаком фольклоризации, это часть жизни сообщества. В сложных условиях выживания этнического сообщества вестиментарная культура способствует выделению себя, дифференцирует от других.

Ключевые слова: Слюдюкар, коллективная память, сохранение культуры, эвенкийская культура, этническая самоидентификация, символ, традиционная одежда, новые формы, трансформация, этническая самоидентификация, символ.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.6.4. Этнология, антропология и этнография.

Цитирование: Борисова И. З. Традиционная одежда как индикатор самоидентификации и фактор сохранения культуры в условиях промышленного освоения исконных земель (на примере эвенков Слюдюкара). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(5), 1051–1071. EDN: JONPKU

“This is what we know: the Earth does not belong to man; it is man who belongs to the Earth. This is what we know: all things are interconnected, like the blood that unites us all into one family. Will you teach your children what we teach ours?”

That the Earth is our mother. What-ever befalls the Earth, befalls man. It is not man who weaves the web of life, he is only a thread in it.

What he does to the web, he does to himself.”

From a letter from Seattle,
the chief of the Dwmish tribe,
sent to President Pierce in 1855

Introduction. Description of the research object

In the Republic of Sakha (Yakutia), a large subject of the Russian Federation, there are 21,008 Evenki. According to 2024 data, 278 of them live in the small village of Syuldyukar on the banks of the Vilyui River. In 1991, the area received the official status of a national Evenki nasleg and is in fact the only place of compact residence of indigenous peoples of the North in the Sadymsky national nasleg of the Mirninsky district of Yakutia. A handful of Evenki identify themselves with the Evenki culture, preserving a collective memory that is full of various twists and turns. The lands of the Evenki of Syuldyukar are partially located in the flood zone of the Vilyui hydroelectric power station, the original territories are subject to industrial development by mining companies of various levels. The Syuldyukar Evenki, who lost their native language back in the 19th century, declare their Evenki identity everywhere, having a unifying territorial organization, and actively resist assimilation. External attributes of differentiation, such as traditional clothing, the organization of traditional holidays, and the creation of folklore ensembles, are limited means of expressing the ethnic identity of the small group of Syuldyukar Evenki. These include the further improvement of festive and demonstration versions of traditional clothing and traditional dishes. This happens in conditions of severe assimilation, loss of memory

sites due to the industrial development of their ancestral lands, and the almost complete loss of their native language.

Justification of the research objectives

The expedition of the North-Eastern Federal University conducted targeted research in the village of Syuldyukar in 2012, covering 61 % of the adult population, and in 2024 the study was conducted among 32 % of the adult population.

The aim of the study by NEFU scientists was to study the preservation of the original culture and language, the main indicators of the identity of an ethnic group in the context of the development of the subsoil of the territory of the Sadymsky national nasleg. What is the phenomenon of Syuldyukar and the preservation of the ethnic identity of a small group of Evenki in the context of strict assimilation and the influx of newcomers?

The territory of the Sadymsky nasleg was inhabited in the 11th – 5th centuries BC, in 1976 archaeologists discovered ancient sites of prehistoric man of the Mesolithic Sumnaginskaya culture near Syuldyukar (1976) (Ignatyeva, 2019). Archaeological finds from 1976 prove that the ancient inhabitants of Syuldyukar built dwellings in the form of a tent made of skins, and knew how to sew clothes from animal skins and furs. Local historians are doing a lot of work on researching and combining materials. Thus, the ethnogenesis of the local Evenki was first described most fully by E.P. Ignatyeva in her book “History of the Byrangat clan: Syuryunda. Sadymsky. Syuldyukar” (Ignatyeva, 2019). It has been proven that the Evenki of Syuldyukar belong to the Tungus clan of the Byrangats. This Tungus clan was first mentioned in the report of January 30, 1795 by the local prince Vinokurov S.: “Message from Prince Stepan Vinokurov to the Olekminsky police chief about the Evenki of the Byrangat clan with a description of their habitats.” In organizational terms, their original territories were transferred many times from ulus to ulus, from district to district, liquidated, renamed, recreated, changed in size and configuration.

Before the Great October Revolution, the lands of Sadyms were the territory of the

Khochinsky ulus of the Vilyui district. In 1931, the Sadymsky nasleg of the Mirninsky district was formed, which in 1948 was transferred to the Lensky and Suntarsky districts.

Syuldyukar was formed in 1956, before that many lived in the village of Uluu Togoy and worked in the collective farm (kolkhoz) “Krasny Sever (Red North)” of the Suntarsky district.

The name of the area Syuldyukar itself is translated from the Evenki language as «Spirit of the Earth». The population was originally engaged in traditional types of economy: hunting, fishing, gathering of wild plants, reindeer herding. In the 19th century and at the beginning of the 20th century, the original nomadic territories went beyond the modern possessions of the Sadymsky national nasleg. The Evenki population roamed to the territories of Vilyuchan, to the banks of the Chona. In the well-known scientific monograph of R. K. Maak «Vilyui District» there are records that the Evenki took part as guides in the expedition. The nomadic Evenki closely contacted and exchanged with the Yakut people, who lived along the banks of the Vilyui River. In this regard, the Evenki-Yakut bilingualism developed over many centuries, which eventually, due to numerous mixed marriages, led to the loss of the Evenki language. The Vilyuy River facilitated communication with the Yakut population; the Vilyuchan Yakuts of Vilyuchan (Mei sire) were partly assimilated Evenki due to mixed marriages. The Vilyuchan population, with cattle and horse breeding, were also engaged in reindeer herding (Suntarsky ulus, informants Ivanova Vera Gavrilievna, 82 years old, 2012; Ivanov Zakhar Artamonovich, 80 years old, 2012). The transformation of the ethnic identity of the ancestors of the Evenki of modern Syuldyukar began long before the development of the natural resources of the territory, back in the middle of the 19th century. But over the centuries, Evenki identification, language, lifestyle, and clothing were differentiating factors for the local population. Even the gradual loss of the Evenki language did not allow the Evenki to dissolve and become Yakutized. Language, becoming a symbol, remained a unifying factor and a component of ethnic

identification. The emergence of a sedentary place of residence and the territorial organization of the national Evenki nasleg strengthened the self-identification of the Syuldyukar Evenki. “During the years of industrial development of the nomadic territory and the ancestral lands of the clans who had lived here for many centuries, the identification and differentiation of the Syuldyukar Evenki only intensified. The lost Evenki language, the lost ancestral lands as memory sites as unifying symbols, the transforming Evenki culture, the traditional way of life that survived until the 70s of the twentieth century became factors of selfhood and identification of the Syuldyukar Evenki” (Borisova, 2024). In such conditions, traditional clothing also becomes a powerful real marker of ethnic differentiation and its manifestation. It can be defined as a manifestation and unifying symbol of ethnic identity. (our term). Being of the same nature as the marker of ethnic identity, it has a difference that lies in its functional and axiological features. Clothing for a small ethnic community becomes a material and symbolic aspect of cultural and ethnic identification.

The lost Evenki language, the lost ancestral lands as places of memory as unifying symbols, the transforming Evenki culture, and the traditional way of managing that survived until the 70s of the twentieth century – all played a significant role in shaping the identity of Syuldyukar Evenki.

Materials and methods

The article uses the materials of I. Z. Borisova's dissertation on the topic: “Dynamics of regional identity in a multicultural state: the example of the Yakuts (Russia) and the Bretons (France)”, for the degree of Doctor of Cultural Studies in specialty 24.00.01 – Theory and history of culture, defended at Lomonosov Moscow State University. The research employs a variety of methods, including analysis and review of scientific literature, surveys, focus groups, and an examination of social media posts.

Results and discussion

“During the Soviet Union, the new history of Syuldyukar is connected with the diamond

mining industry. Evenki mushers, skilled hunters, fishermen, who knew every corner of their native taiga and land very well, helped geologists, the first explorers of the subsoil. This is evidenced by the memoirs of the discoverers; in the city of Mirny there is a monument that perpetuated the generalized image of a local guide with a reindeer. <...> To please the tastes of the workers in the diamond mining industry, the villagers gradually had to abandon traditional reindeer herding and take up cattle and poultry breeding. As old-timers say, the reduction in the number of reindeer, the construction of the Vilyui hydroelectric power station, the flooding of a large number of ancestral lands, and the intensive development of mineral resources contributed to rapid assimilation, accelerated loss of language, marginalization, and folklorization of traditional culture (informant – Nikolaeva E. S., 2012)” (Borisova, 2024). But on the other hand, the desire of the Mirninsky district administration and diamond mining companies to show the ethnic uniqueness of the region in line with Soviet policy and the subsequent national policy of the Russian Federation, strengthening the process of folklorization of traditional culture, prompted the local population to further develop the vestimentary culture. In part, clothing played a differentiating role, showing the peculiarity of the culture of the Evenki of Syuldyukar. The activities of the rural cultural center, the Birkakan Cultural Center (2010), the Dylachakan Song and Dance Ensemble (1995), the Khotun Ensemble (1996) created under it, contributed to the popularization and modern development and stylization of the traditional costume of the Evenki of Syuldyukar. The ritual productions of a choreographic nature based on Evenki fairy tales, short stories and legends, such as “Bear Hunting Rite”, “Purification Rite”, “Fire Worship Rite”, “Warrior Initiation Rite”, available in the repertoire of the Dylachakan Ensemble, require not only the restoration of forgotten rituals, but also costumes. The national costume is stylized, developed, absorbing the features of existing images of the Evenki costume in general, but also the local color of clothing. The village celebrates holidays that are becoming traditional: Village Day, Reindeer Herder’s

Day. Holidays require a demonstration of the clothing culture of the Evenki of Syuldyukar. Not a single celebration of any level in the Mirninsky district is complete without the participation of the Evenki.

So what place does clothing, such an important part of a person’s life, take in the development of personality and self-awareness? Does it have any symbolic, cultural, or identifying significance other than its utilitarian purpose? Meanwhile, clothing is the most visible part of a person’s appearance; as a rule, it can provide extensive information about its wearer at first glance. “They meet you by your clothes,” that is, they perceive you by your clothes. In the paremiological picture of the world of any nation, there are a huge number of paremias on the topic of clothes and a dressed person. The main idea of sayings and proverbs is the important role of clothing in a person’s life. The easiest non-verbal way of self-expression for an individual at any age and a way of identifying an ethnic group is clothing. For various subcultures, this is a way to stand out, for professional and other communities, this is an opportunity to isolate themselves, for ethnic communities, this is a chance to show their identity, their difference from others. Often, clothing becomes a symbol, a weapon, and a way of struggle, confrontation, and expression of certain ideas. It is not surprising that in the era of the revival of national self-awareness in the 90s, the period of the revival of ethnic costume began throughout Yakutia. Ethnic costume becomes a marker of ethnic identification of regions. “Research conducted on the material of different cultures has shown that in the era of globalization, there has been activity of cultural minorities adapting to general unification in order to preserve their own identity and the uniqueness of their original cultural heritage (V.V. Stepanov, V.S. Malakhov, E.I. Filippova, U.A. Vinokurova, V. Pathé, M. Nicolas, R. Le Coadic, etc.). This phenomenon is designated by the term “glocalization” and is a process of economic, social, and cultural development, which is characterized by the coexistence of multidirectional trends: against the background of globalization, instead of the expected disappearance of regional differences, they are preserved

and strengthened (Glocalization, 1994: 33–52). These trends intensified during the crisis and collapse of globalization, during the transitional stage to post-globalization, giving rise to new challenges (I. Wallerstein, T. Valgren, D. V. Ivanov, R. Cox et al.) (Borisova, 2022: 5–6). Post-globalization is characterized by the fragmentation of the world community, and one of its characteristic features is the regionalization of society at all levels of public relations (Rozhkov, Chernaya, 2011: 17–24).

“In the case where regional identity is closely linked to ethnic culture, we are talking about “ethnically marked regional identity” (Borisova, 2019: 226–239). We assume that “ethnically marked regional identity is the awareness of their community by representatives of an ethnic community living compactly in a particular region and united by common cultural and moral ethnically marked values, a sense of regional belonging and a common perception of their past, culture and language” (Borisova, 2019: 175).

“Ethnically marked regional identity is a mobile category that constantly changes its quality. The positive component of the balance of ethnically marked regional identity is

formed from components that correspond to the characteristics of the region. The territory, which becomes the defining condition of the region, becomes the main source of positive self-identification. Thus, the cultural constant that determines this type of regional identity is the “Native Land”, a complex constant with a whole range of components. The constant “Native Land” has, in our opinion, components – markers reflected in a common language, common historical memory, holidays, cultural heritage of food, clothing culture, art and folklore, literature.” (Borisova, 2019: 226–239). Some components are losing relevance in modern life, others are deepening. At the current stage of society’s development, the role of clothing culture is noticeably increasing. Today we recognize that the clothing culture has symbolic, social, technical, aesthetic, economic and even political dimensions. This has only recently been discussed in scientific literature.

What is the peculiarity of the traditional clothing culture of the ancestors of the Evenki of Syuldyukar? The ancestors of the Evenki believed that people are connected with animals by special spiritual threads, so each clan had its own totem animal: the Syuldyukar people

still worship the wood grouse. The beautiful plumage of the male of this bird is still reflected in the national costumes of the villagers. The shape of the tail of this bird is used to decorate the jewelry worn by the village women.

The traditional way of life of the ancient people who have lived on the banks of the Vilyuy for many centuries is changing, but the basic traditional clothing, which does not deviate from the traditions of the Evenki of other territories, remains the basis.

Clothing has many meanings; it contains information about the age, gender and ethnicity of the individual, about the place of residence, social status, profession, etc. A costume can tell a lot about the era in which it was created. Folk costume together with language, folklore, and rituals form a single sign system, a unique language of culture that accumulates traditions, socio-psychological attitudes, aesthetic demands, and way of life. However, many informative features of the traditional Evenki costume have been lost. Functions of the costume (according to P.G. Bogatyrev): practical, utilitarian, aesthetic, erotic, magical, age-related, social-sexual and closely related moral functions, as well as the function of a festive costume, ritual, professional, class, occupation, religion, and regional functions. These functions of the traditional costume have not been preserved in modern life.

The traditional clothing of the ancestors of the Syuldyukar Evenki, like other Evenki, was closely connected with nature and economic structure. Living conditions dictate the choice of material for sewing clothes: in Syuldyukar, as elsewhere in Siberia, such material is skins. Reindeer herders used reindeer skins, hunters – skins of the animals and birds they hunted. The Evenki, who have lived on the banks of the Vilyuy since time immemorial, skillfully processed fish skin. The cut of clothing also depended on economic activity and natural conditions. For the Syuldyukar Evenki, outerwear was also underwear, and the difference between winter and spring-autumn consisted in the quality of the skins used; summer clothes were made from summer skins of wild animals. Evenki clothing was divided into hunting (industrial), going out (home), summer and

winter, men's and women's. Men's and women's clothing did not differ in cut, but the women's caftan was more decorated and somewhat longer. The only significant difference was in the lower edge of the bib. The women's bib had a straight lower edge, while the men's had an angle. There was no difference in the clothing of women and girls. Girls, unlike women, wore a headband. The Evenki men's and women's costume was composite and multi-layered. It included an open caftan – summer – sun, winter – hegilme, muke with two wide folds at the back (for ease of mounting a reindeer), ties on the chest and a deep neckline without a collar, a bib with ties at the back (women's – nelli – with a straight lower edge and men's – helmi – at an angle). An obligatory element of the traditional costume was a belt, on which men carried a knife, and women – sewing accessories, pants-natazniki, leggings. The caftan and bib were previously worn on the naked body. In winter, mittens were sewn onto the caftan sleeves. A thick cap-shaped hat, which was previously made from the skin taken from a reindeer's head, was used as headgear. Sometimes the ears of a reindeer calf were left on it. Short (untal – hence the Russian term “unty”) and long (kheveri, bakari) footwear were made from kamus. Summer and autumn-spring clothing sets were sewn from reindeer rovduga, sometimes it was dyed in brown tones with a decoction of aspen bark.

The special ritual clothing of the Syuldyukar Evenki were shamanic costumes. The shaman, the mediator between the spirit world and people, wore ritual clothing only during the shamanic ritual. It was sewn from tanned leather, decorated with embroidery made of reindeer hair from under the neck, a lot of metal pendants, fabric strands, bird wings, and bunches of feathers. The clothing of the Syuldyukar Evenki has long expressed various ideas of the population. Thus, the Syuldyukar people at the beginning of the 20th century continued to believe in the possibility of supernatural influence on a particular material object or phenomenon, trusting such contact to a special mediator – a shaman. The connection with the spirits-ancestors was reflected in the shaman's costume itself – shoulder clothing with nu-

merous pendants and a fancy headdress. Thus, some shamanic costumes recreated the image of an animal-bird. The clothing of the Syuldyukar Evenki was open-fronted and such clothing is usually called a “tailcoat” in literature. It was made from a whole reindeer skin, the central part covered the back, and the side parts of the skin were narrow shelves. Vertical cuts were made for the sleeves. The sleeves were made narrow, with sewn-on mittens. A toe was cut out in the back of the hem of the clothing, along the hem, halves, and on the back from the shoulder along the armhole of the sleeve, a long fringe was sewn. The clothing was decorated with a mosaic of fur strips, beads, strips of tanned leather and fabrics. The Syuldyukar Evenki also had caftans, which were sewn from a whole reindeer skin, but its hems were converging, with two or three narrow rectangular wedges sewn on the back from the waist down to the hem. In terms of material and cut, the clothing and footwear of the Syuldyukar Evenki were basically similar to the clothing of other Evenki groups. Previously, a closed fur sokuy with a hood was worn over the caftan. The Syuldyukar Evenki, neighboring the

Yakuts, borrowed from them a caftan with a turn-down collar (men) and a sleeveless jacket (women).

According to the research of G. M. Vasilevich, the ancient common heritage of all Tungus tribes is a costume – a caftan made of a whole skin, its flaps were pulled together on the chest with ties over a narrow bib suspended from the neck, natazniks, leggings and shoes – mukluks. All these items have a common terminology in all Tungus languages. The time of the final formation of the clothing complex can be judged by archaeological finds in the territory of the Tungus (Evenki) settlement. An open caftan with a bib, flat circles in the decoration of the headdress, images of a person suspended from the bib, the tradition of wearing a knife on the hip are dated on the Angara and Lena to the end of the Neolithic – the beginning of the Eneolithic.

Winter caftan was sewn from reindeer skins, with the fur outside or inside, in the latter case with a painted top. Most often, the skins of young reindeer slaughtered in the summer were used. Such skins were valued because they were lighter, warmer and lasted longer thanks to the short hair (less hair loss). For severe frosts, clothes were made from winter skins. A summer caftan was made from summer reindeer skin, suede or fabric. The front of the chest was tied with narrow straps, and a bib was worn under the caftan. The bib was tied at the back with ribbons at the neck and waist. The length of the bib was slightly above the knees. The type of men’s and women’s caftan was the same.

According to G. M. Vasilevich, head-dresses were typical of ritual costumes. A hat (meta – “skin of a reindeer’s head”) was made from a whole skin of a reindeer’s head, the holes from the eyes and horns were sewn up and decorated with beads. A woman’s hat consisted of two ear stripes and one longitudinal stripe covering the crown and the back of the head, trimmed with fur of a fur-bearing animal. The ear parts were decorated with beaded ornaments and pendants in the form of tassels made of straps with strung kinglets. They also wore hats like a hood, trimmed around the face and neck with fur. A festive derbeki hat con-

sisted of a rim and two or three intersecting stripes, embroidered with beads. Suede ribbons with strung kinglets were lowered in loops onto the temples and ears. The maiden headband was also called *derbeki*. The headdress for the costume for the *ikenipke* ritual was an embroidered beaded crown (*elden*), tied with ligatures at the top of the back of the head under a tuft of hair that came out as if through the opening of the crown (*kharon* – “crown”). On the temples, suede straps with large cast beads strung on them (*korolki*) were sewn to the two ends of the crown. The Evenks sometimes wrapped their necks and heads with a *boa* (*vachi*) – a strap on which pieces of skins from the tails of fur-bearing animals, in particular squirrels, were strung. The *boa* made from the tails of squirrels and sables was adopted by the Yakuts.

Footwear – *untal*, adapted for walking through the taiga. It was also borrowed by the Russians. There are two types of *untal*:

1. *Untal*, the sole of which is bent upwards with gathers on the toe and heel;

2. *Untal*, the sole of which is cut to fit the leg and sewn with an inside seam. *Untal* are made of *kamus*, “brushes”, “lobes”, *rovduka*, summer ones – from cloth and leather. The thick neck part of the skin of a reindeer, elk, or red deer was used for the sole, and reindeer skin was used for the shafts. The length of the shaft varies. The shortest ones – *homchura* – cover the leg just above the ankle and are worn with long leggings. They are sewn from *kamus*. The longest *untal* to the groin are called *kheveri*, *bakari*. They are worn for hunting or for long trips on sleds. Winter *untal* are worn with a fur sock. It is believed that this type of footwear came to the Evenki along with the sleds from the Samoyedic peoples. Women wear knee-length footwear made of *kamuses* when hunting. They try to make them as elegant as possible, decorating them with patterns of fur of different colors. New footwear is usually worn for the reindeer herders’ festival at the end of the economic year. When cutting summer footwear, the shaft is made of one piece with a slit in the front, into which the toe and sole are sewn. Special footwear was used for skiing, which was made from the strongest neck part of the moose skin with the fur on the outside, taking

into account the friction when skiing. House or going-out footwear was sewn more carefully from well-dressed *kamuses*, selecting skins by color. Going-out footwear was decorated on the upper part with a traditional geometric pattern or a trim of white fur, made from pieces of fur. Footwear for a costume for a hunting ceremony was necessarily high, in the form of knee-length boots and leggings deliberately sewn together. *Untal* were made from skins with the fur inside and were decorated, or from white *kamus* with decoration in the form of two rows of thin black stripes along the front.

Natazniki are a part of clothing typical for all Evenki. They are very short trousers covering only the pelvis. Women wore a suede bandage with a long fringe on their hips, below the knees. Both types of *natazniki* have survived to this day. A piece of suede, folded in half, was sewn together on the sides and holes were cut at the edges of the fold for the legs. At the top, they were folded over, a suede strap was threaded through or left without a restraint, in such cases, ligatures were sewn on the top on the sides in two places. With the gradual transformation of *natazniki* into trousers, the suede was folded into 3 parts ($\frac{2}{3}$ – the back, $\frac{1}{3}$ – the front), the slit was made not along the edges of the fold, but slightly obliquely, and straight trouser legs were sewn to it. Lengthening the *natazniki* and turning them into trousers led to the shortening of the leggings and their transformation into knee pads. *Nogovitsy* are long leggings made of tanned leather or cloth, connected to the hip guards or belt (*taleg*) with straps. They can be worn over or under the *mukluks*. For winter *mukluks* (up to the knee), the *nogovitsy* were tied with a strap at the ankle. With the gradual transformation of the hip guards into trousers, when the tanned leather was folded into 3 parts ($\frac{2}{3}$ – the back part, $\frac{1}{3}$ – the front), the slit was made not along the edges of the fold, but slightly obliquely, straight trouser legs were sewn to it, the *nogovitsy* were shortened and turned into knee pads. *Nogovitsy* remained longer in women’s clothing. Knee pads became part of the men’s suit.

Wedding clothes. Bridal clothing differed from everyday clothing in its carefully made decorations, rich ornamentation.

Hunting clothes. The main occupation of the Evenki is hunting. Hunting clothes were light, did not restrict movement, and did not get hot during fast walking. Winter work clothes for men and women were parka-type jackets made of reindeer skin with the fur on the outside. In summer, they wore a suede jacket with a sharp toe, which ended the back of the jacket, or a longer back was needed in conditions of walking as a mat on which one could sit on ice, stone, or ground. Hunting clothes were usually not decorated. The hunter took off his forest hunting clothes at the entrance to the tent and changed into home clothes. A woman was forbidden to step over her husband's clothes, his dishes, the hunter's path, or over the mat on which the animal was skinned.

Holiday (weekend) clothes. The Evenki of Syuldyukar did not have holidays dedicated to specific dates. Mass entertainment usually took place in the spring and summer – on the occasion of a meeting with relatives, friends from another clan, a wedding, a successful hunt, the birth of a child, etc. For the festivities, everyone dressed in their best costumes, which were usually carefully stored in bags or sewn especially for the holiday. Such clothes were sewn, as usual, from skins, but the skins were tanned more carefully to give them greater elasticity. A woman's jacket was made from dressed roe reindeer skin. The edges of the hem were trimmed with white fur and decorated with ornaments, beads, and silk. A beautifully ornamented men's apron (bib) that replaced a shirt served as part of the young hunter's formal clothing. It was a narrow strip up to 70 cm long, trimmed along the edges with ornamented strips trimmed with fur. The bib was decorated with ethnic ornaments and beads. An open-front suede caftan was worn over it.

Children's clothing. Children's clothing was sewn according to the pattern of adult clothing. Only the costume of children who were just starting to walk differed from it. Their winter clothing had sleeves sewn tightly at the bottom. It was also open, but its hems converged and even overlapped each other. Bibs were not sewn for small children; a hood was sewn onto the parka. High fur boots were sewn for children. Fabric "ears" and "horns"

were sewn onto children's hoods. From the age of 5, children wore the same clothes as adults.

Transformation and stylization of traditional clothing. The development of Russian trade introduced jackets, vests, trousers, skirts and sweaters for women into men's everyday life. Throughout the 20th century, traditional costume and European-style clothing interacted throughout the century. Factory-made clothing and footwear became widespread after the October Revolution. Those types of folk costume that were not hygienic enough, were too complex and labor-intensive to produce, did not meet the new conditions of life and work, and gradually fell out of use. However, some forms of traditional clothing and footwear, sets of hunting and fishing clothing continue to survive and develop.

Based on the results of studying social networks, it was found that there is an opinion that clothing made from modern fabrics and materials is a stylization. It is believed that clothing stylized as ethnic is appropriate for everyday life, for performances of creative groups at ethnic holidays, they call for the preservation of original traditions. On the other hand, there is also an opinion that the development of a national costume as a stage costume, its stylization, transformation is the development of ethnic clothing, part of the life of the community and does not relate to the folklorization of culture. Accepting the generally accepted term "stylization" to denote clothing that deviates from the canons of traditional costume, we nevertheless put forward the idea that its transformation is a stage in the development of vestimentary culture based on the requirements and conditions of modern life. To describe new stage and festive attire of ethnic style made from modern fabrics and materials, we will use the terms "updated, modern, transformed" instead of the word "stylized".

In Soviet times, when it was customary to show the diversity of the peoples of the USSR, the stylized Evenki costume became widespread. In everyday life, in the conditions of the development of centralized sedentary places of residence, traditional clothing is inferior to European. In the 50s of the twentieth century and until the beginning of the twenty-first century,

traditional clothing made of natural fabrics is preserved by hunters and reindeer herders. Then, in connection with the development of the industry of modern fabrics adapted to cold climates, fur clothing gradually gives way to comfortable, warm specialized clothing. From the first days of Soviet power, as researchers note, the process of folklorization of culture and the associated transformation of traditional costume begins. The development of amateur performances, the creation of national dance ensembles, new modern living conditions required new, cheap versions of traditional costume. Unhygienic, difficult to manufacture, expensive in choosing traditional material, traditional costumes made of natural fur and leather materials become unpopular already in Soviet times. Thus, along with the problem of preserving the elements of the traditional Evenki costume, the problem of costume stylization arose. Evenki dances and songs in Syuldyukar have been popular in amateur performances since the Soviet period, and stylization of clothes for staging dances is sometimes inevitable. This process can be described as a search for new forms of traditional clothing. It is based on historical information about traditional costumes, and can be complete or partial. Sometimes the distancing from the historical sample can be significant, especially when new artificial fabrics, artificial leather and suede are used. But in ensembles of adult participants, especially in the case of the Khotun Ensemble, stylization does not take place; in this case we are talking about replication, repetition of ancient costumes with very minor changes in details. In the 90s of the twentieth century, in the era of revival and a new look at traditional clothing, the Evenki of Syuldyukar began to actively wear updated, transformed and recreated traditional clothing of any kind at holidays and celebrations. However, wearing ethnic clothing, as before, is more common in the activities of dance and song ensembles. However, for the life of a small village, this is part of its life. The study of traditional costume, design development, search for materials and modern accessories, sewing, rehearsals of creative groups, organization of their performances, trips cannot be called folklorization of culture.

In the 90s, work began on full and partial replication of ancient costumes, the craftswomen of Syuldyukar participate in exhibitions and master classes. The traditional Evenki costume is sewn from expensive natural material, whole reindeer skins, suede, fur, reindeer kamus, and moose. The Dylachakan Ensemble mainly uses a stylized costume, and the stylization, despite the use of modern fabrics, artificial fur and suede, should be recognizable. Even the use of bright colors, uncharacteristic for the traditional costume of the ancient Syuldyukar residents, should not interfere with the recognizability of the Evenki costume. The modern costume is richly decorated with beads, soutache, ready-made metal plaques embroidered on fabric.

Caftans. The most common clothing for performing ritual dances is the parka, which used to be cut from a single skin. As before, this is a short fur coat with straight converging floors, tied with laces. The back is cut out separately, as before, at the waist. The fur parka used to have no decorations, in a modern caftan, ornaments made from fabric of a different contrasting color are possible. If this is an imitation of a natural skin, then the color of the caftan is similar to the skin of a reindeer, patterns of white or beige shades. Fur coats, winter caftans are preserved in their original traditional form and with its gradual displacement from the vestimentary culture of hunters, reindeer herders and fishermen, they become festive clothing. Along with this type of clothing, a modified form of winter clothing also appears. There are also capes, fur coats with traditional geometric patterns. Many experts will usually classify them as stylized clothing.

Spring-autumn kumu caftans were previously sewn from rovduga (reindeer or moose suede), the style of which is similar to that described above. The modern kumu caftan is open-fronted, and also ends with a "tail" in the back in the form of a sharp cape. It is sewn from artificial suede, fur, and thick fabric. The coloring can be different, mainly in brown, beige, and orange tones.

In one of the costumes of the Dylachakan Ensemble, the light beige men's caftan is cut like a summer caftan, which was previously made from summer reindeer skin and rovduga.

ga. This costume is made of artificial suede, imitating rovduga, the front of the waist is tied with a narrow belt, on top of the caftan there is a beautifully ornamented removable element, tied in front, repeating the traditional apron (bib), trimmed along the edges with ornamented stripes, figures of dark outlines of tents, trimmed with fringe. The bib, reminiscent of a

cape, has a second additional element in front, similar to a wide shortened tie, at the bottom in the form of a blunt triangle, trimmed with black fringe, decorated with a national ornament of blue, white, red, black. The ornament is repeated along the bottom of the sleeve, the hem of the caftan. The length of the caftan is slightly above the knees. Girls dancing in the

same dance have the same caftan to the knees, also tied with a thin belt at the waist. Unlike the men's caftan, there is no tie element. Girls wear a shortened bonnet covering only the ears, of the same color and with the same pattern. Boys wear a headband made of dark material with metal elements, similar to a simplified girl's headband called *derbeki*.

The same dance also features a second girl's set made of modern fabrics resembling *rovduga* in a darker range. This costume retains the principle of multi-layering. It includes a summer open-front caftan – *sun*, with traditional two wide folds at the back, a tie at the waist and decoration in the form of a round rosette with an ornament and a deep neckline without a collar, a bib with ties at the back – *nelly*, traditionally with a straight bottom edge. *Sun* is sewn with a mandatory element of the traditional costume – a belt, decorated along the edges with stripes of fabric and *soutache*, embroidered with beads. The bib along the edge of the hem is embroidered with beads of blue, black, and white colors. As is known, the caftan and the bib were previously worn on the naked body. The headdress for the costume is a beaded crown (*elden*), on the temples to the crown are sewn at two ends straps with large beads strung on them.

Modern two-wedge caftans are a later type of traditional shoulder clothing. They

are also open-front and in the updated version have a straight hem. The peculiarity of the cut of such caftans is the presence of two trapezoidal wedges on the back, widening the hem and giving the caftan a fitted silhouette. Above the wedges on the back there is a rectangular or trapezoidal insert. These features are preserved in modern costumes and are recognizable. This approach to the pattern can be seen in the presented costume of the *Birikan* singers' ensemble in the cultural center, a caftan made of fabric is worn over a bib made of the same fabric. The bib has a wide edging of darker fabric at the bottom, edged along the upper edge with a light edging of ornamented silk *soutache*, imitating beadwork. The caftan is embroidered with a strip of ornament from small light beads along the edges of the hem and the bottom of the sleeve. This simple costume is complemented by a bright beaded chest decoration and an *elden* crown made of the same bright beads. Each participant's crown has an individual character. On top, a pentagonal base, rounded to the shape of the head, embroidered according to a geometric pattern with beads of blue, white, and blue colors is connected on 5 sides to a rim with a 2.5 cm beaded ornament. Some samples on the top of the head consist of intertwined straps embroidered with beads of red, white, light blue, and yellow colors. The chest decoration covers the chest and is made

in the form of a repeating zigzag pattern made of beads of blue, red, orange, white, and blue colors in a contrasting sequence. Sometimes it has the shape of a wood grouse tail, a deer horn, or a branch.

Summer and spring-autumn woolen caftans represent a further evolution of the previous caftans. Thanks to the widespread use of factory-made materials, caftans made entirely of colored cloth, preferably red, or combined of rovduga and cloth, appeared. They have a wedge-shaped finish on the back. The sides and hem are edged with strips of fabric or light yellow leather, into the seam of which horsehair fringe is sometimes sewn. The dancers' costumes, presented by the participants of the Dylachakan Ensemble, represent a summer caftan made of dark brown cloth and trimmed along the edges of the front with a solid 4 cm wide edging of multi-colored beads, in the form of a cascade of alternating corners of yellow, orange, red, blue, and light blue. These same corners in the same colors are also presented in women's chest decorations. The lower part of

the caftan is trimmed with beige fringe, a 5 cm beige stripe with a thin red edging also runs higher along the hem, repeating in the shelf resembling epaulettes. The costume is completed by a dark brown bonnet with ties and a beige frame, consisting of three parts, which is sewn from the same fabric as the caftan. On the bib, the guys put on a decoration in the form of a wood grouse tail made of beads of the same color. The girls in this dance are wearing a stylized summer caftan of beige color with the same solid edging of beads, the hem of the caftan is also decorated with a strip of beads, the first stripe alternating white and black beads, then blue, light blue, yellow, orange, red stripes, repeating the black and white stripe. The same edging is repeated on the collar and sleeves and on the bonnet.

Festive clothing was previously made of rovduga, later of cloth with an abundance of beaded ornaments and fur fringe. In the modern version, when performing ritual dances, the caftan has many variations and depends on the imagination and skill of the seamstresses. Such a caftan was previously short and tightly hugged the figure, and it is very common for dancing. From pieces of colored fabrics, they used to sew a summer girl's caftan delre, which was worn for games and dances.

In the modern vestmentary culture of the Evenki of Syuldyukar, these caftans are very common and sometimes have very bright colors, which have never been characteristic of Evenki clothing. In most cases, the costumes are simplified, limited to multi-colored caftans with a hood, vests, capes with simple traditional geometric patterns in the form of triangles, solar signs of different colors. In costumes, along with imitation reindeer skin colors from beige to dark brown, various shades of red, green, yellow, and less often blue prevail.

Caftans are even made of lightweight artificial silk and viscose. The bib and apron-aprons are an important part of the costume in modern concert and festive clothing. They used to protect the throat and chest from frost and wind and at the same time decorated the costume. In the stylized costume, as before, bibs and apron-aprons stand out in design and general form. Bibs are vertically elongated trape-

zoids or rectangles with a wedge-shaped or cut straight finish. The male bib ends with a wedge at the bottom. Usually, the male bib is framed with a fringe of white horsehair. Among women's bibs, a wedge-shaped finish was previously rare, but it does occur in stylized costumes. Usually, bibs have ornaments made of strips of multi-colored fabrics, alternating with

strips of artificial leather or ribbons, previously they were made of tanned leather, alternating with strands of reindeer neck hair. The color of the beads in modern bibs can be different, but usually the traditional ones were blue, yellow, white and black beads, which were sewn onto fabric or tanned leather. The combination of strips and corners made of beads

sewn in a certain order, starting from yellow, orange, red, blue, light blue, has become an updated brand of the Evenki clothing culture since the 90s. Previously, strips of beaded corners of similar colors were sewn onto the sides of women's high boots. This fashion has also come to Syuldyukar. On the upper part of women's bibs, as before, a large ornament is embroidered with beads, imitating the "trace

of a bird's paw" or the tail of a wood grouse in the case of Syuldyukar. The wood grouse is the totem bird of the Syuldyukar Evenki. The presence of the "bird's paw print" or "wood grouse tail" pattern in jewelry is associated with the belief in the "bird-soul, passed down by inheritance and usually identified with the image of the totemic ancestor" (Kosarev, 1981).

The closest to the original bibs and aprons are presented by participants of adult ensembles. The entire costume is made of artificial suede-like fabric in beige. An apron is put on a simple cut caftan with simple darker stripes along the edges. Aprons have a narrow upper part with a neck opening and a wide middle part. Previously, they were usually cut out of two pieces of tanned leather or skin, less often from one piece. In the updated costume, they are cut out of multi-colored cloth, artificial suede. The ornament is in the form of a strip and solar signs and fringe at the bottom, then there are repeating ornamented outlines of tents with a circle at the top. The costume is complemented by a richly decorated multi-colored chest decoration and a crown of the elden type made of beads in pastel, soft tones of green, yellow, white, blue, brown. A crown of complex shape and five parts converging to the top, attached to a headband with falling threads of beads, fixed in a semicircle along the edges of the headband. The color of the ensemble is mainly natural ocher shades. In most cases, the upper half of the aprons, both male and female, previously did not have any decorations. In the middle of the lower half there was a rectangular valve. A simple ornament previously consisted of stripes of multi-colored suede and embroidery with white and red under-neck hair

of a moose and beads. In modern costumes, the natural material is replaced by artificial fur. The same group presents a second, more deviating from the traditional costume, a set of dark brown artificial suede. A stylized trouser suit of light yellow and yellow colors consists of narrow trousers, decorated with pendants of beads and a strip of soutache in the calf or knee area, a shirt with sleeves from the Yakut dress *haladaai*, decorated in the cuffs with traditional Evenki ornaments. The costume is complemented by a bib in the form of a cape-waistcoat with ornamented fringed stripes falling onto the sleeve. The cape is like a part of a shortened caftan with a bib underneath. At the same time, the caftan part is emphasized by stripes of red, brown, blue, light blue soutache on a yellow background of the main strip, which is decorated with alternating balls of white fur on both edges. On the chest of the updated bib there is a solar ornament with a reindeer in the middle, the circle itself is trimmed with white fur. The bib is decorated with stripes of red, brown, blue, light blue soutache on a yellow background, descending down to the hem in the form of a square, along the hem it is decorated with a strip of multi-colored soutache and fur, just like the caftan in the modern version.

Natazniks are retained in modern festive clothing and mainly in children's ensembles.

They are similar to modern shorts both in pattern and shape. The costume of a nataznik and a bib with a stand-up collar of bright blue color, trimmed with white fur and decorated along the bottom of the nataznik-shorts with white factory fringe made of artificial silk white threads is complemented by detachable sleeves made of the same fabric, trimmed along the bottom with white fur. Solar signs decorated with fur and beads are attached to the chest, belt and sleeves. The elden crown has a simplified form of a rim with pendants of alternating white and blue beads on the sides and is also decorated with a series of solar ornaments. A bright addition to the costume is a strip of repeating outlines of tents in yellow and red tones. The same costume is presented in another dance, but in red and with patterns of tents of blue and yellow colors. Belts decorated with beads were previously worn by men over the breastplate under the caftan over the right shoulder and they hung knives in sheaths, pipes, tobacco pouches, and a fire starter from it. They also take place in ritual dances of young men. Previously, women wore a belt over the caftan and attached various items of women's clothing and various necessary little things to it. In modern costumes, they are also present and represent various variations. The most characteristic, as before, are belts in the form of strips of artificial leather or suede (previously strips of tanned leather) with rounded ends, completely embroidered with beaded lines. The bonnet as a common type of headdress for men and women is found in stylized clothing. Previously, this headdress was worn both in summer and winter; in the summer, a bonnet made of thin tanned leather or cloth was worn. In winter, the bonnet was made from the fur of various fur animals, squirrel, fox, wolverine, but mainly from deer fur with a fur trim. The trim could be made from dog fur. The pattern of the simplest bonnet consists of three parts, the main strip from the base of the neck to the forehead and with ties under the chin. Usually, in modern costumes, a bonnet of such a simple shape is sewn from the same fabric as the caftan, while it is decorated with beads, fabric of a contrasting color, soutache, trimmed with fur, artificial or natural. There are bonnets of a more complex

cut, consisting of four or more parts, with several strips of fur and suede. One type of traditional bonnet has an elongated occipital part for protection from the wind with a metal pendant, with tassels made of suede and beads. There is also a more complex pattern, consisting of two strips, to which a rhombus of fur was sewn in the crown area. Dancers and singers, as well as the population in festive clothes, prefer a version of the bonnet without ties with earphones (shortened bonnet). The traditional men's hat made of reindeer skin with beaded eye sockets for ensemble performances is usually not sewn. But such caps are found in festive clothes.

Modern Evenki footwear is sewn in the same way as traditional footwear, mainly knee-length footwear. The length and shape used to depend on its purpose, for example, knee-length hunting footwear (khemchure) was intended for hunting. If traditional men's footwear was without decoration, then stylized footwear has decoration. Modern women's footwear has many modifications, but is mainly sewn according to the same pattern as before. The shaft and the toe to the bottom were made from one piece of kamus or rovduga, on the sides there were rounded wedges repeating the shape of the leg and one strip at the back. Shoes, as before, can be high, with high shafts. The most common modern footwear is made on the basis of factory-made torbasa (Yakut traditional footwear made of rovduga or cow or horse skin). These are Yakut leather boots from a local Yakut factory with traditional stripes sewn onto them in the form of repeating beaded corners in bright colors of yellow, orange, red, blue, light blue, and a combination of black and white along the edges. There are also options made of pressed leather. Modern footwear is also sewn from suede with suede decorations on the top, toe, sides, and front to match a certain suit. The source of inspiration for modern craftswomen are tobacco pouches and bags. Women's tobacco pouches, which were previously sewn from rovduga, have a rectangular and trapezoidal shape, are richly embroidered, and they are made from the same material from which the suit is sewn and repeats its ornament. There are also, as before, small bags for jewelry of round or oval shape, which today are also

sewn from both rovduga and fabric. Bags are decorated with beads, stripes and pieces of fur, rovduga or fabric. The decoration of modern ethnic clothing is transformed, non-traditional colors and new materials appear. Previously, craftswomen used fur, horse hair, reindeer neck hair, metal, beads, fabric, fur for decoration. Traditionally, they sewed on top of the seams plaits of reindeer neck hair, decorated with a fur trim, rovduga fringe, metal pendants, and little bells. In the manufacture of a traditional fur suit, they used a contrast of light and dark fur and plaits of white reindeer hair. All these methods are basically preserved, only the materials are replaced.

Conclusion

Ethnic identity has an affective and cognitive component. It is indisputable that the ethnic identification of any ethnic community is associated with collective memory, belief, ancestral territories, language, customs, which constitute the cognitive and affective components of ethnic identity. In the context of the loss of the native language, which becomes a symbol of differentiation, one of the real factors in the unification of the Syuldyukar Evenki is the vestmentary culture.

1) The ethnic community of nasleg, starting with the transition to a sedentary lifestyle, with great persistence defends the right to be Evenki based on the collective memory of their ancestors; At the present stage, the activities of the administration, the local Birikan Cultural Center, the secondary comprehensive school, the population, the creative teams contribute to the support of the ethnic self-identification of the group;

2) In the context of the loss of language, its transformation into a symbol of ethnic identification, the demonstration of the vestmentary culture becomes one of the main real, materially existing unifying factors of the small ethnic group of the Evenki of Syuldyukar;

3) The development of the national costume as a stage costume, its transformation (update, stylization), the demonstration of modern traditional costume by creative groups is part of the life of the local community and does not relate to the folklorization of culture;

4) In fact, traditional clothing becomes a manifestation unifying symbol of ethnic identity. (Borisova I. Z.) Being of the same nature as the marker of ethnic identity, it has a difference, which lies in its functional and axiological features. Wearing traditional clothing, its manifestation for a small ethnic community becomes a material, real and symbolic aspect of cultural and ethnic identification.

5) The development of traditional costumes from modern artificial fabrics, imitation suede, artificial leather with full or partial observance of traditional canons, cut, symbols, the creation of updated or stylized (new, transformed) costumes for holidays and celebrations of the nasleg is part of the life of society and is a demonstration of selfhood, differentiation, self-identification of a small group of Evenki of Syuldyukar; This phenomenon does not relate to the folklorization of culture, and the updated costumes are the development of the traditional costume, its adaptation to modern living conditions;

6) The chronology of the development of the traditional costume of the Evenki of the Sadymsky nasleg and the factors contributing to its popularization can be presented in the following sequence:

- Mutual influence and interpenetration of traditional clothing of the Yakuts and Evenki (from the 16th century throughout all centuries of neighboring residence);

- The introduction of jackets, vests, trousers, skirts and sweaters for women in connection with the development of Russian trade into men's everyday life (singly at first – from the end of the 18th and during the first half of the 19th century, more actively – from the second half of the 19th century and beyond);

- Mutual influence of traditional costume and European-style clothing (in the 20th century throughout the century);

- The beginning of the spread of factory-made clothing and footwear after the October Revolution (since 1917);

- The beginning of the mass distribution of European clothing in everyday life, in the context of the development of centralized sedentary places of residence (20s – 50s of the twentieth century);

- The beginning of the gradual stylization of the Evenki costume in the Soviet period in connection with the development of amateur activities to promote the cultural diversity of the peoples of the USSR (30s – 50s and further until the 90s of the twentieth century);

- Preservation and development of traditional clothing made of natural materials among hunters, reindeer herders (from the 50s to the end of the twentieth century, partially until the beginning of the twenty-first century);

- Replacement of fur and transformed traditional outerwear of hunters and reindeer herders, comfortable, warm specialized clothing in connection with the development of the industry of modern fabrics adapted to cold climates (from the end of the twentieth century, beginning of the twenty-first century);

- Mass fascination with Evenki costume in three directions: 1. Stylization (update, transformation, introduction of new forms and materials) of traditional costume for intensified stage and festival activities in the post-perestroika era after the fall of the USSR based on historical information about traditional costumes, with full and partial compliance with the canons and the use of new artificial fabrics, artificial leather and suede; 2. Development of festive clothing for new and traditional holidays (Hunter's Day, Bakaldyn, Reindeer Herders' Day, Village Day) and celebrations based on historical information about traditional costumes, with full and partial compliance with the canons and the use of new artificial fabrics, artificial leather and suede; based on full and partial replication of old costumes made of expensive natural material, whole reindeer skins, rovduga, fur, reindeer kamus, moose; 3. Development of innovative costumes and jewelry in the designer direction based on Evenki motifs (since the 90s of the 20th century);

- Intensification of work on full and partial replication of old costumes made of expensive natural material, whole reindeer skins,

suede, fur, reindeer kamus, moose; Active participation of Syuldyukar craftswomen in exhibitions and master classes (since the 90s of the 20th century);

- Transformation of the use of traditional colors and the appearance of jewelry made of bright beads in a combination of stripes and corners sewn in a certain order from yellow, orange, red, blue, light blue beads. The appearance of an updated brand of Evenki vestmentary culture in a chest decoration in the form of a large ornament imitating the "trace of a bird's paw" or the "tail of a wood grouse" as a totem bird of a local genus. The wood grouse is a totem bird of the Syuldyukar Evenki.

- Activities of the rural culture club (until 2010), the Birakan Culture Center (since 2010) in the village of Syuldyukar, the creation of public bodies to popularize traditional culture, traditional and modern Evenki costume: ensembles, public organizations; Creation of the Dylachakan Song and Dance Ensemble (1995); the Khotun Ensemble (1996); Development of the Alaas Khotuna Women's Public Movement (1996);

- Work on the study of the traditional culture of the Evenki, the vestmentary culture of the ancestors in the comprehensive school of the village of Syuldyukar (since the 90s of the twentieth century); Development of extracurricular programs for the promotion and study of traditional clothing, the Ayukta coterie of the Syuldyukar rural comprehensive school to study the origins of traditional costume, teaching decoration;

- Recognition of stylized clothing based on traditional vestmentary culture as a new form of ethnic clothing of the Evenki. (20s of the 21st century). When a small ethnic group does not want to fully integrate into the culture of dominant nations, it uses primarily visible signs of its difference. Such a sign is traditional clothing. Recognizable and original, it not only unites the community, but also evokes a sense of self-respect and respect from others.

References

Borisova I. Z. Gastronomic tourism in Yakutia and its role in promoting the positive image of the region. *Materials of the international online conference «Public Recreation and Landscape Protection – With Sense Hand in Hand!»*. Prague, 2021, 227–231, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46893551>

Borisova I. Z. The image of the ethnoeses in the world view of the Sakha people. In: *Journal of Revista inclusions*, 2020, 7, 628–643, available at: <https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/article/view/1071>

Borisova I. Z. Historical and Socio-Cultural Basis of Yakutia (the Russian Federation) Ethnological Expertise and Subsoil Use Problems. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, 17(8), 1422–1433, available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/153240/02_Borisova.pdf;jsessionid=662B527347F4691292D083C8568C7E7B?sequence=1

Danilov I. A. Evenki language in the village of Syuldyukar, Mirny district of the Republic of Sakha (Yakutia): Reverse language shift? In: *Journal of Sociolinguistics*, 2022, 2(10), 174–192, available at: <https://sociolinguistics.ru/index.php/sociolinguistics/article/view/62>

Ignatieva E. P. *Istoriya Byrangatskogo roda. Syuryunda, Sadyn, Syul'dyukar [History of the Byrangat family. Syuryunda, Sadyn, Syuldyukar]*. Yakutsk, IP Timofeeva M. I., 2019, 255.

Koptseva N. P. *Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyah global'nyh transformacij (na materiale Krasnoyarskogo kraya). CH. I Konceptual'nye i metodologicheskie osnovy issledovaniya. Etnokul'turnaya dinamika korenykh malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraya. [Indigenous peoples of the North and Siberia in the conditions of global transformations (on the materials of the Krasnoyarsk Territory)]*. Krasnoyarsk, Sib. fed. univ., 2012, 640.

Kosarev V. N. *Bronzovyy vek Zapadnoj Sibiri. [Bronze Age of Western Siberia]*. M., Nauka, 1981, 278 p.

Lebedeva U., Borisova I. Nutrition of rural residents of the Far North: traditions and transformations. In: *Scientific and practical journal "Questions of nutrition". Proceedings of the XVII All-Russian Congress with international participation "Fundamental and applied aspects of nutrition and dietetics. Therapeutic and preventive nutrition"*, 2018, 87(5), 76. available at: DOI: 10.24411/0042–8833–218–10163

Report on the observance of the rights and legitimate interests of indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) and on the activities of the Commissioner for the Rights of Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2015. Available at: <http://www.iu-upkm.sakha.gov.ru>. (Accessed 11 January 2024).

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti [Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity]*. Moscow, Publishing house Mosk. Univ., 2019, 407.

Vassilevitch G. M. *Evenki (k probleme etnogeneza tungusov i etnicheskikh processov u evenkov). Otchet o pechatnykh rabotakh, predstavlenykh na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Evenks (on the problem of ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among the Evenks). Report on published works, submitted for the academic degree of Doctor of Historical Sciences]*. L., 1968.

Yakovleva A. I. Ecological disaster of Vilyuy through the prism of religion Aar Aiyy. Live Journal. 2018. Available at: <https://sakhallife.ru/ekologicheskaya-katastrofa-vilyuya-cherez-prizmu-religii-aar-ayyi/> (accessed 12 september 2024).

Yakutia is recognized as the native land of the Yakut people. 2016. Available at: <http://asiarussia.ru/news/14008/> (accessed 12 december 2023).

<https://mkusdkbirakan.saha.muzkult.ru/dal> (accessed 17 november 2024).

Yakutia. Sakha Republic. 2021. Available at: http://www.nftn.ru/oilfields/russian_oilfields/jakutija_sakha_respublika/21. (Accessed 11 January 2024).